

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/539349>

Слэш-сказки.

Направленность: Слэш

Автор: [chate](https://ficbook.net/authors/45010) (<https://ficbook.net/authors/45010>)

Фэндом: Ориджиналы

Рейтинг: R

Жанры: Флафф

Предупреждения: **Насилие**

Размер: Макси, 122 страницы

Кол-во частей: 15

Статус: закончен

Описание:

Это не одна история, а много всем известных сказок, переписанных наново и ставших сказками для взрослых.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Я решила не выкладывать каждую по отдельности, очень уж много сказок получилось, а должно быть еще больше, ибо читатели хотят их еще и еще.

У них разные рейтинги и жанры, даже реал есть, но все равно это сказки и их все объединяет одно - ХЭ!

ТОС

ТОС	2
Золушка 3000.	3
Аленький цветочек	25
В пене прибоя.	31
Кот в сапогах	38
Сказ о Гвидоне.	47
Двое из ларца	53
Жар-птица	56
Красная шапочка	66
Спящий красавец	74
Гадкий утенок	80
Царевич-лягушка	88
Чиполлино.	92
Внук Бабы Яги	98
Снежная Королева	102
Колобок, колобок, докатился голубок.	124

Золушка 3000.

Это была самая первая сказка. Написана по просьбе читателя с ником Vas111sa. Опыт оказался настолько удачным, что пошла моя Золушка гулять по и-нету без меня. С одной стороны обидно, все-таки я ее автор, а с другой радуюсь, раз "позаимствовали", значит хорошая вещь.

ЗОЛУШКА – 3000

Присказка.

Третье тысячелетие. Земля сильно изменилась. Климат стал суше и жарче. Внутренние моря и пресные озера обмелели, а океаны захватили часть суши, благодаря таявшим льдам на полюсах. На смену государствам пришли сначала Континентальные Союзы, а потом Планетарный Совет. Расы, жившие на земле, перемешались настолько сильно, что чистокровного представителя какой-либо из них найти было довольно сложно.

Постепенно люди завоевывали космос. Поначалу заселили Луну и Марс, создав там купола для нормального жизнеобеспечения. Потом замахнулись на более далекие планеты и их спутники. А теперь люди рвались дальше, к звездам, в поисках лучшего места для жизни. Все газеты кричали о человеческой экспансии космоса и смелых покорителях галактики.

Но сильнее всего изменения коснулись семьи и веры. Церковь благословила однополые браки. А все началось с величайшего изобретения двадцать шестого века – маточного репликатора. Он полностью заменял женщину, «вынашивая» и «производя на свет» ребенка. Все чаще женщины стали перекладывать на него свои обязанности в плане рождения. Конечно, поначалу, это было доступно только самым богатым дамам из высшего общества, но наука не стояла на месте, и вот через каких-то сто лет услугами репликатора стали пользоваться все женщины Земли. Это значительно снизило смертность и среди матерей, и среди младенцев, но тут возникла другая проблема. Вместе с изобретением искусственной матки, люди получили возможность планировать пол ребенка. Конечно, мужчины хотели сыновей, продолжателей рода и дела предков. Женщины поддерживали мужей или не хотели им перечить, а может, им было все равно. Теперь это не важно, но важно то, что уже через поколение земляне столкнулись с первой проблемой. На двадцать-тридцать мужчин приходилась всего одна женщина. Свою роль в таком перевесе сыграла и мода. В то время было не модно иметь больше одного ребенка. Считалось, что лучше отдать все возможное одному, чем делить на двоих или троих.

Ученые бросились решать эту проблему, но тут возникла новая. Оказалось, что при стопроцентной выживаемости мужских эмбрионов, женские выживали, хорошо, если один из десяти. Никто так и не смог объяснить такого феномена. В первые годы использования репликатора, при поголовном желании иметь сыновей, эта проблема прошла незамеченной, а теперь... Теперь это могло обернуться катастрофой. При такой демографической ситуации гомосексуальные союзы перестали быть диковинкой, и церковь, чтобы не утратить паству, разрешила и благословила такие браки, тем более, что библейская фраза «плодитесь и размножайтесь» больше не зависела от пола супругов. Семейные пары заказывали ребенка и оплачивали его, когда понимали, что могут себе это позволить. Одиноким мужчинам, решившим завести малыша, получали спецразрешение от государства, на первого ребенка – бесплатно. Дальше все

проблемы по выращиванию и воспитанию младенца ложились уже на плечи счастливого родителя.

Так и жила Земля в эру смены третьего тысячелетия.

СКАЗКА.

Артур Байе.

Отец назвал меня Артуром потому, что очень любил старые сказки и легенды и возлагал на меня большие надежды. Возлагал. Как давно это было, и в то же время совсем недавно. Теперь я работаю уборщиком в гостинице, которая должна была принадлежать мне. Ну, уборщик не совсем верное понятие, этим занимаются роботы, а я должен их программировать. Наладка и контроль их работы тоже на мне. Кроме того, в мои обязанности входит мелкий ремонт в гостинице и работа курьера, принеси–отнеси. Вот так я и бегаю весь день, как белка в колесе, и все это за стол и крышу над головой. Когда отец задумал постройку этой гостиницы, он взял в долг деньги у одного богатого и уважаемого человека. Банки не давали нам ссуду, сколько бы отец ни предоставлял проектов и документов. «Слишком велик риск потерять деньги», - твердили там.

Гостиница была построена. Она приносила хороший доход, и мы не бедствовали, а когда пришла пора отдавать долг, отец взял нужную сумму в банке и поехал к кредитору. В тот день он так и не вернулся. Кредитор звонил несколько раз, интересуясь, где его деньги, а утром к нам пришел полицейский с известием о смерти моего отца. Он был найден в парке, недалеко от дома кредитора, и денег, разумеется, при нем обнаружено не было. Сердечный приступ, который констатировали врачи, лишил меня и отца, и спокойного существования. Наша гостиница за долги досталась Ван Фирту, кредитору, а управляли ей два его сына. Вернее, они не столько управляли, сколько снимали прибыль. Если бы не старая команда, работавшая еще на отца, этот бизнес давно бы лопнул. В то время я еще учился, и выгнать меня из дома (а эта гостиница была мне именно домом), закон Ван Фирту не позволял, так что мне было разрешено остаться с условием, что я буду отрабатывать свое содержание. Так и пошло. Маленькая темная комнатка на чердаке, вместо большой и светлой, и занятия при свете лампы в перерывах между работой. Если бы не поддержка старых работников, я не знаю, как бы мне удалось прожить до сих пор. Школу я закончил два года назад, сейчас мне почти девятнадцать, а никаких перспектив в жизни я не вижу. Для дальнейшего образования нужны большие деньги. Заработать их без образования нет никакой возможности, на чудо я давно не надеюсь. Замкнутый круг. - Эй, «Король Грязи», работать надо, а не мечтать, сидя над этим железом.

Один из хозяев, старший сын Ван Фирта, господин Микаэль, так он велел себя называть, вышел из лифта в холл и сразу же нашел к чему прицепиться. И чего они с братом меня вечно задевают, что я им сделал?

- Я не мечтаю, я ремонтирую робота. Программа зависла.

- Да мне начхать. Убирай эту грудку старого железа, а если не можешь отремонтировать, то бери швабру и мой здесь сам. Через час к нам прибывает Нортон Винд, и если ты опозоришь нашу гостиницу, моментально окажешься на улице. Знаешь, чем тебе тогда придется зарабатывать на жизнь?

Конечно, знаю. Шутка про мою попку – единственное средство заработать при моей неумелости и никчемности - была у него самая любимая.

К счастью, спустился младший хозяин, господин Питер, что избавило меня от выслушивания всего этого в очередной раз. Братья вышли на улицу, а я поспешил запустить робота.

- Вот и все, – я поднялся, перебросив за спину косу.

Да, у меня длинная коса, достающая до ягодиц, светло-русые, немного вьющиеся волосы и серо-голубые глаза. Роста во мне чуть выше среднего, худощав, но жилист. Слегка курносый нос и веснушки дополняют картину. Таким уж я уродился.

Тренк, наш повар, говорит, что Микаэль цепляется ко мне потому, что я ему нравлюсь, но мне в это верится с трудом. Филипп, бухгалтер, советует набраться терпения, и все непременно образуется, а Добс, швейцар, советует найти себе мужа, богатого и сильного, чтобы мог отпор дать любому Микаэлю. Только где же его взять? Они же на дороге не валяются.

Взять того же Нортон Винда, пресса его обозвала «Алмазным принцем» из-за того, что его отец владел всеми правами на разработку алмазов в Солнечной Системе. Красив, строен, богат. За ним и мужчины, и женщины ходят табунами. Где уж ему заметить такое невзрачное существо, как я, он и под ноги, наверное, редко смотрит.

Я несколько раз видел его фото в дорогих журналах, иногда оставляемых посетителями в номерах. Красавец. Смуглокожий, высокий, темноволосый и зеленоглазый. Просто загляденье.

Я снова вздохнул и пошел вверх, чтобы убедиться в полной готовности номера для столь высокого гостя. Наверняка он приезжает на маскарад. И как бы мне хотелось попасть туда, хоть на часок.

Нортон Винд прибывал инкогнито, если, конечно, может инкогнито прибыть такая известная особа. Поэтому и была выбрана наша гостиница. Она, конечно, неплохая, но выше четырех звезд не тянет. Номер пентхауса был вычищен идеально. Все заправлено, отглажено и сверкало в ожидании нового постояльца.

Открыв дверь, чтобы выйти, я уткнулся носом в чью-то грудь. Шелковая рубашка и приятные духи сразу дали понять, что передо мной не простой человек. Подняв взгляд выше, я натолкнулся на холодное лицо с ледяными зелеными глазами. Нортон Винд, удостоив меня мимолетным взглядом, отодвинул меня со своего пути и вошел в номер. За ним следовал робот–носильщик и оба хозяина. От Микаэля я получил подзатыльник, а от Питера – толчок в спину. Дверь за ними закрылась, и только слабый звук голосов долетел до меня из-за нее.

- Вот и прибыл «Алмазный принц», который, конечно же, не заметил меня. Вполне ожидаемый результат.

Утро. Запевшую было птицу спугнул шум слишком рано проснувшегося города. Карнавал. Каждый год тридцать первого мая в нашем городе проводился большой карнавал. Яркий парад на площади сменялся маленькими представлениями в разных частях города, а завершалось все грандиозным салютом. Но в этом году организаторы ввели одно новшество – бал-маскарад на главной площади. Жители города уже давно заготовили костюмы, и весь город буквально лихорадило в ожидании предстоящего действия. Я бы тоже не отказался пойти, только костюма у меня не было. Да и кто мне разрешит? Хозяева всегда находили мне в праздники дополнительную работу. Так же будет и в этот раз.

Я медленно выбрался из постели, предвкушая тяжелый рабочий день. И оказался прав. За ночь кто-то умудрился вывести из строя кухонного робота самым действенным способом – вылив на него воду. Кроме того оказалось, что огромную кучу всяких документов необходимо доставить адресатам именно сегодня. Ничего неожиданного. Тренк заверил меня, что до вечера справится сам, тем более что он доверял роботу

только самую простую работу типа чистки и нарезки, а все заготовки на сегодня были сделаны заблаговременно. Так что я с утра занялся документами. В стопке, выданной мне ехидно улыбающимся Микаэлем, были письма двух- и трехдневной давности, и бумаги, которые следовало доставить адресатам лично, несколько кристаллов-книг, взятых постояльцами в библиотеке, и вещи из проката. Чтобы доставить все это сегодня, мне предстояло побегать. Адресаты не станут ждать меня дома, когда вокруг такое празднество.

Когда последняя посылка была доставлена, перевалило далеко за полдень. Перехватив на кухне немного оставшегося супа, я приступил к починке кухонного робота.

- Так я и думал, придется менять почти всю начинку. Микрочипы не просто погорели, они оплавившись так, что восстановлению не подлежат.

- Какая жалость, – ехидный голос Микаэля, раздавшийся сзади, заставил меня вздрогнуть. – Тогда тебе придется работать всю ночь, потому что завтра с утра робот должен быть исправлен.

Потом хозяин, посмеиваясь, ушел, а Тренк тихонько прошептал мне на ухо:

- Мы что-нибудь придумаем. Обязательно. Вот уйдут постояльцы на праздник, и мы все тебе поможем.

- Спасибо, Тренк. Вы всегда были для меня близкими людьми и заменили мне отца. Спасибо.

К вечеру мы общими усилиями наладили испорченного робота.

- Осталось только проверить его в работе и, если проблем не будет, можно отправляться спать.

- Спать в такой день?

- Тренк, вечер уже.

- Верно, вечер, и скоро карнавал будет в самом разгаре. Тебе обязательно надо там побывать.

- Ой, Добс, не смейся. Какой карнавал? И надеть мне нечего.

- А вот это как раз не проблема, – Филипп загадочно улыбнулся. – Мы тут с ребятами кое-что сообразили, и вуаля.

Жестом заправского фокусника Филипп достал из-за двери белоснежный брючный костюм с серебряной отделкой.

- Это мне? – от неожиданности у меня даже дыхание перехватило.

- Тебе, – Тренк встал и подтолкнул меня к обновке, – он не то чтобы новый, это когда-то принадлежало нашему Филиппу, но мы его почистили, заново обшили, а Добс принес подходящую к костюму маску и сапоги.

- Мне не верится. А как же робот?

- Мы все доделаем сами, а ты – марш мыться и переодеваться.

Через час я стоял на кухне, демонстрируя себя в костюме.

- Ну, чисто принц, – Филипп критически осмотрел меня. - Только прическу надо поменять. Твоя коса, конечно, красивая, но принцы так не носят. Ну-ка ...

Он повозился с волосами и заколками, а потом подвел меня к зеркалу в холле.

- Поглядите, мой принц. Как Вам?

- Ну, Филипп, хватит издева... Ой.

Мужики за моей спиной дружно заржали, а я смотрел на себя и не узнавал. Волосы собраны в высокий хвост, только две пряди по бокам обрамляют лицо. Маска усиливает голубизну глаз. Бело-серебристый костюм, словно на меня сшитый, подчеркивает

фигуру. Высокие и узкие белые сапоги до колен делают мои ноги словно длиннее. Действительно «ой». Только украшения не хватает.

- Я сейчас, – бросившись к лестнице, я мигом влетел на самый верх. Там, в моей камере под крышей, лежало самое драгоценное, что у меня было - серебряные парные браслеты моего отца. Он сам их когда-то придумал и создал. Надеялся подарить один из них своему возлюбленному, а второй носить сам, но не довелось. Его мечта так и осталась мечтой, он так и не встретил того, кто покорила бы его сердце. Теперь эти браслеты стали моими, и ничто не сможет меня заставить продать их.

Достав один, я надел его на запястье левой руки. Именно то, что нужно.

Нортон Винд.

Я приехал в это захолустье по настоянию отца. Он, видя, что моя хандра со временем только усиливается, настоял на этом маленьком путешествии.

- Смена обстановки поможет тебе развеяться после развода.

Все думали, что я переживаю разрыв с Марси, но никто не видел, что я просто не хочу заводить новые отношения с такой же накрашенной куклой, как она. Да-да. Именно не хочу, а отец и мать, как сговорившись, подсовывают мне раз за разом таких вот недалеких девушек или парней. Надоело.

С Марси я заключил брачный контракт только на год, слава богу. Дольше вынести ее вздорный и капризный нрав, думаю, никто не в силах. А до нее был Даниэль, Лукреция, Миранда, Каррис, Габриель и эта, как ее, а вспомнил Лилианна. Все они прошли через мою жизнь, не оставив в ней никакого следа, кроме сожаления. С кем-то я заключал брачный контракт, с кем-то расставался раньше, но все они были не тем, что мне нужно. Теперь еще этот карнавал. Ну, вот зачем он мне нужен? Обязательно прицепится кто-нибудь из желающих присосаться к богатой кормушке, к коей я являюсь приложением. Да, собственно, уже нашлись первые претенденты. Два братца, хозяева гостиницы, где, по милости отца, мне забронировали номер инкогнито. Вся эта планета мала для того, чтобы спрятаться от назойливых поклонников, а тут какой-то городок. Завтра же весь мир будет знать где, с кем и, главное, как я провел выходные. Знаменитым быть неудобно. Вон братики так и вьются вокруг меня, особенно старший старается. А на пороге номера мне попался какой-то слуга с испачканной щекой. Могли бы помыть его перед моим прибытием. Хорошо хоть номер прибрали. Эх, жизнь моя, тяжелая. И за что мне это наказание?

Выпроводить братиков оказалось задачей не из легких. Намеки они не понимают совершенно. Пришлось сказать, что хочу отдохнуть с дороги, и попросить их удалиться. Пока робот распаковывал мои вещи, я вышел на террасу и огляделся. Ничего так, миленько. Город украшали к празднику цветами, шарами и яркими лентами. Но только миленько, не больше.

Вечер я провел в обществе своего ноута, общаясь с родителями, а на следующий день отправился смотреть карнавал. Место, которое для меня заказали, было отличное. Небольшой балкон, откуда было хорошо видно всё праздничное действо. Часа три я провел, наслаждаясь одиночеством среди кричащего и веселящегося народа. Красота. Потом было приглашение на обед в ратуше, потом меня возили по городу, показывая подмостки, на которых выступали всякие певцы, музыканты и актеры. Было забавно, но от всей этой шумихи у меня начала болеть голова, так что я, отговорившись необходимостью в кратком отдыхе, отделался от свиты и вернулся в свой номер. Тишина. Как хорошо. Я ненадолго прилягу на кровать и отдохну в тишине.

- Совсем недо-олго отдохну, - я зевнул и отключился от реальности.

Разбудил меня шум где-то на улице. Уже начинало смеркаться.

- Пора идти на маскарад.

Приведя себя в порядок и надев черный костюм с плащом и черную полумаску, я постарался как можно незаметнее покинуть гостиницу. Впрочем, я зря осторожничал. Во всей гостинице стояла такая тишина, что было ясно, я здесь последний из жильцов. Остальные уже там, где веселье. Только на кухне были слышны голоса, видимо, там собрались слуги, чтобы отдохнуть в отсутствие хозяев. Швейцар, выпустив меня, закрыл дверь, и я остался на улице среди веселящегося народа. Один и в маске, никем не признанный, я прошел до площади, где и был запланирован бал.

О, да. Потеряться в такой толпе разноцветных масок было проще простого. Я развлекался, как мог. Пил, ел, танцевал, флиртовал с парнями, одетыми в платья, и девушкой, наряженной одноглазым пиратом. С бабочкой протанцевал вальс, а потом угодил в объятия купидона. Райская птичка принесла мне бокал вина, а бородатый король чуть не подбил мне глаз, приревновав своего рыцаря.

Так хорошо мне давно не было. В какой-то миг я уловил в людском море что-то нежно-белое, а разглядев того, кто привлек мое внимание, я уже не мог оторвать от него глаз. Это был юноша с прекрасным телом и легкой походкой. Он скользил среди людей, а я следовал за ним, иногда грубо отталкивая с пути мешавшего мне человека. Только бы не потерять его.

В какой-то момент я оказался достаточно близко, чтобы рассмотреть его получше. Длинные волосы спускались до самой аппетитной в мире попки, которую обтягивали светлые штаны с серебристой отделкой. Короткий белый кафтан и рубашка с кружевными рукавами подчеркивали белизну кожи. Передо мной был принц.

- Мой принц, не желаете бокал вина?

Парень ойкнул и обернулся. На меня смотрели небесно-голубые глаза, а алые губки, по которым быстро пробежал язычок, так и молили о поцелуе. Именно в тот момент я понял, что сегодня проведу ночь не один, чего бы мне это ни стоило.

Принц, как он разрешил себя называть, поначалу был скован и явно стеснялся, но после пары бокалов вина в глазах его появился шальной блеск, а улыбка оказалась весьма обворожительна. Мы немного потанцевали, потом я накормил его десертом из мороженого с клубникой, прямо с рук, потом снова бокал вина и быстрый вальс. Когда я предложил пойти ко мне и продолжить вечер вдвоем, он быстро согласился.

К гостинице, где я остановился, мы подходили, весело смеясь над историями из моего детства и юности. На пороге он вдруг занервничал, и мне показалось, что он сейчас удерет, но принц потрянул головой, словно отгоняя неприятные мысли, и вошел следом за мной через черный ход, ключи от которого я заблаговременно выпросил у младшего из братьев. Перед входом в лифт снова небольшое колебание. В самом лифте парень стоял, низко опустив голову, а когда мы вышли на самом верху, он действительно чуть не удрал, мне пришлось ловить его за руку и обещать, что ничего страшного его здесь не ждет, только бокал вина и чашка кофе.

- А можно, я не буду маску снимать? – голос его звучал тихо, но так нежно.

- Конечно можно, мой таинственный принц. Я готов выполнить любой Ваш каприз.

После нового бокала юноша немного расслабился, и я предложил ему кофе, в который добавил немного ликера, для укрепления дружбы, так сказать.

Дальше оказалось все просто. От поцелуев парнишка совсем потерял голову и позволил

раздеть себя. Осталась только эта глупая маска, но он так держался за нее, что я решил все так и оставить, пока.

Тело у мальчика оказалось просто великолепным и таким отзывчивым. Небольшая неловкость и явная неопытность сглаживались жаркой страстью, которой он весь пылал, и разжигал во мне такую же, не прибегая ни к каким ухищрениям. Ему достаточно было просто находиться рядом и отдаваться с таким искренним желанием, чтобы я потерял голову.

Мальчик был не просто неопытен, он оказался девственно чист. Когда я понял это, идти на попятный было поздно, так что я продолжил, стараясь подарить ему не меньше удовольствия, чем получал сам.

В какой-то момент я перевернул его на живот и продолжил наш вечер, выцеловывая узоры на его плечах и спине, куда доставал. Тогда я и заметил на пояснице небольшое родимое пятнышко в виде крыла бабочки. Тогда я не мог дотянуться до него губами, но когда мы оба получили удовольствие, я все же поцеловал его туда.

- Мотылек, может, снимешь маску? В ней неудобно спать.

Юноша посмотрел на меня совершенно сонными глазами и попросил выключить свет. Как только его просьба была исполнена, маленький принц, сняв все-таки эту маску, уткнулся носом мне в шею и, обняв, сразу засопел.

- Устал, маленький, – я провел по его волосам рукой, чувствуя под пальцами шелк волос. Мне очень хотелось включить свет и посмотреть на его лицо, узнать кто он, откуда, но после столь бурной ночи я и сам был не против поспать, поэтому отложил знакомство на утро.

Если бы я знал, что, проснувшись, не найду его рядом, что на память о той дивной ночи у меня останется только забытый им на полу уникальный дизайнерский серебряный браслет, я бы не упустил свой шанс, а так...

Я проснулся утром в пустой постели и со жгучим желанием найти моего загадочного принца–мотылька.

Артур.

Я проснулся утром, как от толчка, и сразу вспомнил все, что произошло вчера вечером. Хотелось бы мне поверить, что все это было только сном, но явное доказательство реальности произошедшего сейчас обнимало меня, тихо посапывая в макушку, а еще у меня болело там, где никогда не болело раньше.

Почему я не ушел? Сам не знаю. Ведь порывался уйти, сначала, когда понял, куда мы пришли, потом когда, наконец, узнал своего спутника, но все же остался. Он называл меня принцем и был так внимателен и мил, что я не смог отказаться. Отец говорил, что я пойму, когда встречу ЕГО. Может тогда мне показалось, что Нортон именно то, что нужно? А тут еще и вино сыграло свою роль. Я ведь раньше не пил ничего крепче безалкогольного пива. В общем, вечер удался. Хорошо, что он лица моего не видел, а то я точно вылетел бы с работы. Хозяева ни за что не простят связи с клиентом.

Я очень осторожно выбрался из кровати, натянул на себя штаны и, подхватив все остальное, выскользнул в коридор. Слева имелась служебная лестница, вот по ней я и добрался до своего чердака.

Поначалу я решил, что все обошлось, и только вымывшись и переодевшись к новому рабочему дню, заметил отсутствие браслета. Потерял? Где?

Я бросился вниз по лестнице, оглядывая каждый сантиметр дороги, по которой прошел. Нигде его не было. Если браслет остался в номере, то я его смогу вернуть, скорей всего. Но я совершенно не помнил, был ли он на моей руке, когда мы зашли в номер Нортонна. А

если я его потерял до того, если он где-то на площади? Не раздумывая, я бегом бросился к месту проведения бал-маскарада.

К счастью на площади никого не было, так что я потратил около часа, прочесывая ее в поисках пропажи. Ничего. Вся надежда на номер Нортон. Если браслет там, то я заберу его. Нужно только дождаться его ухода.

Бой старинных часов на башне ратуши известил о том, что сейчас девять часов. Моя работа! И снова бегом.

- Только бы хозяева не заметили моего отсутствия.

Задыхаясь, я влетел в двери черного хода и столкнулся там с Тренком, выносящим отходы.

- Меня хозяева не искали?

- Они еще не спускались, так что можешь подняться наверх и привести себя в порядок.

Ты выглядишь так, словно на тебе проскакали пару миль галопом. И косу переплети, все растрепалось.

Я так и поступил. Когда же через полчаса я спускался вниз, то столкнулся в дверях холла с Михаэлем. Он выронил чашку кофе, заляпав при этом себе брюки и туфли.

- Безмозглый идиот, ни на что не годный! Мои новые туфли!

- Я все соберу и почищу, господин Михаэль, простите.

Я присел на корточки, собирая осколки чашки.

- А где это тебя носит? Ты давно должен был быть на работе!

- Простите, господин Михаэль. Я... я мыл голову. Вчера вечером я работал допоздна и не успел. Поэтому решил с утра, вот.

- С утра значит, – голос хозяина напомнил мне шипение разъяренной змеи. – Тогда надо позаботиться о том, чтобы тебя больше ничто не отвлекало от работы.

Он вдруг схватил меня за косу и больно дернул вверх. Что-то щелкнуло, а потом резкий рывок за волосы, и я, вскрикнув, упал на пол, ощущая непривычную легкость на голове. В первое мгновение я даже не понял, что произошло. Просто увидел, как Михаэль закрывает складной нож, кладет его в карман, а потом бросает передо мной на пол мою косу. Мою отрезанную косу!

- Теперь она тебе не помешает выполнять свои обязанности.

Обойдя меня, он пошел наверх, весело насвистывая, а я остался сидеть на полу, глядя на свое единственное украшение, теперь утерянное. Отец так любил длинные волосы, и я не стригся с пяти лет, чтобы порадовать его. А теперь...

Я поднял свою косу, свернул ее как можно бережнее и, прижав к груди, разревелся как ребенок.

- Арти, ну что ты. Артур, – это Тренк теребил меня. – Давай, поднимайся и иди к себе. Не надо, чтобы кто-то из постояльцев видел тебя таким. Иди. Я сейчас пришлю к тебе Филиппа, он обязательно что-нибудь придумает.

Вскоре ко мне действительно пришел Филипп, с ножницами и расческой. Ни слова не говоря, он вытер мое заплаканное лицо и начал колдовать над головой, что-то подрезая и выравнивая. Через полчаса на голове у меня была вполне приемлемая короткая прическа, но настроения она мне не улучшила.

- Артур, ты уже взрослый парень, нельзя же так убиваться из-за волос.

- Они папе нравились, – я шмыгнул носом, чувствуя, как набегают новая порция слез.

- Ну, это же не навсегда. Они обязательно отрастут и будут еще краше прежних. А теперь ступай, тебе надо умыться и спуститься вниз. Нельзя показывать свою слабость тому, кто может воспользоваться ею, чтобы причинить тебе боль. Соберись.

- Спасибо тебе, Филипп, - я высморкался в предложенный платок, - я больше не буду

плакать.

- Вот и умница, – он поцеловал меня в макушку, – главное помни, не вешай нос, и все будет хорошо. Чудеса иногда случаются, даже в нашем сумасшедшем мире.

- Чудеса? – моя грустная улыбка отразилась в осколке зеркала. – Я уже не маленький, чтобы верить в чудеса.

За всеми этими переживаниями я вспомнил о том, что хотел обыскать комнату Нортон, только далеко за полдень. Сначала я прогулялся по этажу и убедился в том, что хозяина нет в номере. Зайти в номер – не проблема, у меня есть ключ, открывающий любую дверь, так что вскоре я осматривал пол в поисках своего браслета. В постели искать было бесполезно, потому что перестилавший ее робот, в случае нахождения какой-либо вещи, оставлял ее на прикроватном столике. Так они были запрограммированы. Не то, что раньше. Тогда все найденное выкидывалось в мусорный отдел на работе, а потом высыпалось в контейнер. И угадайте, кому приходилось лазить в эти контейнеры и искать потерянные часы и кольца? Верно, мне. Так что, полазив пару раз в отходах, я сменил программу.

Сейчас на столике ничего не было, впрочем, как и на полу. Оставалось только посмотреть под кроватью, что я и сделал. Пролез под нее и принялся шарить в полутьме руками, в надежде найти искомое. Пусто. От разочарования я опять чуть не разревелся, но поток слез был вспугнут открывающейся дверью и голосами. Это пришли мой хозяин Микаэль и Нортон Винд.

- Может, по бокалу вина? Я, как радушный хозяин, просто обязан заботиться об удовольствии для моих гостей. Любое Ваше желание будет исполнено, только скажите. Абсолютно любое.

- Нет. Я устал и хотел бы отдохнуть в одиночестве. А это что такое?

Черт, мои ноги торчали из-под кровати, а из восклицания Нортон стало понятно, что меня заметили. Пришлось вылезать. Микаэль тут же подскочил ко мне и довольно больно дернул за руку.

- Ты что здесь делал, паршивец? Воровал?

- Я? Ничего такого. Я п-проверял насколько хорошо уборщик вымыл под кроватью. Я всегда проверяю.

- Не думаю, что под моей кроватью есть что воровать, так что буду очень вам благодарен, если меня оставят одного.

- О конечно-конечно. Я немедленно накажу нерадивого слугу за то, что он помешал Вашему отдыху, - с этими словами Микаэль вышел, толкая меня перед собой.

Ну вот, сейчас опять придумает для меня какую-нибудь работу на всю ночь. Как же мне все это надоело.

Нортон.

Три дня. Я потратил на поиски мотылька три дня, и все впустую.

Сначала я объехал все гостиницы в городе и даже в пригороде. В каждой я спрашивал о молодом, стройном постояльце со светлыми длинными волосами, и везде получал отрицательный ответ. Убив на это целый день, я вернулся в гостиницу расстроенный и злой, а тут еще эти два хлыща, хозяева гостиницы, вокруг вьются. То бутылку вина предложат, то ужин совместный. А старший вообще обнаглел, едва ли не в открытую навязывался на ночь в моей постели. Нет, он себя вообще в зеркало видел?

В любом другом случае я немедленно сменил бы гостиницу, но здесь я побоялся

разминуться со своим ночным мотыльком. А вдруг он придет ко мне или напишет.

Всю ночь я почти не спал. Во сне я видел ЕГО и тут же просыпался, чтобы удержать мотылька рядом с собой, но это оказывался лишь сон. Увы.

На второй день я обошел все частные пансионаты и сдающиеся меблированные апартаменты, но все с тем же результатом. Никто его не видел и ничего о нем не знал. Вечером мне было так тоскливо, что я, молча забрав предложенную бутылку вина, заперся у себя в номере и осушил ее до дна один. Наутро у меня страшно болела голова, но это плохо помогало забыть о ТОЙ ночи.

Наглотавшись таблеток, я просто бродил по городу и вглядывался в лица людей. Я уже понял, что мой принц пропал навсегда, что он уехал, не оставив мне даже надежды на встречу, что эта ночь была для него лишь мгновением, а я тут бегаю по городу, как ополоумевший лось в поисках любви. Стоп! Любви? Неужели это болезненное чувство в груди и тоска – это и есть любовь? Неужели одна ночь с незнакомым парнем, лица которого я даже не видел, могла заставить меня испытать такое чувство, как любовь? Если нет, тогда что это? Почему я не могу выкинуть его из своей жизни? Почему ищу? И, главное, зачем? Просто потому, что мне понравился секс с ним, или это все же что-то большее? Я совсем запутался в себе и своих чувствах.

Обед в маленьком ресторане, расположенном в живописном парке на берегу озера с лебедями, не улучшил моего настроения.

Потом я снова ходил по городу и думал, думал. О себе, о своей жизни, о тех людях, что меня окружали. И еще я раздумывал, не поручить ли поиски принца–мотылька моей службе безопасности, или это уже перебор? Подходя к гостинице, я все же решил отказаться от этого. Слишком уж глупо звучит: найдите мне того, с кем я переспал, только имени и лица его я не знаю. Один браслет и остался мне на память. Я опустил руку в карман и погладил теплый металл пальцами. Нужно будет непременно приехать сюда в следующем году, может, мы вновь встретимся.

Приняв такое решение, я уверенно пошел вперед. Мне предстоял отъезд из этого городишки, а значит, следовало собрать вещи и вызвать аэротакси.

У самой гостиницы я остановился и отступил в тень, наблюдая за отъездом обоих хозяев. Вот и славно, никто не станет докучать мне своими глупыми предложениями. Хватит того, что я терпел их столько дней.

Через час вещи были собраны и установлены в холле в ожидании такси. Я же, на прощание, решил выпить чашечку кофе. Здешний повар его удивительно вкусно готовит. Поэтому, недолго думая, зашел прямо на кухню и попросил у удивленного моим визитом мужчины черный кофе покрепче.

- Конечно, присаживайтесь, – он указал мне на небольшой столик в углу и принялся колдовать над заказом.

- Тренк, два зеленых чая с жасмином и медом в пятый номер. Срочно.

В столовую влетел парнишка со светлыми волосами. Короткая стрижка и вьющиеся волосы делали его похожим на одуванчик, а еще и крапинки веснушек на носу. Одежда, явно с чужого плеча, болталась на его теле, как на вешалке. Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться, а это чудо природы чуть не пританцовывал от нетерпения возле повара.

- Успокойся, сейчас сделаю, отчего такая спешка?

- Дама из пятого очень недовольна обслуживанием. Ты же знаешь, что Микаэль обязательно сделает меня виноватым, – парнишка повернулся к столику, где я сидел, и только тут увидел меня. - Ой. Простите, я Вас не заметил. Я подожду чай снаружи. Он опустил глаза, покраснел и хотел было уйти, но повар его задержал.

- Подожди. Чай у меня уже готов, сейчас разолью и отнесешь. Захвати заодно и печенье с орехами и маком. Ее сыночку они вчера очень понравились. Скажешь, что это за счет заведения, как лучшим постояльцам. Такие, как они, падки на лесть. Может, и пронесет. Иди.

Тренк, кажется, так звали повара, протянул парню поднос с чаем и печеньем. Тот подхватил поднос и, поблагодарив, исчез так же быстро, как и появился.

- А Вам, господин Винд, подать печенье? Есть с маком, орехами, медом, ванильное и лимонное.

- Пожалуй, нет. Это только испортит вкус кофе.

- Приятно встретить настоящего ценителя. Ваш кофе, сэр.

- А ты местный психолог?

Я втянул аромат крепкого кофе и с блаженством прищурил глаза.

- Божественный аромат.

- Хороший повар обязан быть психологом, если хочет, чтобы люди ценили его труд, – Тренк хитро подмигнул мне и удалился обратно к плите, где у него что-то жарилось и шкворчало.

- Чьи это вещи? Кто съезжает? – крик старшего брата моментально сбил мне все настроение. Кто-то, видимо, ответил на его вопрос, потому что он продолжил кричать дальше.

- Почему меня не предупредили? Артур, бестолочь никчемная, я выкину тебя на улицу, если ты еще что-то сегодня вытворишь. Где он?

Тихий голос что-то ответил. Я поморщился, представляя, как он сейчас ворвется сюда, громогласно стеная из-за моего отъезда, но он, обозвав какого-то Артура идиотом, побежал наверх.

- Господин Микаэль очень рассчитывал на Ваше внимание к своей персоне и теперь будет три дня срывать на всех свою злость.

- Если бы ты знал, Тренк, как мне надоели такие вот Микаэли. Они ходят за мной стаями в надежде урвать кусок пожирнее, и отвязаться от них нет никакой возможности.

- А как насчет брака?

- Я только разошелся с такой же жадной стервой и вовсе не стремлюсь снова обзавестись супругом, который начнет истощать мой кошелек, едва добравшись до него.

- А как насчет фиктивного брака?

- Фиктивного?

Я даже про кофе забыл. Мысли в моей голове проносились с ошеломляющей скоростью. Вот он, выход. Такая мысль мне в голову не приходила. Я могу заключить договор на брак, но его условия оставить в тайне для окружающих.

- Для всех вы будете парой, но только вы двое будете знать, как обстоят дела на самом деле, – повар подлил мне горячего кофе в кружку.

- Надо подумать. К тому же надо найти человека достаточно честного, чтобы он не попытался оспорить договор по окончании срока его действия. Это достаточно сложная задача.

- Нет здесь ничего сложного. Артур Вам вполне подойдет. Хороший парень. Я знаю его с рождения. Честный, порядочный. Когда-то эта гостиница принадлежала его отцу, и парень рос на наших глазах. Теперь ему тут и вздохнуть не дают, а парень очень хочет учиться. Думаю, он согласится на все, чтобы только вырваться из этой клетки.

- Артур – это кто?

- Тот парнишка, что забегал за чаем. Он, правда, очень хороший. Вон, только что сказал,

что не знает, где Вы, хотя прекрасно знал, что Вы сидите у меня на кухне.

- А, как же, помню, это он у меня под кроватью ползал, пыль искал.

Повар рассмеялся.

- Это он кое-что потерял на днях и не мог вспомнить где, вот и шарил по всем закуткам.

- Понятно, – я задумался. С одной стороны, идея была стоящая, а с другой, вдруг я найду своего принца? Впрочем, в контракт может входить пункт о неустойке, в случае преждевременного расторжения брака. Так что я смогу в любой момент аннулировать его. Да и парень вроде ничего. Его бы приодеть, причесать, и не стыдно будет показать в обществе.

- Зови сюда своего Артура.

- Я мигом! – договаривал повар уже на бегу, а через пару минут вернулся, толкая перед собой упирающегося парня.

- Давай-давай. Господин Винд хочет с тобой поговорить, – Тренк усадил его напротив меня и оставил нас наедине, не забыв прежде отключить плиту.

Артур сидел напротив, упорно не желая смотреть на меня. При этом он все время то краснел, то бледнел, мне даже в какой-то момент показалось, что он сейчас в обморок упадет.

- У меня к тебе есть одно деликатное предложение, - начал я, - и я хочу надеяться, что, даже в случае твоего отказа, этот разговор останется в тайне.

- Хорошо, – голос парня сорвался, показывая мне всю степень его волнения.

- Так вот, речь пойдет о заключении брака между нами, фиктивного брака.

- Что? – парень поднял на меня широко раскрытые от потрясения серо-синие глаза. – Брак? Нет, я не могу. Это шутка?

- Нет, не шутка. Я предлагаю тебе заключить со мной брачный контракт на три года, после чего мы тихо и мирно расходимся, без претензий друг к другу. Твое решение?

- Я не знаю. Странно все это, словно розыгрыш. Вы же меня не знаете. И... это... как-то...

- он явно не знал, что сказать.

- Тренк говорил, что ты хочешь учиться.

- Да, но денег, платить за обучение, у меня нет.

- У меня есть. Я оплачиваю тебе обучение в любом заведении, на твой выбор. Взамен я получаю возможность спокойно жить, не опасаясь преследования со стороны охотников за моими деньгами.

- Парижский институт имени Доэля, – мальчишка поднял на меня горящие азартом глаза. – Астрогеолог. Экстерн-обучение два года и восемь месяцев. Надомная программа со сдачей экзаменов в виртуальном пространстве.

Выпалив все это, он даже дыхание затаил, дожидаясь моего ответа. Я усмехнулся.

Экстерн-обучение вещь довольно дорогая, оно на порядок дороже, чем обычное, но если у него хватит силы воли, чтобы проглотить курс шести лет за три, то я не против спонсировать такой самородок, тем более что он мне может еще пригодиться в будущем.

- Согласен. Собирай вещи. Мы едем ко мне. Я немедленно распоряжусь, чтобы туда же привезли нашего семейного нотариуса, так что брачный контракт оформим сразу по прибытии.

- Вот так просто?

- А чего тянуть? У тебя есть сомнения в моей честности?

- Ой, простите, нет, конечно. Я сейчас, я мигом.

Он выбежал из кухни, а я задумался, правильно ли я поступаю? Появилось смутное чувство, словно какая-то недоговоренность осталась между нами. Но я отогнал ее прочь. Будем составлять договор, тогда все и решим. В любом случае, если что пойдет не так,

дам ему денег, чтобы хватило на первое время и пусть живет, как хочет.

Артур.

Когда я выбежал из кухни Тренк, Филипп и Добс стояли за дверями и ждали меня.

- Ну что? Как?

- Мы заключаем брачный договор на три года, и он дает мне денег на учебу.

- Молодец, малыш, поздравляем. – Они по очереди пожали мне руку.

- А как же вы?

- А что мы? Для нас работа везде найдется. Как только ты переступишь порог этого места, мы немедленно подаем заявления на увольнение.

- Так вы все эти годы... из-за меня?... – я готов был разреветься от щемящего чувства тоски и благодарности.

- И из-за тебя тоже. Ты же нам, как сын родной, – Филипп обнял меня, а за ним и остальные.

- Это папина гостиница. Мне так жаль оставлять здесь все.

- Главное ты забираешь здесь и здесь, – Тренк коснулся моего лба и груди в области сердца. – А остальное - прах и суета.

- Тренк, в тебе живет великий философ.

- Пиши, малыш, – Тренк потрепал мои волосы. – Не забывай.

- Обязательно. Спасибо вам за все.

- Ну, давай, беги, собирайся.

Я помчался вверх по лестнице, не обращая внимания на окрики Микаэля за спиной. Мне теперь нет дела до его криков и придинок.

Несколько минут, и я с тощим рюкзаком в руках стоял перед Нортоном и молился про себя, чтобы он не передумал. Этот человек мне очень нравился. В его присутствии я всегда терялся, не знал, что сказать или сделать, а тут брак с ним. Пусть фиктивный, но брак. Я буду видеть его каждый день, буду слушать его и смотреть на него. Я буду рядом – это уже здорово, а еще он обещал оплатить обучение. Я просто готов был прыгать и кричать от счастья. Неужели чудеса бывают? Та ночь, что мы провели вместе, она доказала мне, что он заботливый и внимательный. Это был мой первый раз, но я ни о чем не жалею. Теперь мы будем вместе!

Когда мы выходили из отеля и сидели в поджидающее нас аэротакси, Микаэль кричал нам что-то вслед о подстилке и заднице, но я не обращал на него внимания, душа моя пела, заглушая голос ненависти.

Огромный трехэтажный особняк посреди зеленого парка с озером потрясал воображение.

- Это мой дом. Он полностью оснащен сенсорами и управляется голосом. Двери открываются автоматически при приближении человека, кроме закрытых зон. Позже я введу тебя в программу опознавания и выдам браслет для связи с управляющим компьютером.

Не успели мы войти в дом, как на лужайку перед ним въехал шикарный желтый кар, скоростная модель.

- Это мистер Севидж, наш семейный нотариус, – представил мне Нортон невысокого полноватого мужчину с небольшой лысиной на затылке. - Он составит контракт и заверит его на месте, так что все будет вполне законно.

- Совершенно законно. Свидетелями будут двое Ваших охранников, я уже договорился с ребятами. Когда будет надо, мы позовем их.

- Хорошо. Пройдемте в мой кабинет.

- Мистер Севидж, - начал Нортон, когда мы все сели за стол в огромном кабинете, - хочу Вас поставить в известность о том, что я и этот молодой человек собираемся заключить брачный контракт сроком на три года. Союз этот – фиктивный. Причины я раскрывать не буду, это личное, но в договоре не должно быть пункта о соблюдении верности партнеров друг другу. Все остальное – стандартно.

- Как скажете.

Нотариус достал из папки спецбланк, световое перо и принялся за работу.

- Ваше имя, молодой человек?

- Артур Байе.

- Образование. Родители. Место жительства.

На последнем пункте я запнулся и вопросительно посмотрел на Нортон.

- Пишите мой дом, как временное жилье.

- Хорошо.

Дальше нотариус начал зачитывать нам наши права и обязанности. Время от времени Нортон вставлял свои замечания, я же только кивал, соглашаясь, когда спрашивали мое мнение.

- Неустойка в случае досрочного расторжения брака со стороны инициатора расторжения. Мистер Винд?

- Ничего. Не думаю, что с моего супруга удастся получить денежную компенсацию.

- Мистер Байе?

- То же, что и в договоре, оплата обучения в Парижском институте имени Доэля.

- Больше ничего? – он удивленно приподнял брови и посмотрел на меня.

- Нет. Этого достаточно, – я почувствовал, что краснею.

- Ладно, – нотариус опустил взгляд в документ. - Какие средства движимые и недвижимые передаются в пользование супруга?

- Артур, ты умеешь водить?

- Ну, - я пожал плечами, - нас учили в школе, но практики у меня не было.

- Значит машина с водителем, триста кредитов в месяц на карманные расходы и, конечно же, полная оплата образования.

- Триста кредитов – это много, – шепотом сообщил я Нортону.

- Это нормально, – резко ответил он, после чего я не осмелился возражать. Его резкость показала мне, что, несмотря на все его великодушие, мы с ним не равня.

Когда все пункты были заполнены, откуда-то сверху прозвучал зуммер, и мужской голос оповестил.

- Хозяин, Ваш отец на первой линии.

- Я возьму трубку в соседней гостиной. Переведи туда звонок. Вы закончили, мистер Севидж?

- Да-да. Конечно. Нужна только Ваша подпись.

Расписавшись, Нортон вышел, и нотариус обратился ко мне.

- Теперь вы, мистер Байе.

Я поставил свою подпись в указанном месте и вдруг вспомнил своего отца. Его неожиданную смерть и все, что последовало за ней. Это натолкнуло меня на довольно неприятную мысль, а что если...

- Простите, мистер Севидж, а можно добавить еще один пункт в договор?

- В принципе можно, но нужно согласие вашего супруга.

- Он не станет возражать. Я прошу внести пункт о том, что в случае его смерти я не

получаю ничего из его капитала, движимого и недвижимого имущества.

- Однако. Первый раз встречаю такое в своей долгой практике, – он откинулся на спинку стула, на котором сидел, и поинтересовался.

- А Вы уверены, что хотите этого?

- Да. Я не хочу, чтобы кто-нибудь подумал, что я заключил этот брак из корыстных побуждений. То есть, конечно, из корыстных, но... - я покраснел, не зная как правильно объяснить.

- Я понял, не утруждайтесь, – нотариус очень внимательно смотрел на меня, а я не знал, куда деваться от смущения. – Кажется, Нортон и сам не понял, какой алмаз нашел. Хорошо, молодой человек, я добавлю этот пункт в договор и сообщу об изменениях мистеру Винду. Можете быть спокойны.

- Спасибо.

Наш разговор прервал все тот же сигнал зуммера и голос Нортон.

- Артур, подойди ко мне, я познакомлю тебя с отцом.

Я встал и понял, что не знаю, куда идти. Видя мою растерянность, нотариус подсказал.

- Первая дверь слева. Поздравляю Вас, молодой человек, с вступлением в узы супружества и желаю счастья.

- Спасибо.

Я пошел в указанном направлении, немного побаиваясь будущего знакомства, но все прошло весьма удачно.

Оба родителя, отец и мать, оказались довольно милыми людьми. Они восприняли наш брак без большого энтузиазма, но вполне спокойно. Пригласили меня на ужин по окончании нашего медового месяца и пожелали счастья.

Потом Нортон показал мне мою спальню, провел меня по всему дому и ввел мои данные в управляющий компьютер. А потом укатил по своим делам, предложив мне осваиваться самостоятельно.

Так и началась моя семейная жизнь.

Артур.

Сегодня шестнадцатое мая. Прошло почти три года, как был заключен мой брачный контракт. Все это время Нортон обращал на меня внимания не больше, чем на мебель. Я был для него всего лишь удобной ширмой от соискателей его руки и сердца, не более. Как ни обидно мне это признавать, но это правда.

Я же постепенно понял, что не просто благодарен этому человеку, как думал поначалу, я влюбился в него. И теперь страдал с каждым днем все больше и больше. Только необходимость заниматься не давала мне погрузиться в пучину отчаянья, когда он приводил в дом своего очередного друга или подружку, или, пропадая сутками на работе, не оповещал меня о том, что не придет ночевать вовсе.

В перерывах между уроками я занимался готовкой, но мои блюда редко оказывались востребованными, Нортон предпочитал ужинать в ресторанах или клубах, а я, после нескольких посещений таких вот увеселительных заведений, стал отказываться от походов в них. Он и не настаивал.

Иногда на большие праздники он приглашал друзей в дом, и тогда я уходил в свою комнату, чтобы не мешать им, и тихонько плакал там в подушку. Вот такой я глупый. Кроме того каждый год, в конце мая – начале июня, в годовщину нашего знакомства, Нортон куда-то уезжал почти на неделю, а когда возвращался, был мрачен и предпочитал общество бутылки, а не людей. Через несколько дней все приходило в норму, но на мои вопросы о причинах поездки и его мрачного настроения, он неизменно

отвечал, что это не мое дело. Я видел, что наш брак тяготит его, но никаких разговоров о разводе не было.

Та ночь в гостинице была нашей единственной. Не знаю, узнал он меня или нет, но попыток провести со мной еще одну ночь Нортон не предпринимал. Видимо, тогда его соблазнила таинственность незнакомца, а рассмотрев меня во всей красе, он не нашел во мне ничего привлекательного. Что ж, скоро придет конец нашему брачному договору, и я уеду куда-нибудь подальше, может, там мое глупое сердце успокоится.

Сегодня я сдал последний экзамен и, приготовив ужин, ждал своего супруга, чтобы отпраздновать это. Середина мая в этом году выдалась на удивление теплой, так что я накрыл на террасе.

Я ждал его, чтобы сообщить о том, что через неделю я получу диплом и распределение. Ко времени расторжения нашего брака я буду вполне самостоятельным человеком и смогу сам о себе позаботиться. Из денег, перечисляемых мне Нортонем ежемесячно, скопилась вполне значительная сумма, ведь я почти ничего не тратил. Немного на одежду, а в основном мной покупались книги и все необходимое для занятий. Теперь меня волновал вопрос, как вернуть ему излишек, чтобы он не обиделся. В размышлениях я теребил кончик косы, перекинутой через правое плечо. Да, я снова отращивал волосы. Коса была еще совсем небольшая, всего лишь чуть ниже плеча, но я надеялся когда-нибудь восстановить ее прежнюю длину.

Уже начинало темнеть, а Нортон до сих пор не было дома. Может, он вообще сегодня не придет?

От размышлений меня отвлек шум приближающейся большой компании. Оказывается, Нортон решил отпраздновать день рождения одного из своих друзей у нас дома веселым мальчишником. Все гости, впрочем, как и мой супруг, были изрядно навеселе. Н-да, наш совместный вечер явно отменялся.

Поприветствовав гостей, пожелав всем веселой ночи, я поднялся к себе и лег в постель, но уснуть не смог. Обида на Нортон и шум внизу не давали мне погрузиться в сон, сколько бы я ни считал овец.

Промучившись так пару часов и сбившись на трехстах тысячах, я решил спуститься в библиотеку, чтобы выбрать себе книжку. Там был один том об огранке алмазов, я когда-то просмотрел его вскользь, некогда мне было, а теперь в самый раз заняться чтением. Накинув на себя халат, я спустился вниз и тихонько прошел в библиотеку. Нужная книга нашлась не сразу. Тем временем шум из гостиной становился то тише, то громче, явно кто-то ходил, туда-сюда, открывая двери.

Найдя книгу, я направился к себе, но застыл, пораженный зрелищем из-за полураскрытой двери. Перед ребятами танцевали два нагих парня, соблазнительно извиваясь, а третий сидел на коленях моего супруга, лаская его обнаженный член. Я знал и раньше, что он не хранит мне верность, это даже было предусмотрено при составлении договора, но вот так, в открытую, у меня на глазах. Боль резанула по сердцу, словно ножом, и я сам не помню, как поднялся вверх по лестнице.

Очнулся я от тяжелых шагов приближающегося человека. Я сидел в коридоре на полу у дверей своей комнаты, прижимая к груди злополучную книгу. Впрочем, книга, как раз, была не виновата.

Какой-то мужчина, довольно крупных габаритов поднялся по лестнице и, встав посередине коридора, начал оглядываться, пока не заметил меня.

- О, крошка, ты чего скучаешь один?

- Я не скучаю, - мой голос напомнил мне жалкий комариный писк, - я иду спать.

Я кое-как поднялся и шагнул в услужливо открывшуюся дверь. Еще один шаг, и дверь

закрылась бы, отрезая меня от внешнего мира, но я не успел. Кто же знал, что такой крупный человек может так быстро двигаться? Он настиг меня на пороге, обхватив руками и прижав к себе.

- Что Вы себе позволяете? Отпустите немедленно! Я супругу пожалуюсь.

- Детка, ты явно скучаешь, а твой супруг развлекается там без тебя, так что я пока развлекаю тебя здесь.

- Пусти!

Не на шутку испугавшись, я начал вырываться, но это не помогло. Он просто подошел к кровати и сбросил меня на нее, сорвав халат. Слава Богу, я был в ночном белье, но оно не могло послужить надежной защитой от насилия. Я пытался сбежать, но был пойман за косу и опрокинут обратно. Тогда я попытался драться руками и ногами, отталкивать его, пытаюсь отбиться от мужчины, потянувшегося за поцелуем. Он только посмеивался и твердил, что любит горячих непокорных забияк. А когда его губы все же накрыли мои, я впился в них зубами, за что получил сильный удар в лицо. Перед глазами словно звезды вспыхнули, и в голове загудело. На миг я потерял сознание, а когда очнулся, меня укладывали на край кровати животом вниз и стягивали трусы. Я закричал и забился под навалившимся на меня человеком, а он только еще сильнее навалился на меня, раздвигая мне ноги. Я уже думал, это конец, когда над нами раздался бесстрастный голос.

- Что здесь происходит?

- Нортон? – громила встал с меня, и я немедленно завернулся в покрывало с кровати. Меня всего трясло от пережитого.

- Что ты делаешь в комнате моего супруга?

- Он сам меня сюда пригласил.

- Что-о? – от чудовищной лжи я едва не завизжал, а Нортон стоял так спокойно, и я понял, что он поверит не мне, а этому человеку.

- Да-да. Он сначала смотрел на то, как все развлекаются с парнями, там внизу, а потом предложил подняться к нему наверх.

- Неправда, - прошептал я тихо, глядя в спину Нортону, - это неправда.

- Почему же тогда он кричал? И почему у него синяк на пол-лица?

- Так он сам мне сказал, что хочет поглубже, что любит животный секс. Я делал только то, о чем он просил меня.

Я хотел что-то сказать в свое оправдание, но не мог, слезы, вдруг хлынувшие из глаз, буквально душили меня.

Дверь моей комнаты распахнулась, и внутрь шагнули два охранника.

- Возьмите его и выкиньте за ворота. Отныне допуск в мой дом для него закрыт. Гостям внизу объявите, что вечеринка окончена, вызовите им такси и пусть расходятся.

Я был готов к тому, что выкинуть должны были меня, но охрана подхватила под руки неудавшегося насильника и выволокла его прочь.

- Я... он неправду... я никогда...

- Я знаю. В доме не только сенсоры повсюду, но и камеры. Как только компьютер понял, что произошло несанкционированное проникновение, он подал сигнал, и я поднялся наверх.

- Прости, я испортил тебе вечер, – я снова начал всхлипывать.

Нортон посмотрел на меня и поморщился.

- Сходи в ванну, умойся и прими что-нибудь успокаивающее.

Отдав приказ, он вышел, и я, сбросив покрывало, в которое кутался, пошел выполнять его, все еще трясясь от пережитого.

Включив воду, я понял, что умыванием мне никак не обойтись. Мне хотелось принять

душ, холодный душ, чтобы смыть с себя прикосновения этого человека. Так я и сделал. Я стоял под холодными струями воды и с силой тер себя мочалкой, когда сзади раздался звук бьющегося стекла. Моментально обернувшись назад, с испуганно колотящимся сердцем, я наткнулся на ошеломленный взгляд Нортон.

- Мотылек?

Нортон.

Три года пролетели, как сон. Вроде были они, а вот уже нет.

Я никак не мог забыть того парнишку, с которым встретился на маскараде, а возвращаясь домой наткнулся на другого, милого, домашнего, но другого. А когда я понял, что Артур начал волосы отращивать, мне стало совсем тошно.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я пустился, что называется, во все тяжкие. Днем работал, а вечера и ночи проводил в ресторанах и клубах, чтобы быть подальше от него. Там я напивался и находил кого-нибудь на ночь, чтобы забыть. Забыть о том обиженно-щенячьем взгляде серо-голубых глаз, который ждал меня дома.

Поначалу я брал его с собой в надежде, что он найдет себе развлечение по душе, но все напрасно. Он был слишком тихим и домашним для этого. Я прекрасно видел, как ему неуютно в людской толпе, как его нервирует шум и незнакомцы, время от времени пробующие закадрить его, поэтому не настаивал на его присутствии в клубах.

Приятель одно время поддразнивал меня, называя ревнивцем, не выпускающим мужа из четырех стен, но я не отзывался на подначки, и вскоре они отстали.

А мой супруг тем временем продолжал тихо и очень упорно грызть гранит науки. Каждую неделю я получал отчет из деканата об его успехах, а экзаменационную оценку узнавал сразу, как только ее выставляли. Я был готов вмешаться деньгами в случае необходимости, но он учился просто прекрасно, сам, без чьего бы то ни было вмешательства, и это заставляло меня гордиться моим супругом все больше и больше. Родители поначалу были не в восторге от моего брака, но постепенно смирились, а познакомившись с Артуром поближе, вообще растаяли. Отец тогда похвалил меня за то, что я выбрал не худший вариант. Лучшей похвалы из его уст нельзя было дожидаться, такой уж у меня папа.

Моя затея с фиктивным браком вполне удалась. Все желающие заполучить от меня официальное предложение быстро испарились, поняв, что им ничего не светит, пока, и я вздохнул спокойно. Только вот Артур волновал меня все больше и больше. Судя по взглядам, кидаемым им на меня исподтишка, мальчишка явно ко мне был неравнодушен, поэтому я старался как можно реже с ним встречаться, потому что понимал, я никогда не отвечу ему взаимностью. А потом постарался вообще вызвать к себе отвращение, приводя домой тех, с кем проводил ночь в постели. Он молча сносил все мои выходки, только иногда Артур плакал, думая что про это никто не узнает. Мне было больно поступать так с ним, но по-другому я не мог. Потому, что все еще надеялся найти его - моего принца-мотылька.

Каждый год в канун нашей встречи я уезжал на неделю в тот самый городок, на карнавал, но так и не встретил его больше. Скоро я снова поеду туда, даже зная о бесполезности этой поездки, поеду.

Сегодня Артур сдал свой последний экзамен. Причем сдал на «отлично», и я радовался за него больше, чем когда-либо за себя. Поначалу я хотел пригласить его отметить это событие в ресторан, но потом опомнился. Скоро нам предстоит расставание, и устроить романтический вечер с и так уже по уши влюбленным мальчишкой, значит еще больнее ранить его в последствии.

Тут очень кстати пришелся звонок одного из моих недавних приятелей. Он приглашал меня в клуб, чтобы отпраздновать его день рождения. Почему бы нет, решил я, и согласился.

На вечеринку в стиле мальчишника нас собралось двенадцать человек. Когда все были уже изрядно в подпитии, в мою нетрезвую голову пришла идея пригласить всех ко мне, разумеется, вместе с тремя стриптизерами, развлекавшими всю эту компанию.

Как я и думал, дома меня ожидал романтический ужин, поэтому переступив порог, я поздравил себя со столь удачным решением проблемы. Артур сразу сбежал к себе, а я принялся пить и развлекаться, заглушая муки совести.

В какой-то момент мне показалось, что Артур смотрит на меня. Я отстранил ласкающего меня мальчика и огляделся. Нет, показалось. Притянув стриптизера обратно, я продолжил наслаждаться его умелыми руками и ротиком, но какой-то противный писк вскоре начал мешать мне, отвлекая от получаемого удовольствия.

Зло рыкнув, я вновь отстранил парня и только тогда понял, что это сигнал тревоги пищит на моем браслете. Кто-то из гостей поднялся наверх, и там требуется мое немедленное присутствие.

Я бросился на второй этаж, застегивая штаны на бегу, и услышал крики Артура, доносящиеся из его комнаты.

Дверь открылась при моем приближении. От увиденного я едва не сорвался и не убил ту скотину, которая пыталась изнасиловать моего мальчика.

- Что здесь происходит?

Сам не знаю, как мне удалось задать этот вопрос вместо того, чтобы подскочить к насильнику и дать ему по морде кулаком, как он, несомненно, недавно поступил с Артуром. Синяк у него уже на пол-лица расползлся.

Выслушав весь тот бред, что нес этот debil-переросток, я приказал появившимся, наконец, охранникам, выкинуть его за ворота и объявить остальным об окончании вечеринки. Все это время позади меня дрожал и плакал Артур, завернувшись в покрывало. Он что-то невнятно бормотал, явно пребывая в шоке от пережитого.

Я оглянулся на него. Бледное лицо с яркими веснушками, крупные слезы, бегущие по щекам из закрытых глаз, дрожащая нижняя губа. Мне захотелось обнять его и утешить, прижать к себе крепко-крепко, но я понимал, что капля внимания, проявленная сейчас, дороже обойдется мне впоследствии. Не хочу быть жестоким, но надо.

Уверив его, что он ни в чем не виноват, я послал Артура в ванную, а сам спустился вниз. Проверил, все ли ушли, взял тюбик с мазью от ушибов, хорошая вещь, а уходя, прихватил еще и начатую бутылку коньяка. Выпить немного для успокоения Артуру точно не помешает.

Шум воды из ванной подсказал мне, где следует искать моего супруга. Стукнув раз для приличия, я вошел и замер, разглядывая обнаженного парнишку, стоявшего ко мне спиной.

Артур остервенело тер мочалкой свое тело, и кое-где оно уже приобрело болезненно-красный оттенок. Вода стекала по мокрым волосам, нежной спине и бедрам, а там... там, на пояснице, я увидел небольшое родимое пятно в форме крыла бабочки. От неожиданности пальцы мои разжались, и бутылка, упав на пол, разлетелась мелкими осколками.

Резкий звук заставил Артура испуганно обернуться. На меня смотрели синие, широко открытые от испуга глаза.

- Мотылек?

Я шагнул к нему под струи холодной воды. Обжигающе холодной!

- Ты с ума сошел?! – я выключил воду и, подхватив Артура на руки, вынес его из ванной, прихватив по дороге большое махровое полотенце.

Усадив на кровать и промокая воду на теле своего супруга, я не знал, что сказать.

Просить прощение за свое свинское поведение? Спрашивать о том, почему он сбежал наутро и не признался позже?

Он молчал, и я тоже. В какой-то момент я посмотрел в его глаза и увидел, как синий цвет, постепенно светлея, сменился серо-голубым.

- У тебя глаза меняются.

- Я знаю. Когда я злюсь или сильно возбужден, или... - Артур запнулся.

- Испуган?

Он кивнул.

- Тогда они темнеют.

Я погладил его по мокрым волосам,

- Я идиот. Я искал три года того, кто был у меня под носом.

- Искал? – Артур залился краской, и глаза снова приобрели синий оттенок.

- Да, искал. Я возвращался в твой город каждый год, в канун нашего знакомства, в надежде найти тебя, а ты в это время ждал меня дома. Проказница судьба знатно посмеялась надо мной.

Я подхватил одну прядку, упавшую Артуру на глаза, и заправил ее за ухо.

- Тогда у тебя были длинные волосы.

- Микаэль обрезал.

- Понятно. Тогда, думаю, тебя обрадует новость, что он больше не является владельцем той гостиницы, где мы провели чудесную ночь.

- А куда он делся? Нет, это мне не интересно. Кто теперь владелец?

- Ты.

- Что? Как?

- Я купил ее почти сразу. Ведь я надеялся, что ты когда-нибудь вернешься туда, где мы встретились. Кроме того твои друзья рассказали мне о том, как Микаэль и Питер стали ее владельцами, вот я и решил сделать тебе подарок. Ты бы получил его при нашем разводе. Но теперь это невозможно.

- Почему? – лицо Артура обиженно вытянулось, губы поджались, и на глазах снова появилась влага.

Я рассмеялся, глядя на его расстроенное лицо.

- Глупенький. Теперь, когда я тебя нашел, ни о каком разводе не может быть и речи. Ты мой и только мой.

Отбросив полотенце прочь, я прижал Артура к себе.

- Я хотел бы воскресить воспоминания той ночи, если, конечно, ты не против.

- Не против, только... - Артур вздрогнул.

- Ш-ш-ш, - я погладил его по влажным волосам, - я больше никому не позволю обидеть тебя, даже себе. Веришь?

- Верю, – он обвил меня руками и уткнулся носом в шею. – Знаешь, я сегодня сдал последний экзамен. Скоро мне выдадут диплом и назначение.

- Знаю. Только о дальнем космосе можешь забыть, если, конечно, мы не полетим вместе в какое-нибудь путешествие.

- Почему? – он немного отстранился.

- Потому, что мне нужен заместитель, а такой специалист, как ты, меня вполне устраивает. Не шевелись, – я набрал немного мази на пальцы и нежно нанес на пострадавшее место. - Завтра от синяка и следа не останется.

- Спасибо. Но я же только окончил, и еще так мало знаю.
- Зато у тебя есть целеустремленность и огромное желание учиться. Именно то, что мне нужно. А теперь хватит разговоров. Я собираюсь тебя целовать до умопомрачения. И я целовал, потом ласкал, потом любил, моего маленького принца–мотылька. Потом снова целовал, и снова. Только под утро я дал ему заснуть, при этом прижав к себе в полной уверенности, что теперь он никуда не сбежит.

Меня разбудил солнечный луч, упавший на лицо. Я вздрогнул, просыпаясь, и первым делом проверил, на месте ли доверчиво прижавшееся тело. Да! Мой!

Артур зашевелился и поднял лицо. Наши глаза встретились.

- С добрым утром, мотылек. Как спалось?

- Замечательно, но теперь мне надо в ванную. А ты почему не спишь?

- Караулю тебя. А то проснусь, в постели пусто, и только забытый браслет напомнит о прошедшей ночи.

- Браслет?! Он у тебя?!

- Зачем так кричать? Да, у меня. Ты же сам его оставил возле кровати, – понимание ситуации как молния пронеслось в мозгу. – Не оставил, потерял? Это его ты искал тогда, под кроватью?

Артур покраснел и смущенно потупился. А я чмокнул его в макушку.

- Беги в ванную, а то я сейчас не выдержу. Ты так мило краснеешь, что я готов повторить наши ночные игры прямо сейчас.

Пока мотылек плескался в душе, я набрал номер нотариуса.

- Мистер Севидж, у меня есть для Вас работа. Мой брачный контракт необходимо переписать с некоторыми изменениями.

Во-первых, время. Поставьте бессрочный. Во-вторых, введите пункт о соблюдении верности супругами друг другу. И просмотрите остальные части на соответствие.

Принесете на подпись около полудня, мы будем Вас ждать дома.

- Будет сделано. А как насчет последнего пункта?

- Какого именно?

- О наследстве в случае Вашей смерти. Ваш супруг очень просил его добавить.

Услышав это, я похолодел. Он собирался получить наследство после моей смерти?

Неужели я в нем ошибся? Или...

- Прочтите мне этот пункт, пожалуйста. Дословно.

Выслушав ответ, я выдохнул. Я и не заметил, что задерживал дыхание, так волновался.

- Этот пункт тоже измените. Все чем я владею, будет поделено поровну между моим супругом и нашими детьми, если таковые будут.

- Дети?

- Не сейчас, но в будущем, возможно.

- Я так рад за Вас, Нортон. Поздравляю.

- Спасибо. Ждем в полдень с контрактом на подпись.

Связь отключилась как раз в тот момент, когда Артур вышел из ванной.

- Иди сюда, милый, иди, у меня к тебе такой серьезный разговор.

Артур, стоя на пороге, стрельнул глазами в сторону двери из спальни.

- Серьезный? А почему голос такой? И глаза прищурены?

- Дом. Дверь на замок, до моего дальнейшего распоряжения, – я увидел, как у Артура расширились глаза от испуга.

- Что случилось, пока я мылся?

- Я тут узнал о маленьком дополнительном пункте в нашем брачном контракте, так что я горю желанием отшлепать по одной мягкой попке, чтобы впредь кое-кто советовался со мной, принимая такие решения.

- Но я не хотел ничего такого. Я думал как лучше, и потом, ты обещал, что меня никто больше не обидит, даже ты.

- Обещал?

- Да.

- Тогда, ладно. Шлепать не буду.

- Правда?

- Правда. Но взамен требую поцелуй.

Артур рассмеялся и уже через пару секунд мы самозабвенно целовались.

Артур.

Мистер Севидж читал обновленный брачный договор, но я его практически не слушал. Я смотрел на своего супруга, такого сильного и красивого, моего. Сердце мое пело, и мне казалось, что все вокруг должны слышать эту мелодию.

Когда нотариус закончил, Нортон протянул мне тот самый потерянный браслет.

- Позволь, я надену его на тебя.

Я протянул ему левую руку, а правую опустил в карман, поглаживая его брата-близнеца.

Когда мой браслет был застегнут, я достал второй.

- Тогда я надену на тебя этот.

- Согласен, ведь мы начинаем все сначала.

Теперь я точно знаю, что чудеса бывают.

Мы обменялись браслетами и поцелуем, как в старинном и почти забытом обычае. Там, правда, были кольца, но что это меняет?

Сегодня началась моя новая супружеская жизнь. Настоящая.

Нортон тут обмолвился о сыне, я не против. Думаю, двух нам хватит, или трех, а там... кто знает.

КОНЕЦ.

Аленький цветочек

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК.

Жил был вдовый купец. И всего радости было в его жизни, что трое детишек. Две старшие дочери, девицы на выданье, Всеслава да Забава и сынок Любомир, только вступивший в пору отрочества.

Любил детей купец и баловал. Как-то раз, собираясь в дальние края по торговым делам, призвал он детей своих.

- Ну, детушки мои родные, что вам привезти, чем позабавить?

- Привези ты мне, батюшка, венец самоцветный, чтобы всякими камнями драгоценными украшен он был, – вышла вперед дочь старшая.

- А мне привези, батюшка, зеркальце чудное. Чтобы молодость моя в нем отражалась и никогда не меркла, – за ней поспешила дочь средняя.

А Любомир молча стоит, голову опустивши.

- А что же ты молчишь, сынок младшенький, любимый?

- Ничего мне не надобно, батюшка, все у меня есть. Сам поскорее ворочайся.

- Да как же я тебя без подарка оставлю? Может, меч-кладенец хочешь, или коня длинногривого? Что хочешь проси, все исполню.

- Нет, батюшка, благодарствую. А если вдруг попадется тебе цветочек аленький, красоты неопишуемой, привези мне его. Во сне я такой цветок видал, нет его на всей земле краше. Подивился купец выбору сына, да делать нечего - обещал.

Долго пробыл купец вдали от дома, много стран объездил, много всякого повидал, все купил для старших дочерей, а вот аленького цветочка для сына любимого так и не нашел. Расстроенный отец приказал поворачивать корабли домой, когда настиг их на море страшный шторм. Одна из волн подхватила купца и бросила прямо в кипучую бездну. Завертели его волны, закружили, играя словно соломинкой, и выкинули на песчаный берег.

Пришел в себя купец, огляделся, а корабля его на горизонте не видать. Зато недалеко на берегу стоит палац белокаменный, а позади него сад растет благоухающий.

Пошел туда купец. Все двери перед ним сами открываются, стол от яств всевозможных ломится. Красота, да и только. А хозяев не видать. Пришлось самому за стол сесть.

Откушал купец, выпил и пошел дивный сад поглядеть. Цветы в нем росли невиданные, птицы пели неслыханные. А посреди сада дуб растет, десять человек рядом встанут, за руки возьмутся, а ствол его не охватят. В корнях дуба того бьет ключом родник, а рядом... цветочек растет аленький, красоты неопишуемой.

Обрадовался купец, руку протянул и сорвал цветок. Закричал тут кто-то, застонал, небо враз потемнело, птицы смолкли, и появилось перед купцом страшилище косматое. Тело медвежье, горб верблюжий, глаза огромные, незнамо чьи, хвост волчий. Зубы скалит, когтями машет. Оторопь купца взяла.

- Что ты наделал?! – заревело чудище. – Я принял тебя как гостя дорогого, а ты цветочек аленький, единственную отраду мою, сорвал.

- Прости, чудище, деток малых пожалей. – Пал на колени купец. – Не для себя сорвал я цветок, для младшенького. Во сне, мол, приснился, привези, батюшка. Прости.

Склонил купец голову, чует, миг последний для него пришел, а чудище вдруг остановилось и говорит:

- Коль не для себя рвал, прошу я тебя, только пришли мне кого-нибудь из дочерей своих.

Не бойся, не обижу. Будет она жить как королева, ни в чем отказа знать не будет.

- Что ты, что ты, - замахал руками отец, - какой же родитель на такое согласится, дитяtko родное чудищу отдать.

- Коли так, иди домой, попрощайся с детьми, да сам и ворочайся назад.

Протянул чудище купцу колечко золоченое.

- Возьми его. Как станешь ворочаться, надень на мизинец, вмиг здесь окажешься.

Сказал так и сгинул с глаз.

Огляделся купец. Стоит он на песчаном берегу, позади него скалы неприступные, впереди на волнах парус его судна белеет. Вроде и не было ничего, только в руках его цветочек аленький на ветру дрожит, а на пальце указательном перстень позолоченный блестит.

Долог путь из дома, а в дом короток. Прибыл купец с подарками, да обновками, раздал детям гостинцы, смотрит на них, а у самого кошки на душе скребут. Как деточкам родным сказать, что отец попрощаться пришел? На кого их, сиротинушек, оставить?

Прознав о прибытии купца, друг его старинный в гости зашел, тот ему все и рассказал, душу облегчил, да совета спросил. Но того не ведал купец, что сынок его, Любомир, все слышал.

Видя, что батюшка не весел вернулся, он в сенях затаился и подслушал весь отцов разговор. Страшно ему стало, но вину свою на плечи родительские не захотел Любомир возлагать. Как стемнело, прокрался он в родительскую светлицу и взял кольцо заветное.

- Ты прости, батюшка, чадо свое неразумное. Прости и прощай.

- Любомир? Сынок, ты что удумал.

Всполошился проснувшийся купец, но поздно. Надел Любомир позолоченное кольцо на мизинец и пропал из родительского дома в ярком сиянии.

Очнулся Любомир в саду волшебном у дуба столетнего, в корнях которого родник ключом бьет. Все как батюшка рассказывал. Тут и место, где цветочек рос, виднеется. Вылетел цветочек аленький из рук Любомира, на старое место вернулся, засиял светом алым и стал расти там по-прежнему, словно не рвал его никто. Подивился юноша чуду, а тут и голос хозяина слышится:

- Спасибо тебе, краса ненаглядная, за то, что воротила ты отраду мою. Будь моей гостьей, ничем тебя не обижу, красна девица.

Откашлялся Любомир.

- Ты прости, хозяин, не знаю, как тебя звать-величать, только не девица я. Юноша. Для меня отец цветок рвал, мне и ответ держать.

- Что?! – Выскочило из-за дуба столетнего разгневанное чудище косматое. – Да как ты осмелился сюда прийти?! Я девицу-красавицу жду, что полюбит меня всей душой в облике безобразном, как в проклятии говорится, а тут парень?!

Злится чудище косматое, рычит, зубы страшные скалит, глазами блестит, хвостом бьет, когтями машет, вот-вот зацепит. Испугался Любомир поначалу, а потом смотрит, чудище, несмотря на рык свой грозный, ничего ему не делает. Осмелел, присмотрелся внимательнее и даже улыбнулся, так забавно было наблюдать за метаниями чудища лохматого.

- Чему улыбаешься? Ты меня что, совсем не боишься?

- Не боюсь. Ты вида страшного, а в душе добрый. Батюшку домой отпустил, попрощаться позволил, значит, и мне зла не причинишь. Дозволь здесь остаться, с тобой. Я слугой тебе буду, пока ты девицу свою не найдешь. Верой и правдой служить стану. Я все умею.

- Да на кой ты мне сдался? Отродясь здесь слуг не водилось. Чистоту терем мой сам блюдет, и угощенья всяческие сам подает, и одежду по надобности доставляет.

- А расчесывает тебя кто? Беседой развлекает? Вон какие колтуны набились. Самому, чай, неудобно?

- Верно говоришь. Никто мне не помогает, и одному бывает так тоскливо, хоть волком вой, – задумалось чудище. – А в шахматы играешь?

- Конечно. Батюшка обучил.

Махнуло лапой чудище-страшилище.

- Оставайся. Звать тебя как?

- Родители Любомиром нарекли. Батюшка Любушкой зовет, а сестрицы, коль не в духе, Любимчиком кличут. А тебя как величать, хозяин приветливый?

- Чудищем все зовут, или Чудо-юдо.

- Чудо, значит? – улыбнулся юноша. – Что ж, так и буду звать величать.

Чудище Любомиру комнату отвел, сундуки с одеждой надарил, ничего взамен не требуя. Любомир хозяина каждый день расчесывал, и вскоре шерсть косматая стала золотистой да шелковистой, загляденье просто.

Одно огорчало юношу, как опускалась ночь на остров, исчезал куда-то хозяин, не дозваться его было. Одному в огромном доме сразу становилось страшно. Хоть и нет никого, а все же чудится что-то странное - то скрип, то шорох. А однажды под утро и вовсе гроза страшная приключилась. Молнии так и бьют, гром так и бабахает, кажется, вот-вот весь остров порушится.

Забился Любомир в самый дальний угол, в одеяло с головой закутался, дрожит. Почуял, видно, хозяин неладное, в комнату пришел, обнял, утешил и пообещал больше одного не оставлять.

- Я теперь всегда в соседних покоях спать буду. Не бойся.

- Теперь не буду, – обнял Любомир чудище за шею, лицом в шерсть уткнулся. Тепло ему стало, уютно, так и задремал он на руках у чудища. А чудище лохматое сидело тихо-тихо, чтобы не дай Боже не разбудить, не напугать парнишку, доверившегося ему. А как закончилась гроза, он Любомира в кровать уложил и одеяло когтями аккуратно подоткнул.

- Спи, Любушек, – провел он лапой когтистой по голове, погладил.

Улыбнулся юноша во сне, на ласку отзываясь, и словно солнышко палаты белокаменные озарило. Затрепетало в груди у чудища сердце звериное от нежности и тоски.

- Спи, родной, никому я тебя не отдам, братик ты мой названный.

Так и зажили они вдвоем на острове.

Много ли прошло времени, мало ли, а только вырос Любомир, возмужал, стал парнем статным да пригожим. И все ему у хозяина косматого в радость, да сны жаркие, срамные одолевать его стали. Почитай каждое утро в постели пачканной просыпаться приходилось. Мучился он, мучился, и руки в ход пускал, и в озерце холодном купался, а против природы не попрешь. Восемнадцатый годок как-никак пошел, пора.

Стал Любомир на чудище косматое поглядывать, любопытно ему, так ли у него все устроено, как у человека. Но шерсть косматая все покрывает, не разглядеть. Пробовал расчесывая пощупать, да чудище не давалось живот чесать, сам мол могу.

Пришел как-то Любомир к озерцу любимому, искупаться в жару летнюю. Глядь, а на бережку чудище спит, лежит на боку и похрапывает, под мерным дыханием трава чуть вздрагивает. Осмелел Любомир. Подсел рядом и погладил чудище по животу.

Заворочался он, засопел, но не проснулся, только с боку на спину перевернулся, а

Любомиру только того и надобно. Все ниже и ниже ладонь опускается, пока не достигла желанного.

Обхватил юноша ствол чудища, сжал слегка и почувствовал, как у самого внизу все напряглось, да так сильно, что штаны жать начали. Распустил он завязочки на штанах, выпустил на свободу свой ствол и вернулся к прежнему занятию. Пока одна ладошка по стволу мужскому гуляла, вторая яички нашла и стала их поглаживать да нежить.

Напрягся член мужской, налился силой. Застонал чудище, просыпаясь, глаза открыл.

- Что ж ты, Любушек, неразумный, творишь?

- Тебе ведь нравится? Хорошо тебе? Только я не очень знаю, как правильно надо делать. Научишь?

- Ах, Любушек, Любушек. Дитя неразумное, – попытался чудище отстраниться, да только Любомир пальцы крепче сжал и не отпускает.

- Я не дитя. Научи. Прошу.

Чуть не закричал чудище в голос.

- Научу. Только не сжимай так сильно.

- Ой, прости.

Опало все возбуждение чудища от боли нечаянно причиненной. Огорчился Любомир, чуть не заплакал.

- Я не специально.

- Конечно, нет. Я не сержусь, – потянувшись, чудище погладил юношу по голове. – Не плачь только. Мужчине не пристало плакать.

- Научишь?

- Научу. Слушай сюда.

Быстро освоил Любомир науку чудища, и вскоре тот уже стонал под напором юноши. Как кончил хозяин, Любомир и собой решил заняться, но чудище руку его отстранил и над человеком склонился.

- Когти мои острые и зубы не маленькие, но ты не бойся. Я скорее сам умру, чем вред тебе причинить посмею.

Сказал так, опрокинул юношу спиной на траву и принялся ответную ласку дарить. Только он все больше языком работал, чтобы не поранить нежного человека.

Много ли молодости надо? Не прошло и пары минут, как Любомир получил разрядку.

Поблагодарил за доставленное счастье, обнял чудище крепко, спрятал лицо у него на груди.

- До чего же хорошо. Чудо. Это настоящее чудо.

Заснули они там же у пруда, крепко прижавшись, друг к другу. Да долго их сон не продлился. Всполошились вдруг птицы, раскричались. Встрепенулся чудище.

- Чужой на острове. Ты, Любушек, поди в дальний конец сада, и пока не позову не показывайся. Вдруг недобрый кто.

Выполнил Любомир все указания хозяина. Дождался его зова. А когда пришел к чудищу, сидевшему у дуба столетнего, увидел, что нет больше на месте цветочка аленького.

Понял Любомир, что вскоре появится на острове волшебном девица, проклятием предсказанная и защемило сердце молодецкое. Больно не хотелось ему расставаться с хозяином добрым да ласковым. И чудище тоже сидел не весел.

Молча присел Любомир рядом, прижался к теплomu мохнатуmu боку. Обнял его чудище лапой косматой. Так и просидели они до зари под дубом столетним, каждый думал о своем, только мысли у них были очень схожи.

Девица прибыла на остров перед вечерней зарей. Уж и хороша была, красна да румяна,

такая любому мужику глянется. Только Любомиру от этого не легче стало. Начал он прятаться весь день в палатах своих, чтобы счастью чужому не мешать, да только сердце от этого болеть меньше не стало. Особенно как услышит смех девичий, так и хочется пасть наземь бездыханным. И сны теперь его стали не жаркими и страстными, а одинокими и холодными.

Не выдержал раз Любомир, и попросился у чудища отпустить его домой, отца да сестер проведать. Закручинился тот, но делать нечего, отпустил. Колечко волшебное дал, подарки для родных и напутствовал.

- Как захочешь воротиться, надень колечко на мизинчик.

Сказал так и глаза отвел. Больно стало Любомиру. Так больно, что хоть криком кричи. Надел он колечко позолоченное на указательный палец, и в тот же миг дома очутился. Уж как батюшка обрадовался, ни в сказке сказать, ни пером описать. Созвал гостей дорогих, сестриц с мужьями, и давай праздновать. Три дня гуляли, пили да ели, на четвертый день спать полягали.

Любомир наравне со всеми ел и пил, чтобы горе свое заставить умолкнуть, да ничего из этого не вышло. Когда спрашивали его о чудище, он говорил, что слугой прожил на острове, а о чувствах своих молчал. Срам ведь, и себе, и батюшке срам.

Отгремело веселье, потянулись будни. Любомир начал батюшке помогать по торговым делам. Да только как глянет на море, так и замирает вдаль гляючи, да поглаживая колечко заветное, в кармане лежащее.

Так прошел месяц, второй начался. Вдруг ночью вскочил Любомир с криком, переполошив домашних.

- Что, Любушек? Приснилось чего? – все допытывался отец, слезы сына вытираючи.

- Прости, батюшка родной, да только не могу я остаться в отчем доме. К нему мне вернуться надо. Плохо ему там.

- Кому, Любушек? Неужто чудище-страшилище пожалел, что три года тебя в слугах держал?

- Не держал он меня батюшка. Я сам захотел остаться, сам и уйти решил, когда подумал, что не нужен ему боле. А теперь, чую, умирает он.

- Неужто полюбил ты чудище безобразное? Да так полюбил, что отчий дом собрался оставить?

- Прости, батюшка, только нет мне иного пути в жизни.

- Коли так, сынок, неволить не буду. Иди.

Долго ли собираться тому, кого крылья уже уносят ввысь? Оделся Любомир, поклонился отцу на прощание и надел колечко на мизинец.

Не ласково встретил остров волшебный возвращение его, ох, не ласково. Черные тучи закрыли все небо, не давая солнечным лучам пробиться к земле. Молнии били поминутно, перекликаясь с громкоголосым громом. Злой ветер гнул к земле деревья и сбивал с ног, волны бушевали, грозя смести с острова все живое.

С трудом добрался Любомир до дуба столетнего, там и нашел он чудище, лежащее на земле бездыханным.

Закричал юноша, заплакал. Упал рядом и обнял друга сердешного.

- Ты прости меня, неразумного, прости, что ушел, не понял. Никогда я больше тебя не покину. Так и умру рядом с тобой, мой любимый.

Затих ветер. Унялись волны. Солнечный луч робко глянул на землю, осветив золотым сиянием два человеческих тела и аленький цветочек, распустившийся подле них.

- Может, отпустишь чуток, а то совсем задушил, - голос вроде знакомый, а вроде и нет.

Распахнул Любомир глаза и видит, лежит в его объятьях мужчина золотоволосый, стройный да пригожий, а уж улыбка у него, а ямочки на щеках. Потянулся к нему губами мужчина незнакомый, поцеловал жарко и страстно.

- Здравствуй, Любушек мой ненаглядный.

- Чудо? Неужто ты?

- Я. Только не чудищем безобразным я теперь для тебя буду, не хозяином, а супругом желанным, коли примешь ты меня.

- Как же звать величать супруга моего?

- Святобором, Любушек. Принимаешь ли меня человеком, как принял в сердце свое чудище лохматое?

Ничего не ответил Любомир, рассмеялся и поцеловал супруга жарким поцелуем.

Святобор принял это как согласие, быстро стянул с Любомира одежду и принялся ласкать его тело белое.

- Если бы ты знал, как долго я мечтал об этом, как желал тебя, мой Любушек. Как боялся испугать и оттолкнуть. Как больно мне было, когда ты ушел. Я думал, что потерял тебя навсегда. А ты пришел, словно сон, словно видение и вдохнул в меня жизнь. Как же ты мне дорог, мой единственный, мой любимый. И девку ту глупую я сразу домой отослал, как ты остров мой покинул.

Говорил все это Святобор, а сам ласкал и нежил тело юное. Руками, губами, языком.

Ласкал до тех пор, пока Любомир сам ноги перед ним не раскрыл, пуская к телу как можно ближе.

- Знаешь, как хотел войти в тебя хоть пальцем? Знаешь, как мучился от того, что не могу этого сделать лапами когтистыми?

Говорил, а сам палец внутрь вводит, медленно, аккуратно, чтобы не повредить любимому, не причинить боли ненужной. Потом, наклонившись вперед, взял губами ствол восставший и принялся его посасывать, изредка поглаживая языком головку. Этого Любомир уже вынести не мог. С протяжным стоном он излился в рот Святобору, а тот проглотил все и, облизав ствол мужской, вынул из тела любимого палец.

- Святобор, ведь это не все?

- Конечно, нет. Впереди тебя ждет еще много любви. Только нам в палаты надо бы перебраться. Дальше без масла мы двигаться не можем.

- А зачем масло? Ты голоден?

- Любушек, глупенький. Я голоден тобой, а зачем масло, ты скоро узнаешь.

Двое счастливых удалились в белокаменный палац, отныне ставший им обоим домом, а мы за ними не пойдём. Пусть наслаждаются друг другом, не будем им мешать.

КОНЕЦ.

В пене прибоя.

По сути это сказка - "Русалочка". Была написана к Дню рождения моей терпеливой беты ~Jane Volturi~.

В ПЕНЕ ПРИБОЯ

Несколько лет назад. Где-то на берегах Японии.

Ветер и волны все дальше относили от берега маленькую лодку с единственным случайным пассажиром в ней. Мальчик лет шести уже не плакал. Он только тихо всхлипывал, укутавшись в некогда теплый, а теперь промокший насквозь плед и дрожал. Весел в лодке не было, да если бы и были, ребенку не под силу было грести ими против ветра и волн, так что он просто сидел на дне и просил про себя, чтобы его поскорее нашли и не очень ругали за то, что сбежал.

К счастью, непогода задела берега Японии только краешком. Шторм промчался стороной, а теперь ветер гнал тучи дальше на восток, так что кое-где из-за затянувших небо серых и тяжелых грозовых облаков проглядывали солнечные лучи.

- Привет, ты почему здесь один?

Мальчик в лодке огляделся, ища того, кто разговаривал с ним, но никого рядом не было. Вернее, мальчик никого не видел, пока не опустил взгляд вниз. В воде рядом с лодкой плавал парнишка чуть старше него, с темными длинными волосами и ярко-зелеными глазами.

- Ты тонешь? – спросил ребенок, - меня Миша зовут, а можно Мичио, как папа называет. Залезай в лодку.

Миша выпростал из-под пледа руку, протянув ее мальчишке, плавающему в воде, но тот только рассмеялся. Потом, ухватившись за борт, он легко вспрыгнул внутрь, чуть покачнув легкое суденышко. Теперь незнакомый мальчик сидел в лодке, вернее, почти сидел, а еще вернее, почти мальчик. Миша с удивлением разглядывал свисающий в воду через борт лодки хвост, с красиво переливающимися серебристыми чешуйками.

- Ты русалочка? Мне мама сказку читала, только она мне не понравилась, там конец плохой.

Хвостатый в ответ снова рассмеялся. Теперь Миша смог лучше рассмотреть своего нового знакомого. Выглядел хвостатый почти как человек, по крайней мере, сверху. Темные волосы, пронзительно зеленые глаза, кажущиеся очень глубокими, словно в колодцы заглядываешь. Из волос, там, где у людей растут уши, у незнакомца торчало что-то наподобие рыбьих плавничков. Пальцы на руках были слишком длинными, а между ними Миша увидел полупрозрачные перепонки.

- Меня зовут Тама, - представился, наконец, хвостатый, - но ты так и не ответил, как оказался здесь совсем один?

Миша смущенно потупился.

- Я сбежал. Дедушка сказал, что хочет оставить нас себе, а мама начала кричать, и я убежал. Там лодка была привязана, я в ней спрятался, а тут ветер и гроза. Я очень испугался и накрылся с головой. Папа всегда огорчается, когда я пугаюсь, но дедушка сказал, что папы больше нет.

Тама непонимающе хлопал глазами, пытаясь разобраться в том, что ему говорил маленький человек, но чем дальше он слушал, тем меньше понимал.

- Дедушка - он хороший, но иногда так кричит, что я пугаюсь, только мама кричит громче. Папа говорил, что это «национальная особенность», только я не понял, что это такое.

- Подожди, я не совсем понял. Кто твои мама и папа?

- Маму зовут Люда Сергеева, она русская, а папу Никко Обата, он японец. Они познакомились, когда папа работал в России, а потом родился я, а теперь мы приехали сюда, к дедушке. Только папы уже нет, мама сказала, что он на небесах, а дедушка не хочет, чтобы я уезжал, а мама говорит, что у него уже есть один внук, чис-то-кров-ный, так что она меня не отдаст. И они кричали. Только теперь я замерз и домой хочу.

Миша с надеждой посмотрел на своего нового знакомого.

- Ладно, помогу я тебе. Тут совсем рядом большой пирс, откуда корабли часто отходят, мы тебя туда доставим, а дальше ты уже сам. Нам нельзя показываться людям.

- А ты тут не один? – мальчик заозирался.

- Со мной Кано, он дельфин и мой друг.

Тама взял в руку маленькую раковину, висевшую на его шее, и подул в нее. Вскоре возле лодки вынырнул дельфин со смешной короткой мордой. Он выпустил небольшой фонтан воды и засвистел что-то Тама. В ответ русал пошарил по носу лодки, нашел канат, некогда державший лодку на привязи, и дал его в зубы дельфину.

- Тащи.

Сам же Тама спрыгнул в воду и поплыл вперед, показывая дорогу. Лодка шла вперед неровно, толчками, иногда в нее попадали брызги из встречных волн, но Мишу радовало уже то, что он теперь не один, теперь ему было не так страшно.

Вскоре впереди и впрямь показались фонари, освещавшие в ненастье подход к причалу.

- Ну вот, теперь надо немного подождать, и тебя непременно заметят.

Тама отпустил дельфина, благодарно похлопав его по боку. Тот снова что-то засвистел на прощание и скрылся в глубине морской пучины.

- А ты побудешь со мной хоть чуть-чуть? – Миша с испугом смотрел на Русала, - а то я боюсь.

- Ладно, побуду. Только я тут за бортом спрячусь, чтобы меня не видел никто. Хотя... вон смотри, - Тама указал рукой в сторону берега, - это наверняка за тобой, так что я могу быть свободен.

Миша оглянулся и действительно увидел, как к нему плывет белый катер с мигающими на палубе синими огоньками.

- Это сторожевой катер, мне папа такие показывал, - Миша чуть свесился за борт и протянул своему новому знакомому то, что все время сжимал в кулачке, - вот возьми. Мне его папа подарил, на счастье.

На ладонке мальчика лежал маленький глиняный дракон.

- Спасибо, - Тама взял подарок, а потом снял с шеи раковину, с помощью которой звал дельфина, и протянул ее мальчику, - а это тебе, на память. Я ее сам сделал, а шнурок сплетен из моих волос, он никогда не порвется. Прощай.

Серебристый хвост плеснул по воде и скрылся в волнах. Катер со спасателями подходил все ближе, так что Миша встал в лодке в полный рост, а подарок русала надел на шею, чтобы не потерять.

- Спасибо, Тама, я буду помнить.

Восемнадцать лет спустя. Где-то на берегах Японии.

Солнце еще не взошло, но небо на востоке уже стало чуть светлее. С моря дул легкий бриз, чуть шевеля короткие темные волосы молодого человека, бредущего по берегу. Иногда ему под ноги попадался камень, и тогда парень откидывал его ногой в сторону, не прекращая движения.

Михаилу Обата несказанно повезло. Ему, вчерашнему выпускнику академии, молодому

океанологу двадцати четырех лет отроду, предстояло пройти практику, стажирясь у самого профессора Верье. Франсуа Верье был самым известным океанологом современности, ярким защитником вымирающих видов морских животных и исследователем морских глубин. Мало того, сейчас его исследовательская группа прибыла в Японию для изучения популяции морских млекопитающих, в частности серых дельфинов, подвергающихся здесь регулярному истреблению.

Михаил глубоко вдохнул влажный морской воздух.

Япония. Как давно он здесь не был. Как мало у него осталось детских воспоминаний о родине его отца, но все они были яркими, живыми. Восемнадцать лет назад именно здесь он встретился с живым воплощением детской мечты, с русалкой. Тогда никто не поверил шестилетнему ребенку, мокрому и испуганному, а потом он и сам перестал рассказывать эту историю. Та встреча стала его большим секретом.

Приблизительно через год после возвращения из Японии, уже учась в школе, Миша прочел историю о рыцаре и драконе. Смерть дракона в конце его просто потрясла. Миша вдруг осознал, что так может быть и с его другом, люди могут убить того, кто не похож на них, просто из-за этой непохожести. Именно тогда он и перестал рассказывать про русалок, зато выбрал себе путь в жизни, по которому теперь твердо намеревался идти, а маленькая ракушка, висящая на шнурке, сплетенном из длинных черных волос русала, стала его талисманом.

Михаил сжал в кулаке заветную ракушку и посмотрел на восток. Там небо уже приобрело красноватый оттенок. Восход. Скоро солнце встанет над морем, неся с собой свет и тепло всему живому на земле. Как жаль, что иногда люди не ценят те маленькие радости, которые несет в себе жизнь.

Михаил снова двинулся вперед, вдоль кромки прибоя. Впереди вдруг закопошилось что-то черное и большое. Человек настороженно замер, прислушиваясь. А там и в самом деле что-то пыхтело и вздыхало, потом он услышал совсем тихий шепот, похожий на слова.

- Эй, - крикнул по-японски Михаил, бросаясь вперед, - нужна помощь?

Возня прекратилась, а потом тихий голос ответил:

- Да. Пожалуйста.

Приблизившись к темной массе, Михаил вскрикнул. Перед ним на берегу лежал довольно крупный серый дельфин, а за ним сидел парень с голым торсом и темными длинными волосами, почти полностью скрывающими его тело.

- Сколько он так лежит? – недолго думая Михаил бросился к воде, срывая с себя рубаху. Намочив ее как следует, он вернулся к дельфину и накрыл его сверху мокрой тканью.

- Около двух часов. Он испугался. Вокруг было много шума. Кано потерялся и бросился вперед.

- Кано? – смутно знакомое имя заставило Михаила приблизиться к парню, чтобы рассмотреть его внимательнее. Тот шевельнулся, ударив по воде серебристым хвостом.

- Тама? – выдохнул потрясенный Михаил.

- Мичио? Ты вырос, - Тама облегченно выдохнул и откинул назад свои роскошные длинные волосы. На шее русала висела очень знакомая глиняная фигурка дракона. Дельфин тяжело вздохнул, и Михаил сразу сосредоточился на сложной задаче по спасению животного.

- Самим нам его не столкнуть в воду, - Михаил достал свой телефон, - я позвоню в службу спасения, а ты уходи. Если хочешь, можешь приехать... приплыть сюда, когда стемнеет. Или лучше не сюда. Севернее, в паре километров отсюда, скалистый берег. Там почти никого не бывает, и выступы скал торчат из воды. Там будет безопаснее

встретится. Придешь?

- Да. Только спаси Кано.

Оттолкнувшись руками и хвостом, Тама скрылся в темных водах, а Михаил начал лихорадочно набирать номер телефона.

* * *

Через полчаса на берегу было уже очень людно. Спасатели лебедками поднимали несчастного дельфина, чтобы помочь ему вернуться в родную стихию, а вдалеке от берега время от времени мелькала темноволосая голова, которую никто, кроме Михаила, не замечал.

* * *

Операция по спасению дельфина прошла удачно, и серый красавец, благодарно свистнув и обдав своих благодетелей водой, устремился прочь от берега, чуть не ставшего для него гибельным.

* * *

Из-за утренней суеты Михаил немного опоздал на заранее оговоренную встречу со своим двоюродным братом, но по этому поводу он не расстроился. Они все равно были чужими друг другу. Акира Обата был сыном папиного старшего брата, он унаследовал весь семейный бизнес, и теперь, как казалось Михаилу, смотрел на новоявленного брата с подозрением, видимо боялся, что тот потребует часть наследства. Встретились они в маленьком ресторанчике, поздоровались, заказали обед, молча съели его, расплатились и, распрощавшись, разошлись. Миша, сам назначивший встречу, просто не знал, о чем говорить с братом, а Акира и не горел желанием начать разговор. Кроме того у Михаила сейчас все мысли были заняты встречей, предстоящей ему после заката, так что, когда тягостный обед был окончен, он с легким сердцем поспешил назад.

* * *

Михаил прибыл в назначенное место задолго до темноты. Пожилая парочка, медленно бредущая по берегу, поспешила поскорее убраться от молодого светлогожего мужчины, с всклокоченными волосами и отсутствующим взглядом, шагавшего взад-вперед по берегу. Время от времени Михаил поглядывал на море, но никого не видел. Солнце опускалось мучительно медленно. Чем ближе была ночь, тем сильнее возрастало его волнение. Если Тама сегодня не появится, то неизвестно, когда они смогут встретиться вновь, если вообще смогут. Завтра экспедиция во главе с профессором Верье отплывает на три недели, а там... кто знает, что ждет его в будущем.

- Мичио.

Тихий голос, раздавшийся со стороны моря, заставил Михаила вздрогнуть и оглянуться. Тама сидел на выступе небольшой скалы, поднимающейся из моря. Рано взошедшая луна щедро освещала его серебристое тело, даря ему нереальное сияние, в котором Тама напоминал скорее хрустальную скульптуру, чем живое существо. Удивительные ярко-зеленые глаза смотрели с легкой настороженностью, заушные плавники слегка топорились, а длинные нечеловеческие пальцы нервно сжимались и разжимались. Михаил подошел вплотную к русалу, так и не раздевшись. Он просто забыл о том, что на нем была надета довольно дорогая рубашка, которую он выбрал специально для встречи с братом, и туфли, некогда обошедшиеся ему в две стипендии.

- Как Кано?

- Спасибо, хорошо.

- Ты так и не ушел далеко от берега. Я все время видел тебя между волн.

- Он мой друг, я не мог бросить его.

Теперь, подойдя очень близко, Миша увидел, что правую часть лица Тамы, возле виска, украшает затейливая красная татуировка. Медленно подняв руку к лицу русала, Миша обвел ее контуры пальцами.

- Это знак моего рода, такой наносят всем взрослым мужчинам. Он обозначает, что я свободен в своих поступках и решениях.

- А тогда такой не было.

Тама потерся щекой о руку человека, все еще прижатую к его щеке.

- Мне тогда было десять лет. Я просто сбежал из дома, за что мне потом очень сильно влетело от родителей.

Тама слабо улыбнулся и, чуть наклонившись вперед, втянул в себя запах человека.

- Мне нравится, цветами пахнет.

- Да. Я подумал, что наши одеколоны тебе наверняка не понравятся, поэтому перед приходом сюда посетил традиционную японскую баню.

Принюхавшись в свою очередь к русалу, Михаил вздохнул:

- А ты пахнешь морем. Может, расскажешь что-нибудь о себе?

- Не могу. Я тебе доверяю, но одно неосторожное слово может поставить под удар моих родных. Прости.

- Нет, это ты прости, мне не следовало спрашивать. Я...

Все мысли исчезли из головы Михаила, когда длинные пальцы, пробежав по его лицу, погрузились в короткие волосы человека.

- Ты мне нравишься, - Тама еще ниже наклонился к Михаилу, обжигая его лицо своим дыханием.

- Ты мне тоже, - недолго думая Миша потянулся губами к Тамы, сливаясь с ним в нежном поцелуе, плавно переходящем в более страстный.

Их первый поцелуй был немного неловким, поспешным, но полным влечения.

- Тама, Тама, - шептал Михаил чуть слышно, в короткие мгновения между поцелуями, - желанный мой.

- Это правда? – Тама положил ладони на грудь человека, чуть отстраняя его от себя.

- Да, мой драгоценный. Ты самый желанный человек во всем мире.

- Мичио, ты забыл, что я не человек? Я житель моря, и для нас любовь – это очень серьезно. Ты уверен, что любишь меня?

- Уверен. Я иногда видел тебя во сне. А теперь, когда встретил в жизни, просто не могу отпустить, - Михаил крепче прижал к себе прохладное тело русала, - я понимаю, что мы не можем быть вместе, но может быть, хоть изредка, я смогу видеть тебя.

- Ты уверен, что хочешь именно этого? Ведь если твоя любовь окажется неправдой, я умру. Мы не можем жить без любви, это убивает нас.

- Нет, Тама. Нет, - Михаил чуть отстранился, выпуская тело русала из объятий, - я хочу, чтобы ты жил. Пусть и без меня. Я согласен уйти, только живи.

- Хорошо, - Тама выдохнул, словно с его плеч упал тяжелый груз, - я сейчас уплыву. Ты придешь сюда завтра?

- Нет, - Миша отрицательно покачал головой, прикоснулся пальцами к губам русала, словно прощаясь, и медленно убрал руку, - мы завтра отплываем на три недели. Я стажировюсь у профессора Франсуа Верье. Мы вообще-то еще позавчера должны были отплыть, но наш переводчик попал в больницу, так что отплытие задержали. Я предлагал себя в качестве переводчика с японского, но профессор отказался. Сказал, каждый должен заниматься своим делом. Только мы больше не можем ждать, так что

если завтра до обеда новый переводчик не найдется, им все-таки буду я.

- Тогда до встречи, Мичио, - Тама чмокнул человека в губы и, оттолкнувшись от камня, быстро скрылся в морских глубинах.

- Прощай, Тама.

* * *

Утром Михаил пришел на корабль за два часа до назначенного срока. Профессор Верье уже суетился на пирсе, пытаясь объяснить местным грузчикам, куда нести ящики с оборудованием и как их закреплять, так что Михаил с ходу включился в работу, помогая отвлечься от тяжелых мыслей.

В эту ночь он так и не сомкнул глаз. До утра Михаил просидел на берегу, глядя на море и вспоминая серебристого русала. Он надеялся увидеть его еще хотя бы один раз, но все было безрезультатно.

- Мишель, - профессор Верье дотронулся до его плеча, привлекая к себе внимание парня,

- я пойду встречу нашего переводчика, а Вы проследите тут за всем, пожалуйста.

- Хорошо, профессор.

* * *

Вскоре весь экипаж и научные работники были на борту. Отсутствовали только профессор и переводчик. Михаил без дела слонялся вдоль борта, поглядывая на воду. Он понимал, что это бесполезно, русалкам нечего делать в шумном и многолюдном порту, но все равно смотрел, не мелькнет ли в воде серебристый хвост.

В очередной раз отвернувшись от моря, Михаил увидел направляющегося к нему профессора Верье в компании молодого парня, примерно ровесником Михаила. Одет молодой человек был очень просто, немного мешковатая одежда скрывала стройное тело, длинные черные волосы были собраны в высокий хвост.

- Мишель, я хочу представить тебе нашего переводчика. Это Тама. Надеюсь, ты сможешь ему освоиться.

С этими словами профессор подмигнул Михаилу и ушел проверять правильность закрепленного груза.

- Тама? Ты? Как?

- Ты же читал сказку?

Миша потянулся вперед и дотронулся до теплой человеческой щеки, на которой так и осталась татуировка.

- Тама, можно я тебя поцелую?

- Нужно.

* * *

Всепоглощающая страсть кипела в маленькой каюте на борту корабля, идущего далеко в море. Нежные поцелуи сменялись страстными, прикосновения становились все смелее. Сейчас для двух влюбленных не существовало никого в целом мире, кроме них.

Губы Михаила опускались все ниже, следом за чуткими пальцами. Он не пропускал ни миллиметра кожи партнера, обжигая ее своими касаниями и поцелуями, выводя на ней узоры языком.

Чем ниже спускались ласки, тем быстрее дышал Тама, а когда руки человека коснулись центра его тела, Тама вскрикнул, выгибаясь под ним. Михаил успокаивающе погладил его по бедру, а потом коснулся того же места губами, предварительно лизнув кожу чуть ниже пупка. Теперь Тама извивался всем телом, не понимая где он, и что с ним

происходит. Он знал только то, что если эти прикосновения вдруг прекратятся, он просто умрет от разочарования.

Михаил очень нежно развел в стороны ноги возлюбленного и, набрав немного заранее приготовленного крема, провел пальцами между ягодиц, нежно и медленно погружая внутрь сначала один палец, затем два.

Тама чуть дернулся, когда два пальца вошли в него в первый раз.

- Мне остановиться?

- Нет, продолжай.

Тама еще шире развел ноги, чуть выше подняв колени. И Михаил продолжил проникновение, медленно расширяя пространство и ища простату.

Наконец, заветная точка нашлась, и Тама буквально взвился, вскрикнув от остроты накативших на него ощущений. Почувствовав, что партнер близок к разрядке, Михаил переместился вниз, устраиваясь между ног возлюбленного

- Тама, посмотри на меня. Ты уверен, что хочешь продолжить? Потом я не смогу остановиться.

- Да-а, - запрокинув голову, застонал бывший русал.

Больше Михаил не медлил. Неотвратимо погружаясь в тело любимого, он покрывал его лицо мелкими поцелуями, слизнув одинокую слезинку, пробежавшую по щеке. Михаил старался двигаться медленнее, но Тама, подняв вверх ноги, скрестил их за спиной Миши и тот окончательно потерял голову. Толчки его становились все сильнее, пока обоим не накрыло волной долгожданной разрядки. Два крика слились в один, которому вторили чайки высоко в небе и дельфины, провожающие корабль.

* * *

Профессор Франсуа Верье улыбался, стоя на носу корабля. Дома его ждал Юки, имеющий почти такую же татуировку на лице, как и Тама. К сожалению, Юки отказался ехать с ним на этот раз, сказал, что не хочет беречь душу воспоминаниями о доме, так что профессор отчаянно скучал. Этот милый мальчик, которого Верье встретил сегодня, напомнил о его молодости.

Ах, молодость-молодость. Она ведь так быстротечна. У этих мальчиков еще все впереди, и дай им Бог, сохранить прекрасное чувство любви на всю жизнь.

Когда возле корабля из воды выпрыгнул серый дельфин, Франсуа Верье помахал ему рукой.

Верье полной грудью вдохнул пьянящий морской воздух. Все-таки жизнь прекрасна, а своему возлюбленному он непременно привезет подарок: какую-нибудь чудесную ракушку и привет от соплеменника.

КОНЕЦ.

Имена героев:

Мичио – Человек с силой трех тысяч

Тама – Драгоценный камень

Кано – Бог воды

Никко – Дневной свет.

Обата – Твердость закона.

Юки – Снег

Акира – Жизнь

Кот в сапогах

КОТ В САПОГАХ. НОВАЯ СКАЗКА.

Нелегко быть котом. Хорошо хоть не черным, и то радость. А все из-за ведьмы проклятой, вернее - проклявшей. Ну, переспал я с ее дочерью, ну, жениться не захотел, так я же менестрелем был, какая женитьба? Тем более дочка ее была так себе, я даже ее сперва за парня принял. Вот и напоролся на проклятие.

Ходить мне в образе кота, пока не сделаю сто человек счастливыми. А как их делать? Решил я тогда женить бедных парней на богатых невестах. Тут, главное, языком и головой получше работать и вид иметь представительный.

Вот так и брожу я по свету уже почти сто лет, давно сбился со счета, скольких я поженил, и вы думаете, кто-то сказал мне спасибо? Вот уж нет. Люди, становясь богатыми, сразу забывают о том, кому они всем обязаны.

Вот мой последний хозяин – сын мельника, стал мужем принцессы. А по чьей милости? Это же я придумал Маркиза Карабаса. Я съел людоеда (сорок седьмого по счету, кстати). Я привел к нему короля с дочерью. И что? В награду я получил пинок под зад и вылетел из замка, потеряв свои сапоги, между прочим, честно заработанные. А самое обидное то, что он был не первым и, судя по тому, что я все еще кот, не станет последним.

Эх, судьбинushка ты моя горькая. Сколько же мне еще по свету скитаться?

Незнакомое королевство. По крайней мере, я не помню, чтобы бывал здесь. Пару дней мне удалось проехать незамеченным в карете какого-то богача, но сегодня утром кучер меня заметил. Результат закономерен. Пришлось бежать, уворачиваясь от кнута. У ворот харчевни, где остановилась карета, ко мне прицепился здоровенный пес. Спасти на дереве не удалось. Проходившие мимо мальчишки начали бросать в меня камнями. Хорошо, что не попали, но я все же спрыгнул от греха подальше. Пес тут как тут.

Шерсть дыбом. Грозно закричал: «Мя-я-яу-у-в!!» Вцепился в собачью морду когтями. Эх, матушка природа знала, что делала, когда кошек создавала. Пес драпанул с громким визгом, зато мальчишки никуда не делись. И камни тоже. Спасибо лапкам, вынесли меня из этой вредной деревни со злобными мальчишками. Им я точно помогать не буду. Пойду дальше.

Озеро. Камыши. Там вполне можно полакомиться птичьими яйцами. Да и лапам нужно дать отдых. Устал.

Птиц там не оказалось, пришлось довольствоваться лягушкой. Гадость, конечно, но бездомным перебирать харчами не приходится.

Лежу на берегу, отдыхаю. Думаю, стоит мочить шерсть в попытке поймать рыбку или не стоит, когда вижу на воде поплавок. Присмотрелся. Точно поплавок. Там, за камышами, кто-то рыбу удит. Ну, была не была, пойду. Не выпрошу, так украду.

Парнишка. Молоденький. Лет восемнадцать, не больше. Волосы темные, прямые, кожа бледная, видно, мало времени на улице проводит.

Давим на жалость. Подошел поближе.

- Мяу. – Обернулся. Делаем жалобную мордочку, и теперь чуть тише. – Мяу.

Наклоняется к ведру. Ура! Целых две рыбки! И большие такие. Ур-р-р, до чего вкусно.

- Хочешь еще, котик? – голос приятный.

Смотрю ему в глаза, жалобно и заискивающе. Вау. А глаза-то, какие у него, синие-синие, с черным ободком. Улыбка добрая, вон, еще одну рыбку протягивает. Все, решено, им я и займусь.

- Я найду тебе богатую жену.

Парень удивленно поднял бровь.

- Зачем? Мне не нужна жена.

Что значит, зачем? Он что, псих? И почему он не удивлен тем, что я разговариваю?

- Затем, чтобы стать счастливым.

- Разве богатая жена может сделать счастливым?

- Конечно. А что же еще?

- Здоровье, дружба и... любовь.

- Глупости. Поговорку про то, что с милым рай и в шалаше, придумали дураки. День-два оно, может, и так, а потом кушать захочется.

Парень рассмеялся, блеснув белыми крепкими зубами. Отличный экземпляр, за такого любая принцесса вцепится руками и ногами.

- Значит так, будешь слушать меня – всю жизнь станешь жить сытно и вольготно. Понял?

- Понял, только мне не надо...

- Не перебивай. Перво-наперво мне нужны сапоги. Сможешь принести такие, чтобы мне подходили?

- Смогу, но зачем?

- Твое дело исполнять, а мое работать головой. И кстати, почему ты не удивлен тому, что кот говорит?

Парень пожал плечами.

- Мало ли чудес на свете.

- Ладно. Значит, с сапогами решили. Теперь, поблизости есть замок короля или на худой конец герцога, у которых дочь на выданье?

- Есть, король Дрогомир, а принцессу зовут Милана.

- Прекрасно. А замок колдуна или людоеда у вас имеется?

- Зачем? – Взгляд парня стал мрачным и холодным.

- Надо.

- Что ты задумал?

- Это мое дело. Так есть у вас тут людоед?

- Есть. Там за озером лесок, на поляне в нем и стоит замок колдуна-людоеда.

- Он в зверей обращается?

- Может, а что?

- Прекрасно. Значит, завтра на рассвете принесешь сюда сапоги, а остальное уже не твоя печаль. Как тебя, кстати, зовут, парень?

- Дари.

- Ну, до завтра, Дари. Сапоги не забудь.

Отдав распоряжения, я побежал в лес. Нет, не к замку людоеда, до этого еще далеко.

Первое, что я должен сделать, это завоевать расположение короля. А что лучше всего для этого подходит? Правильно, несколько свеженьких, жирненьких фазанов или куропаток, на худой конец и перепелки подойдут. Вот их поимкой я и занялся.

Охота оказалась отменной. На рассвете я пришел к озеру, таща за собой трех фазанов и двух куропаток. Богатая здесь охота. Это нам на руку, или на лапу, кому что нравится.

Дари не опоздал, а уж сапоги принес, просто загляденье. Красные сафьяновые сапожки, с золотыми бляшками и черными ремешками. Я просто влюбился в них. Эти точно не брошу. Выгонит, с собой заберу.

- Подожди с сапогами обниматься, вот тебе еще шляпа с фазаньим пером и пояс. О-о-о. Такого щедрого хозяина у меня еще не было. Сапоги, ремень и шляпа. Все, я для него готов и в огонь, и в воду.

- Встретимся здесь же через два дня.

Я облачился в обновы и отправился покорять сердце короля.

Королевский замок, конечно, огромный, и стража на каждом углу, но кто из них смотрит под ноги? А никто. Проскользнуть мимо них – не проблема. Проблема – найти короля, не привлекая к себе лишнего внимания, но мне это удалось.

Король сидел в кабинете и грустно перебирал бумаги.

- Гм-гм. Ваше Величество.

- Кто здесь?

- Всего лишь я, Ваше Величество. Преданный слуга Маркиза Барабаса, и Ваш, Ваше Величество.

Я поклонился, сняв шляпу, и приблизился к королю.

- Мой хозяин, Маркиз Барабас, просит Ваше Величество, принять от него сей скромный дар.

Пойманные мной птички произвели фурор. Король долго расхваливал подарок и просил меня передать маркизу его огромную благодарность.

Первая часть плана удалась. Пора переходить ко второй. Все девушки любят внимание, вот на этом мы и сыграем.

Немного помучался, но к утру следующего дня у меня в клетке сидел певчий соловей, а букет роз я нарвал по дороге в чьем-то саду. Подумаешь тридцать роз, какая малость. Только колются заразы, и нести неудобно.

- Ваше Высочество.

- Ой, какой котик, – принцесса хотела схватить меня, но я вполне успешно избежал ее объятий.

- Ваше Высочество. Мой хозяин, Маркиз Барабас, нижайше просит принять от него маленький подарок. Вот этого милого соловья и маленький букет цветов.

- Ах, какая прелесть. Передайте маркизу, что я с удовольствием принимаю его дары и была бы не против встретиться с ним лично.

И здесь все прошло удачно. Теперь подкинуть королю идею с прогулкой по окрестным землям королевства, и дело в шляпе.

- Слушай сюда. Завтра на рассвете ты должен быть здесь и ждать меня.

- Кот, что ты задумал?

- Это не важно. Ты просто исполняй все, что тебе велят.

Такого тяжелого жениха мне еще не попадалось. Вот же осел упрямый.

- Кот, я не собираюсь играть в твои игры. Немедленно рассказывай, что ты задумал.

- Вот так всегда. Стараешься для них, стараешься, и никто не ценит.

- И что же я должен ценить?

- Ну ладно, слушай. Завтра недалеко отсюда проедет король со свитой. Ты в это время будешь сидеть в воде и кричать «Караул! Спасите! Ограбили!». Я скажу королю, что на тебя напали разбойники. Он пожалеет тебя и возьмет в карету. Там ты и познакомишься с ним и, самое главное, с принцессой.

- Кот. Я тебе говорил, что не собираюсь жениться на принцессе. Мне не нужна жена.

- Почему?

- Да потому, что я предпочитаю мужчин.

- Что? Это, конечно, проблема. – Я заходил взад-вперед раздумывая над словами Дари. – Ладно. Не беда. Пристрою тебя в постель к королю. Свадьбы тут, конечно, не дождешься, да и не молод он уже, но это все же лучше, чем ничего.

- ЧТО?! Кот, я считал тебя своим другом, а ты тут выдаешь идеи одна хуже другой. Я не собираюсь прыгать в постель к королю.

- Ну, нет, так нет. Зачем так кричать? Значит, сделаем по-другому. Ты приходишь сюда, дальше все по плану, а потом из придворных выберешь себе кого-нибудь получше, дальше я сам все сделаю.

- Кот, ты...

- Все, переговоры окончены. Как я сказал, так и сделаем. Завтра. Здесь. На рассвете. Все. И только попробуй не придти.

Я побежал приводить свой план в исполнение, но отчего так щемит сердце, когда я вспоминаю его обиженный взгляд?

Рассвет уже давно наступил, косари, егери, пастухи и люди в деревне предупреждены о том, что следует сказать королю, когда он спросит, чья это земля, а Дари так и не пришел. Вот какой же я раззява, что стоило узнать у него, где он живет, а? Где я теперь его искать буду? И что я с ним сделаю, когда найду? О-о-о, это будет страшная месть. Да, да. А пока я побегу и перехвачу кортеж короля. В планы придется внести некоторые коррективы.

- Ваше Величество. Маркиз Барабас приносит Вам свои нижайшие извинения за то, что не мог встретить Ваше Величество и сопроводить в свой замок с подобающими почестями. Недалеко от замка появились разбойники, и он, чтобы обезопасить путь Вашего Величества, отправился их выгонять со своей земли. Но если Ваше Величество соизволит проехать по этой дороге, а на развилке повернуть налево, вы прибудете к замку маркиза Барабаса, где Вам, принцессе и всей Вашей свите будет оказан самый теплый прием.

Так. Королю голову задурил. Теперь бегом в замок людоеда. И как можно быстрее.

Ворота открыты. Никого нет. Станный замок для людоеда. Где скелеты и кости его жертв? Где паутина и пауки, мыши (в том числе и летучие) или пыль. Все чисто, светло и благоухает.

Колдун-людоед нашелся в большом зале. Он сидел на возвышении в большом кресле. Нога закинута на ногу, руки сложены на груди, а на лице надета маска.

- Кто ты и что тебе надо в моем замке? – голос из-под маски звучал глухо.

- Я простой путешественник. Мне довелось много странствовать, и везде я слышал удивительные истории о Вас, как о величайшем маге.

- Странно. Я никак не думал, что настолько знаменит. – Мне показалось или в его голосе слышится горечь? Нет, наверняка показалось.

- О, Вы чрезвычайно знамениты. Особенно молва прославляет Вашу способность перекидываться в разных зверей. Я пришел к Вам с огромнейшей просьбой. Дозвольте посмотреть, как у Вас это получается. О большем я и мечтать не смею.

- И в кого же я должен обратиться?

- На ваше усмотрение. Лев, тигр, медведь. Что пожелаете.

Колдун встал. Немного постоял, словно в нерешительности, потом спустился со ступенек.

Еще миг, и вот он окутался голубой дымкой, а уже в следующую секунду передо мной стоял огромный лев, грозно скаля зубы и помахивая хвостом.

До занавесок мне удалось добраться в два прыжка. Я вскарабкался наверх и только тогда оглянулся. Лев сидел там же, и не делал попыток броситься на меня. Только теперь лев смотрел на меня с каким-то непонятным выражением на морде. Словно ему грустно. Возле его лап валялась маска колдуна. Странный какой-то людоед. Лицо прячет, за добычей не гонится. Ладно, у меня сейчас время поджидает, так что прочь сомнения, да здравствует смекалка и ум.

- Ва-ва-ваше Колдовское Могущество. Это, конечно, все очень замечательно, но я слышал, что верх магического искусства – это превратиться во что-то маленькое, вроде мышки.

- Ты хочешь, чтобы я превратился в мышь? – Голос льва гремел по залу, рождая эхо.

- Если, конечно, это, возможно, мне было бы не так страшно.

- Что ж, знать судьба моя такая. - Лев опустил голову, тяжело вздохнул, и... вот она моя мышка.

Я молнией метнулся к своей добыче и вонзил в нее когти. Мышь только чуть пикнула и прикрыла синие глаза, приготовившись к смерти. Синие? СИННИЕ?

Я отпустил жертву и отпрыгнул прочь. Мышь осталась лежать на полу, на боках ее появились алые точки в тех местах, где когти вонзились в ее тело.

- Дари? Это ты?

Я подошел и потрогал лапой бесчувственное тельце.

- Это точно ты?

- Я, – пискнула мышь. – Что, есть меня передумал?

- Ага. Я мышей не очень. Мне бы сметанки или рыбки.

Мышь поднялась, отряхнулась и знакомая уже голубоватая дымка вернула ему человеческий облик.

- Ну, вот и поигрались, кот. Что теперь?

- Не знаю. Мне, наверно, придется уйти. – Я снял шляпу, пояс и принялся снимать сапоги, когда меня остановил его голос:

- Зачем? Я это носить не собираюсь. Оставь себе.

- Правда, можно? – я недоверчиво посмотрел на Дари.

- Можно. Мне они маловаты будут, – Дари поморщился и потер бока. - Ну и хватка у тебя.

- Почему ты не сказал, кто ты?

- Потому что подумал, что нашел друга. Как ты сам понимаешь, в гости ко мне никого не затанешь, а тут ты.

- А почему превратился в мышь? Ты же понял, к чему я веду.

- Понял. Только мне уже так надоело это все, что я решил... Ну, в общем, я подумал, что так будет лучше. Для всех.

- Дурак? Для кого для всех? Я, между прочим, тоже не просто так тут гуляю. На мне проклятье лежит, вот я и стараюсь, как могу.

- Всего-то... - колдун пожал плечами и щелкнул пальцами.

Зал вдруг закружился, поплыл перед глазами, и я понял, что стал выше ростом. Глянул вниз. Мама моя. Я стал человеком и теперь стоял перед колдуном совершенно голым в одних сапогах, поясе и со шляпой на голове. А у него, между прочим, глазки так заблестели. Мама!

Я сорвал шляпу с головы и прикрыл ею свое мужское достоинство. Вот это попал!

Тут в ворота забарабанили.

- Это король со свитой.

- Ничего, я их отправлю восвояси. Что ты, кстати, им наплел?

- Что тут живет маркиз Барабас.

- Понятно. Я скажу, что над ними зло подшутили, здесь живет людоед, а кота они никогда не найдут. Одежду найдешь в соседней комнате.

Проблемы с королем быстро утряслись. Как только он узнал о живущем в замке людоеде, сразу же сбежал.

Я тоже собрался уходить. Дари стоял у ворот, когда я вышел.

- Куда пойдешь?

- Куда глаза глядят.

- Что делать будешь?

- Менестрель я, а тех историй, что накопились за сто лет, мне хватит на десять жизней.

- Скоро зима.

- И что?

- Может, останешься? Я бы тоже с удовольствием послушал твои истории.

- Ну, э... не знаю. А как же то, что ты мужчинами увлекаешься?

- Я силком в кровать никого не тащу.

- Ну, э... я подумаю.

- Думай. А пока пошли, пообедаем.

- Что на обед?

- Печеная рыба в сметане.

Конечно, я не смог отказаться. Остался на денек, потом еще на один, так и прошел месяц. Потом похолодало, пошли дожди, выпал снег. В замке было тепло и сытно, а я так соскучился по домашнему уюту.

Дари меня в постель силком не тащил. Я и сам не понял, как поддался соблазну всего через десять дней, и... В общем, это уже совсем другая сказка, а эта кончилась. Кажется.

КОНЕЦ.

+ бонус с НЦ-сценой
СЛАДЕНЬКОЕ ДЛЯ КОТИКА

Шестой день живу в замке людоеда. Никакой Дари не людоед, конечно, просто колдун, но кого это волнует? А никого. Вот только память у него не очень, никак имя мое не выучит. Вот опять кричит:

- Котик! Мне нужна твоя помощь!

- Сколько раз повторять, что меня зовут ТОМАС! Или Том, если полное имя запомнить не можешь. – Я врываюсь на кухню разъяренным ураганом.

Да, да, колдун самолично готовит, и делает он это просто божественно.

- Котик, не сердись. Лучше помоги мне. Я сливки на руку пролил, жалко, добро пропадает.

- Сливки?

Проклятая кошачья натура тут же берет верх над разумом. Думаете легко отказаться от столетних привычек? Стоило мне только увидеть пальцы Дари, с которых капала белая вязкая и неимоверно вкусная субстанция, и я пропал.

Язык пробегает по каждому пальчику, с наслаждением слизывая с кожи сладкие сливки. При этом я еще и мурлычу от удовольствия, а кисть Дари обхватываю обеими руками, чтобы лакомство не отобрали.

Дари тихо застонал, приводя меня в чувство. Кошмар. Вот что значит сто лет в теле кота. Совсем разучился вести себя по-человечески.

А колдуну нравится. Стоит, улыбается, только криво как-то, и глаза какие-то осоловелые. Сначала я хотел спросить, что с ним, но вовремя понимаю, и даю себе мысленно пинка под... э, ну, вы знаете.

- Ты... ты... у-у, а еще другом назвался, – моему возмущению нет предела.

- А что такого? Ты и помог, по-дружески. – И так невинно глазками хлоп-хлоп.

А какие у него реснички, длинные и пушистые. О-о-о, и о чем я вообще думаю?

- Р-р, соблазнитель. Думаешь, я не понял, зачем ты все это затеял? За эти шесть дней я уже со счета сбился, сколько раз ты меня норовил потискать, а уж смотришь так, что у меня прямо мур-рашки по спине бегут.

- Мур-рашки говоришь?

- Вот, вот. Ты опять так смотришь, словно я праздничный пудинг. Прекрати меня пугать.

- Ну, прости, котик. Просто мне так долго было одиноко, а ты такой милый.

Ой, у него такое расстроенное лицо, мне уже стыдно за свою истерику. И в самом деле, чего я сорвался?

- Ладно, смотри, как хочешь.

- Спасибо, котик.

- Я – Том.

- Я помню, котик.

Опять этот голодный взгляд. Мурашки по спине. Надо, пожалуй, уйти, пока не сорвался.

Седьмой день начинается с поцелуя. Правда в щечку, но это ничего не меняет. Р-р-р. Все, я зол.

- Вставай, котик. Я тебе приготовил оладушки со сметанкой.

Вот нахал. Знает все мои слабости и пользуется без зазрения совести.

Отворачиваюсь на другой бок и делаю вид, что его здесь нет. Но запа-а-ах! М-м-м.

Слюнки текут совершенно произвольно.

Искоса гляжу на поднос в его руках. Оладьи. Целая гора. Дымятся. Сметана. Чай с молоком. Ур-р.

Нет. Я буду тверд и неприступен. Вот съем эти оладьи и сразу стану тверд и неприступен. Да!

- Кушай, мой хороший. На обед будет печеночка в сливках, а на ужин перепела в тесте. Пальчики оближешь.

Сразу вспомнилось, как я их вчера уже облизывал. Чуть не подавился. А Дари быстро чмокнул меня в губы, слизнул с них и подбородка сметану и удалился, прежде чем я успел придумать что-нибудь гневное в ответ на его выходку. Вот нахал.

Что-то я хотел. Ах, да. Я тверд и неприступен. Интересно, а печенка когда будет готова?

Вечер восьмого дня. Я объелся. Жареная рыбка удалась на славу. Лежу, поглаживая набитый живот. Хорошо-то как! Я и забыл, когда мне так сытно жилось, как в эти восемь дней.

Одно плохо. Смутные подозрения, что Дари выкинет меня из своего замка, как только добьется своего, все сильнее звучат во мне. Слишком я привык к этому. Люди всегда выгоняли меня, хотя Дари не совсем человек, и... не знаю. Я совсем запутался. Он ведь такой милый, такой... такой... Я совсем не хочу расставаться с ним. Не хочу, несмотря на его поведение, слабую память, подначки, попытки обнять и поцеловать. И целуется он неплохо, почти как я когда-то.

Вот он идет. Шаги по коридору. Его шаги. Сейчас опять приставать будет и попытается потискать.

Нет. Прошел мимо. Почему это?

Настроение сразу испортилось. Почему он не заглянул даже? Я ему надоел?

Стоп! О чем это я думаю? Сожалею, что ко мне не приставали? Не пытались поцеловать на ночь? Кошмар. О чем я думаю? Ведь мне это не нравится, или... нравится. Какой сложный вопрос, для маленького объевшегося меня. Не буду думать об этом сейчас, подумаю утром.

Девятый день начинается с поисков хозяина замка. Дари нигде нет. На столе в кухне стоит мой завтрак, накрытый салфеткой и остывший. Есть почему-то не хочется.

За два часа я оббегаю все, от чердака до подвала. Дари так и не нахожу. Паническая мысль, что меня бросили, все сильнее звучит в моей голове. Дари, где же ты!?

Проходит еще час. Вдруг дверь распахивается, и входит он. В высоких сапогах, с удочкой в одной руке и ведром в другой.

- Дари! – я подбегаю к нему и, не раздумывая, кидаюсь на шею. Ведро с грохотом падает, расплескивая воду и еще живую рыбу по полу.

- Котик, что случилось?

- Я испугался, что ты меня бросил, – я уже просто рыдаю, висю на нем.

– Вчера ты не пришел, а сегодня тебя нигде не было!

- Ну, что ты напридумал? Я просто пошел, чтоб свежей рыбки наловить, - он гладит меня по голове и прижимает к себе сильнее. - Как же я могу бросить своего единственного дорогого и любимого котика?

- Правда? – Слезы тут же высыхают, и я просто шмыгаю носом.

- Конечно, правда. А теперь пойдешь, умойся и будем завтракать. Вместе.

Вечер. Сажусь на кровати и жду. Придет или нет.

Идет. Замираю. Дверь со скрипом открывается.

- Могу я поцеловать своего котика на ночь?

Молча киваю головой, выражая согласие. Когда он подходит ко мне, обнимаю за шею и притягиваю к себе.

Я уже говорил, что целуется он прекрасно? Нет, божественно.

- Спокойной ночи, Том.

Еще один короткий чмок в лоб, и он уходит. Так хочется побежать за ним, но я остаюсь сидеть на месте. За других решать было куда легче. Кто бы за меня сейчас все решил?

Утро десятого дня. Тепло, уютно. Утыкаюсь носом в теплую шею и вдыхаю запах, такой знакомый, родной. Трону щекой о грудь. Приятно. Теплые руки гладят спинку, спускаются ниже и, обхватив пониже спины, слегка сжимают пальцы.

- Ма-а-а.

- Проснулся, котик?

Что? Дари?

Я подскакиваю на кровати и оглядываюсь. Его комната. Его!

- Как я здесь оказался?

- Пришел. Ночью пришел сам. Велел мне подвинуться и лег.

- Сам?

- Честно сам.

- Тогда ладно. Продолжай, – я ложусь обратно.

- Что продолжать?

- Как что? То, чем уже десять дней занимаешься. Соблазняяй давай дальше.

Дари переворачивает меня на спину, опирается на локти, нависая надо мной.

- Ты уверен?

- Пока да, а там посмотрим на твое поведение.

Я уже говорил, что он божественно целуется? А еще у Дари нежные руки и очень богатая фантазия. Я бы ни за что не догадался вылизывать пупок, а это оказывается так приятно. О-о-о, а когда ниже это... о-о, тут вообще слова не нужны.

- Да-а-ари-и-и.

- Нравится, котик?

- Еще-о-о.

- Конечно, мой хороший.

Про руки говорил? Пальцы такие длинные. Можно и покороче, а то как-то неприятно, когда они внутри. Хотя нет, уже приятно. Остается только лежать и наслаждаться каждым мгновением. Ласковый. Нежный.

- Ай, холодно!

- Прости. Сейчас согреется. Нужно смазать.

Ему нужно, а мне холодно. Нужно было согреть, а потом ко мне приставать. Губы возвращаются туда, где принесли наибольшее наслаждение, и я готов простить холодный крем в своей попе, тем более, что там уже горячо.

- О-оу. Да-а-а.

- Сейчас, мой хороший. Потерпи. Будет немного больно.

Ай! Какое немного?! Это не немного! В порыве злости кусаю его в плечо.

- Прости. Сейчас. Потерпи чуть-чуть.

Э, нет, поцелуями ты от меня не отделаешься. И шею не надо вылизывать. Все равно не прошу. И ниже тоже не... ох, ладно полижи еще там. Приятно.

- Подожди, котик. Не ерзай. О-о-ох, что же ты твори-ишь?

Я творю? Я? Это ты все виноват. Да. Сделай так еще.

- Обхвати меня ногами.

Вот я болван, сам же так женщинам сто раз говорил. Ну-ка.

- Ах, Дари!

- Нравится? Сильнее?

- Да-а-а. Только не останавливайся-а!

- Не остановлюсь, мой котик. Ни за что не остановлюсь. Теперь ты мой, только мой.

Сладенький мой котик.

Ишь ты, сладенький. Сам такой.

Вспышка. Покой. Нет, блаженство и покой. Хорошо.

Мне никогда не было так хорошо, как с Дари. Теперь я точно с ним останусь, и пусть только попробует меня выгнать. Не позволю. А насчет, кто чей, это мы еще поглядим. Недаром же я столько лет пробыл котом.

вот теперь точно КОНЕЦ.

Сказ о Гвидоне.

ЭТО СТЁБ, СТЁБ И НИЧЕГО КРОМЕ СТЁБА!!!

СКАЗКА О СЛАВНОМ БОГАТЫРЕ ГВИДОНЕ, СЫНЕ ЦАРЯ САЛТАНА.

Все знают сказку «О царе Салтане, о сыне его славном и могучем князе Гвидоне Салтановиче и о царевне Лебедь», но мало кто задумывался, а что было бы, попади Гвидон не в ту птицу?

Вот об этом и будет наша сказка.

Желающим вспомнить начало сказки, советую обратиться к первоисточнику, а мы начнем с того самого переломного момента в истории.

Итак, Гвидон, смастерив лук, вышел на берег моря и увидел бьющихся лебедя и коршуна.

Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней.
Видно, битва долго длится,
Коршун весь промок и злится.

Лебедь бела так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет.
Коршун когти ж распустил,
Клюв кровавый наострил.

Тут как раз стрела пропела
Шею... лебедя задела.
Кровь на волны пролилась,
Вскрикнув, лебедь враз скончалась.

Коршун, покружив над морем,
Подлетел к Гвидону. Горем
Опечалено чело,
Эк парнишку проняло.

Хмыкнул коршун, а потом
Молвил русским языком:
«Зря, царевич, ты так тужишь,
Станешь ты теперь мне мужем.

Не смотри так, я не птица,
Лебедь та была девица.
Я ж колдун, из первых буду,
Век стрелы той не забуду».

Крикнул коршун, в небо взвился
Остров вмиг преобразился.
Там, где холм стоял пустой,
Вырос терем золотой.

«Ныне твой удел – Буян!
Глаз не три, ты трезв, не пьян.
Это просто мелко диво,
Что ж, Гвидон, живи счастливо.

Не тужи, мой друг, прощай,
Меня в гости поджидай».
Коршун в небе прокричал,
Вспыхнул светом и пропал.

Наш Гвидон бежит к царице,
Новостями поделиться.
И ведет ее скорей
В сторону больших дверей.

Дверь дубова отворилась,
«Ах», - царица удивилась.
Строем слуги их встречают,
Все их громко величают.

Там столы стоят накрыты,
Сундуки добром набиты.
Серебро в сундуках и злато,
Да камениев богато,

Есть шелка, парча, меха,
Всё подарки жениха.
Чуду наш Гвидон дивится
И царица не ярится.

«Что ж, сыночек, - говорит,
Пусть господь благословит.
Если так сложилась доля,
Не могу тебя неволить».

День прошел довольно споро,
К ночи князь Гвидон на море,
Нарядившись, поспешил,
Коршуна там ждать решил.

Вот последний луч за волны
Скрылся. Вышел месяц полный,
Показав свой бледный лик,
Слышит вьюнош птичий крик:

«Что ж, Гвидон, готов к постели,
Что не видывал доселе?

Одаренным быть любовью,
Брак со мной, скрепляя кровью?»

И Гвидон наш отвечал:
«О другом всегда мечтал.
Мужеложство – то грех!»
«Да, любовь та не для всех.

Что ж, живи пока, освойся,
Ни о чем не беспокойся.
А захочешь коль любви,
Ты меня лишь позови».

Дал наказ и улетел
Вмиг Гвидон повеселел.
Он вернулся в новый дом,
И зажил счастливо в нем.

Только вот, как ночь придет
Сон его особый ждет.
Там объятье крепких рук,
Сердца за спиною стук.

Жарких губ прикосновенье,
Стон глубокий и томленье.
А следы на простыне
Остаются не во сне.

Так прошел десяток дней,
В одиночку все сложней
Жить Гвидону становилось
Как же, ведь ТАКОЕ снилось!

Раз Гвидон не утерпел,
К морю ланью полетел.
Волны грозно там бушуют,
Видит птицу князь большую.

Коршун к князю подлетел
«Что ты, князюшко, хотел?»
«Не могу терпеть я боле,
Душу отпусти на волю».

«Что ж супруг мой, ворочайся
Меня в спальне дожидайся.
Солнце скроется за морем,
Прилечу к тебе я вскоре».

Князь, дрожа от нетерпенья,
В предвкушенье соблазнения,
С трепетом в светлицу входит
И с кровати глаз не сводит.

«Явь ты или же виденье,
О прекрасное творенье?»
«Что же ты, мой милый друг,
Не узнал? Я твой супруг».

Волос – ворона крыло,
Благородное чело.
Синеглазый, чернобровый
Кожа – цвет кости слоновой.

Сердце стучает в груди.
«Что ж ты медлишь? Подходи.
Сбрось скорее покрыва».
Кровь играет. Страсть жива.

Поцелуем сладких уст,
Был скреплен любви союз.
Рук касанье, ласк скольженье,
То любви благословенье.

Двигается язык все ниже,
Жар желанья ближе, ближе.
Лишь венец творенья может,
Так любить на брачном ложе.

Пальцы сжали плоть младую,
В грудь укус и губы дуют,
Остужая страстный жар.
В чреслах уж горит пожар.

Неотступно наслажденье,
Рот горячий. Ах! Забвенье
Все окутало, и персты
Проникают внутрь «невесты».

Вскрикнул тут Гвидон, напрягся.
«Что ты, милый мой, расслабься», -
Шепот на ухо и вот
Тот колдун его берет.

Проникает так глубоко,
Что бежит слеза из ока.
Крик сорвался с алых губ.

«Всё. Прости, что я был груб».

Стонет наш Гвидон на ложе:

«Не хочу. Ты выйдешь, может?»

«Потерпи и боль уйдет», -

Поцелуй. Толчок вперед.

Снова вскрики и метанья,

Но теперь горит желаньем

Тело юного супруга.

«Как же тесно. Как же туго

Отдаваться ты отныне

Будешь только лишь мужчине.

Лишь супругу своему».

«Что? Быстрее. Не пойму,

Что со мною происходит?»

Словно волны тело ходит

От движений и напора.

«Я не выдержу. Я скоро...»

«Потерпи, мы кончим вместе,

Как жених с своей невестой».

Стиснул тело молодое:

«Ты теперь навек со мною!»

Свет небесный вдруг излился,

Крик двоих в один тут слился.

Их экстаз опустошил,

С ложа встать уж нету сил.

«Мой прекраснейший, Гвидон, -

с губ супруга слышен стон, -

Снял ты черное проклятье,

Что не смог перебороть я.

Так что телом и душой

Раб навечно буду твой.

Тело уж пером не скрою,

Остаюсь навек с тобою.

А зовут меня Олимий,

Принимаешь?» - «Да, любимый!»

Нету для любви преград,

Подтвердить то каждый рад.

Так и зажили отныне

Во супружестве мужчины.
В белокаменных палатах,
И счастливо и богато.

А раз в год там пир шумит,
Весь Буян тогда гудит.
Хоть меня на пир не звали,
Я пришла. Увы, прогнали.

КОНЕЦ.

Двое из ларца

ВНИМАНИЕ!!! ТройничОк! Если не приемлите подобные отношения, лучше пропустите эту сказку!

ДВОЕ ИЗ ЛАРЦА.

В некотором царстве, в некотором государстве, жил-был молодой царь по имени Захар. И была у него диковинка одна, оставшаяся после смерти батюшки – ларец волшебный. Стоило сказать: «Двое из ларца, одинаковы с лица, явитесь!», как из ларца выскакивали два дюжих молодца и выполняли любой приказ. Вот только путаники они были страшные. По молодости царь все пытался их к делу приставить, да один вред выходил. Прикажет он молодцам стены побелить и окна вымыть, а они все наоборот сделают, стены помоют, а окна забелят. Мучился с ними царь, мучился, да и плюнул. Поставил ларец в сокровищницу и забыл о нем на несколько лет.

И вот надумал Захар жениться. Долго выбирал он невесту среди красавиц. То нос у них не такой, то уши, то толстая, то худая. У той рот кривой, а у этой грудь сильно здоровая, придушит во сне ненароком, а вон та, вообще не понравилась. Долго царь Захар маялся, пока не повстречал вдовушку одну. Ну и знатная была бабенка - и румяна, и пышна в меру, и на лицо смазлива, только язык у нее был долог. Да царю все одно, захотел и все тут.

Начал Захар ухаживать за вдовой, подарки дарил, гулять выводил, а она все носом крутит, дальше поцелуев не пускает. Опечалился царь и решил с ней начистоту поговорить. Пришел без предупреждения в дом вдовый, чтоб, значит, без помех поговорить, зашел в светлицу, а там в это время подружки вдовьи сидят, да о нем и говорят. Расспрашивают как он да что. Остановился царь, прислушался, любопытно ему. - Да я им, - говорит вдова, - как хочу, так и кручу. Вот помучаю еще чуток, а потом в постель пушу. Никуда он от меня не денется, женится как миленький. А коли плох в постели окажется, так я себе любовника заведу, или двух.

Как услышал это царь, света белого невзвидел от ярости, бросился он во дворец свой, с мыслью отомстить гадюке подколодной.

Долго метался Захар по палатам белокаменным, долго думал, гадал, как ему быть, но ничего путного так и не придумал. Так в раздумьях, глубоким вечером, он зашел в сокровищницу, там на глаза царю, ларец и попался.

- Двое из ларца, одинаковых с лица, а ну-ка явитесь!

Выросли перед царем два дюжих молодца. Косая сажень в плечах, красавцы статные, светловолосые. Любо-дорого посмотреть.

- Вы ребята как в постели? Годитесь на что-то или так же, как везде, только шум разводить горазды?

- Так это, могом, - пожал плечами один.

- А чё, дело не хитрое, - добавил второй.

- Тогда вот что. Сейчас вы особу одну ублажать будете до рассвета, так что расстарайтесь, чтобы во все дыры поимели, а сопротивляться начнет, так кляп в рот и к кровати привязать дозволяю. Поняли?

- Будет сделано! – гаркнули молодцы в один голос, подхватили царя под белы ручки и мигом перенесли в его спальню.

- Вы чего?! Кто позволил! Это же не ме... - а договорить, что не себя имел в виду, Захар не успел. Сунули ему кляп в рот, да к изголовью кровати руки привязали. И не вырваться

и не приказать.

Лежит Захар, зло мычит, ногами брыкается, глазами вращает, покарать обещает. А молодцы разделись тем временем. Как они портки скинули, так царь пуще прежнего замычал да задергался. А нет, не вырваться, крепко молодцы привязали царя, на совесть.

Раздевшись, молодцы за царя взялись. Штаны быстро стянули, а вот рубаху шелковую рвать пришлось. А как иначе ее снимешь, рук не развязавши?

Управившись с одеждой царской, начали молодцы ласкать Захара. Тот поначалу все брыкаться пытался, да куда же от напора молодецкого ему связанному деться? Никуда. Взяла свое природа, возбудился царь от ласк нежных, а когда молодцы начали его ртом по очереди ублажать, тут он совсем о сопротивлении позабыл.

Лежит Захар, стонет в кляп, один из молодцев навис сверху и его мужскую гордость в рот взял, а второй ноги царские раздвинул, да пальцами вход начал разминать.

Задергался опять Захар, но рот умелый и пальчики ловкие, яички перебирающие, его все же успокоили быстро. Расслабился Захар, позволяя молодцам делать с собой, что заблагорассудится, а те и рады стараться.

Тот, что царя ртом ублажал, кляп вынул, голову Захара приподнял, и принялся головкой члена по лицу ему водить и губы царские поглаживать. Открыл было Захар рот, чтобы послать охальников обратно в ларец, да не успел. Не слабое достоинство у молодца оказалось, широко рот пришлось открыть, чтобы его принять. Засопел Захар, отстраниться попробовал, но руки не пускают, языком вытолкнуть попробовал, да не получилось. Молодец только еще пуще засопел, да двигаться во рту начал, и все поглубже норовит засадить. Царь даже запаниковал, а ну как задохнется?

Второй молодец тоже времени зря не терял. Пока первый ртом царским занимался, он проход в тело расширял. Уж и три пальца входят, туго правда, но ничего, это дело поправимое. Раскинул молодец царю ноги пошире, приставил член ко входу и начал вводить головку.

Захар как почувствовал, что в него что-то большое и толстое лезет, так ногами засучил, замычал, а воспротивиться не смог. От боли даже слезы на глазах выступили, а добры молодцы знай себе, царя охаживают, повеление его исполняют.

Вскоре боль минула, стало царю полегче, расслабился он чуток. Молодцы тоже напор чуть поуменьшили, зато теперь они начали синхронно двигаться. Тот, что снизу, руки под попку царскую подвел, приподнял ее чуть, да и вошел немного по-другому. Захара словно молнией ударило, такой силы удовольствие его пронзило. Теперь он и сам стал не прочь продолжить, а никто останавливаться и не собирался. Руки Захару вскоре развязали, да ему все одно уже было. Он только и мог, что просить не останавливаться, да обнимать своих любовников, прижимая к себе покрепче.

Как кончил царь, молодцы его на живот перевернули и местами поменялись. Один под царя лег, второй в него царский член направил, а как вошел Захар до упора, так и сам к царской особе сзади пристроился.

Так молодцы царя всю ночь и развлекали. Поимели по всякому, и себя, и его потешили, а как пропели петухи на рассвете, излился царь незнамо в какой раз, и остановились добры молодцы.

Очнулся Захар, глядит, сидят двое из ларца по бокам, улыбаются. Разозлился царь.

- Вы что, ироды, натворили?! Пошто приказ не дослушали?! Я не себя имел ввиду, дурни здоровые! Вы знаете, что я с вами за это сделаю?! Да я вас... да я с вами... я из вас...

Понурили добры молодцы головы, опять оплошали перед царем, а ну, как и вправду страшное что сотворить удумает. А царь пуще прежнего бранится.

- Вон из покоев моих, дармоеды никчемные!

Собрали вещи свое молодцы и вон из царский палат устремились. Уже почти двери достигли, когда царь им в спину крикнул:

- Чтоб духу вашего тут не было! Пока не стемнеет, видеть вас не желаю.

Оглянулись молодцы на царя, рты разинули от удивления.

- Чего уставились?! Вон, я сказал! Как стемнеет, приходите.

- Ага, - ответили молодцы одновременно, заулыбались и исчезли из палат царских.

Обрадовались, вишь, что царю в первый раз угодить удалось, а даст Бог, так не в последний.

С тех пор так и повелось. Не искал больше царь жен себе, а как стемнеет из царских покоев стоны да крики доносятся, а что там делается, никто не знает. То есть тайна великая.

КОНЕЦ.

Жар-птица

ЖАР-ПТИЦА.

В некотором царстве, в некотором государстве, жил был царь Святобор. И было у него три сына. Старшие сыны были гордостью царя. И сильны, и красивы, и мечами махать горазды, и по девкам ходоки. А вот младшенький – царевич Алексей, во всем батюшку разочаровывал. Силой не отличался, станом был тонок, волосом и бровями – черен, да нежен, словно дева, меча дедовского в руках удержать не мог, разве что лук натягивал изредка, да только птицу и зверя не бил, все мимо стрелы метал. А пуще всего расстраивало батюшку-царя то, что вместо того чтобы силушкой меряться да за девками бегать, младшенький сынок все больше с книжками засиживался, да на небо звездное глядел, мечтая поглядеть на землю так, как птицы ее видят.

Долго батюшка терпел, потом уговаривать начал, просить даже, а уж когда не помогло, и хворостиной воспользовался, да только все напрасно. Махнул царь Святобор рукой на сына, пожалился Богу, что сын должен был дочерью народиться, да и поселил младшенького в южной башне, от себя подале, чтобы на глаза сын меньше попадался, на том и успокоился.

Да не так случилось, как желалось.

Дошли как-то до царевича-Алексея слухи, что повадились в заповедный лес, на бело-озеро, жар-птицы летать. Утверждала молва людская, что птицы те всю ночь над озером летают, всполохами огненными небо озаряют.

Поспешил царевич-Алексей к батюшке, чтобы в лес на бело-озеро отпроситься. Как услышал батюшка-царь такую просьбу, осерчал. Ногами затопал, бородой затряс, руками замахал, а уж как кричал и ругался, то весь терем царский слышал. В общем, отказал царь сыну младшему в просьбе. Вот только царевич оказался упрям.

Ослушался он отца родного, собрал припасов в дорогу, взял зерно в вине замоченное, нож да лук верный взял, котомку, куда уложил все необходимое, увел коня, пока конюхи спали, вином царским попотчеванные, да и двинулся в путь далекий.

День минул, второй прошел, и вот показался перед царевичем-Алексеем лес дремучий. Не проехать туда на коне.

Спешился царевич-Алексей, хлопнул коня верно по крупу, отправив его пастись, вскинул котомку с вещами на плечи и пошел вперед, искать бело-озеро, что посреди дремучего леса раскинулось.

Долго шел царевич, уж и ночь черная близко, вот-вот солнце сядет, а дошел-таки до озера. Глянул царевич-Алексей, а посреди озера широкого остров малый стоит, на нем дуб древний растет, что ветками небо подпирает.

Скинув с себя вещи и упаковав их в котомку, переплыл царевич озеро и достиг острова малого. Тут и солнце село. Рассыпал царевич-Алексей зерно винно-пьяное по земле вокруг дуба, а затем взобрался на дерево древнее, благо ветки его низко располагались, и приготовился ждать.

Как только взошла луна, небо на западе посветлело и вскоре над бело-озером появились с дюжину огненных птиц. Чудные были птицы те, статью на журавлей похожи, только перья огнем горят и все вокруг себя освещают, хвосты их длинные по земле волочатся, а на головах хохолки смешные.

Опустились жар-птицы на берег, напилась воды из бело-озера, поели зерна в вине замоченного, да по земле щедро рассыпанного, и вдруг начали танцевать вокруг дуба. Чудно было царевичу-Алексею наблюдать за жар-птицами, а те знай себе

пританцовывают. То подпрыгнут вверх, расправив крылья, то ногами перебирают по земле, выгибая шею и все парочками, парочками. Потанцуют, поклонятся друг другу и ну снова плясать. Перья их при этом еще ярче огнем горят, а длинные хвосты землю метут. Пока любовался царевич-Алексей на танец, тут к дубу еще одна птица подлетела, самая последняя. Тяжело опустилась та жар-птица на самую нижнюю ветку, крылья свесила, голову наклонила, а перья ее чуть только светятся. На товарок своих та птица и не смотрит даже.

Присмотрелся царевич к птице последней, да чуть не ахнул во весь голос. Птица та ранена оказалась. Из крыла ее левого кончик стрелы торчал. Пожалел царевич птицу, спустился аккуратно к ней на ветку. Думал, улетит птица, его испугавшись, но та осталась сидеть, словно не замечает его. Заговорил царевич с птицей ласково, подобрался к ней поближе, погладил по спине, по крылу, а потом ухватил за стрелу и вырвал ее из крыла птичьего. Жар-птица только вздрогнула, и еще ниже голову повесила, видать совсем ей плохо стало.

- Ты потерпи немного, - молвил царевич-Алексей.

Спустился царевич с дерева, распугав всех жар-птиц, да только все равно ему было, что улетели они, возмущенно крича. Достал царевич из запасов своих хлеба краюху, в кружку воды набрал и снова на дерево полез. Начал он жар-птицу поить, кормить, а как наелась и напилась она, достал царевич из котомки мазь целебную, что их придворный лекарь готовил. Та мазь от любых ран да хворей телесных заговорена была.

Смазал царевич крыло птичье, рукавами, оторванными от лучшей рубахи, перевязал. Тут уж и рассвет забрезжил. Послышался в лесу стук да металлическое позвякивание. Понял царевич-Алексей, что это воины, царем-батюшкой за ним посланные идут. Поднял он жар-птицу повыше на дерево, чтобы с берега видно ее не было, оставил весь хлеб свой, воды еще принес, чтобы жажда ее не мучила, да и отправился вплавь к другому берегу, с вещами в котомке, чтобы не промочить лишний раз.

Только вышел он на берег, как тут и воины царские показались. Окружили они царевича-Алексея и увели его прочь от берега бело-озера, к царю-батюшке гневливому.

Как привели воины царевича-Алексея к батюшке, тот первым делом розог сыну нерадивому велел всыпать, а после того запер его в башне высокой и дверь закрыл на замок пудовый. Велел царь Светобор слугам своим верным сына младшего кормить, поить, вот только из башни высокой не выпускать, доколе он лично не разрешит. Так и стал жить царевич-Алексей в башне высокой, вроде узника бесправного.

Слуги младшего царевича любили, за характер незлобивый, да за доброту ко всякому живому. Баловали они его, кто как мог. Кто баранок поднесет, кто пирогов, а кто и книжкой из библиотеки царской по-тихому уведенной. Тужил в башне высокой царевич-Алексей, кручинился, а батюшка все гнев на милость сменить не хочет.

Много ли с тех пор прошло, мало ли, а прибыл как-то ко двору царскому знаменитый колдун. Принял его царь Святобор, к столу пригласил, в баньку, а потом и начал расспрашивать, что привело столь знаменитого колдуна в его царство?

- Проездом я тут, Ваше Величество. Из далеких земель домой возвращаюсь. Прослышал я мимо ваших земель проезжая, будто сын Ваш младший - парень умный и начитанный, а мне ученик такой очень нужен, может, отдадите?

Как услышал царь предложение колдуна, так начал ругаться. Глаза кровью налились, борода трясется. Он даже приказал выкинуть колдуна из терема вон, да только не успели те до колдуна дойти, как вспыхнул он ярким пламенем и пропал.

Приказал царь обыскать каждый кустик и каждый камешек вокруг терема, да и в самом тереме все осмотреть, а к дверям, за которыми царевич-Алексей томиться, тройную

стражу приставить.

- И чтоб даже мышь!..

Пояснять, что будет с тем, кто царя прогневает, не было необходимости. Боялись его и слуги и воины, ибо крут был царь-батюшка и быстр на расправу.

К вечеру слуги принесли ужин царевичу и рассказали обо всем, что в замке происходило. Закручинился царевич пуще прежнего. Как же, колдун всемирно известный в ученики его хотел взять, но и тут не повезло, а ведь он так мечтал увидеть страны далекие. Может и ту страну, где жар-птицы обитают, нашел бы. Очень уж хотелось царевичу знать, что с той раненой птицей стало. Да ничего не попишешь, выгнал царь Святобор колдуна, а значит и с этой мечтой придется ему расстаться.

- Видно придется мне в этой башне дни коротать до самой смерти, - тяжело вздохнул царевич-Алексей, глядя в небо звездное.

- Если сбежать хочешь, я и помочь могу, - раздался незнакомый голос с крыши.

Поднял голову, увидел царевич сидевшую на крыше над его окном жар-птицу.

- Ты? Человеческим языком разговариваешь?

- Я. Разговариваю. В гости пригласишь? – склонила птица голову на бок.

- Конечно. Проходи. Вернее - залетай.

Впорхнула птица в окно, засияла яркими огненными всполохами, а царевич скорее ставни зачинил, чтобы внимания лишнего ни привлечь.

- Ну, здравствуй, царевич-Алексей. Не ждал? – села жар-птица на спинку стула, крыльями потрянула, хвостом взмахнула, и осветила всю комнату словно солнце дневное.

- Как же ждать можно было? Я ведь тебя раненую на острове оставил. Как же ты меня отыскала?

- Искала и отыскала. А теперь выполню любое твое желание за то, что не бросил меня в беде. Чего бы тебе хотелось?

- Чего? – задумался царевич-Алексей, - учеником хочу пойти к колдуну, что в терем царский приходил. Да только отказал ему батюшка, еще и выгнал вон из терема. А мне из башни никак не сбежать. Крылья у меня не растут.

- Зато у меня крылья есть. Могу унести тебя, на острова далекие, где колдун тот живет.

- Как же ты унесешь меня? Ведь ты меньше меня ростом?

Хохотнула жар птица, распахнула крылья и ответила.

- Ты царевич-Алексей на меня не смотри так презрительно. Я птица волшебная, могу и больше стать и меньше. А ты не толст и невысок, так что управлюсь я с легкостью, коль решишься ты сбежать из дома отчего.

- Согласен! Конечно же согласен! Я только кое-что с собой прихвачу. Можно?

- Можно. Бери, что хочешь.

Взял царевич-Алексей котомку свою старую, собрал в нее все, что от ужина осталось, вещи на смену, да пару книг, что могли ему пригодиться.

- Готов, - возвестил царевич-Алексей, закидывая котомку на плечо.

Спустилась жар-птица на пол, расправила крылья и начала расти, пока не увеличилась раза в четыре.

- Садись верхом на меня, царевич-Алексей, и полетим отсюда словно ветер.

Стоило царевичу сесть на спину жар-птицы, как та взмахнула крыльями, поднимая страшный ветер. Окно разлетелось под напором ветра, и огромная жар-птица вылетела в оконный проем.

Стражники внизу закричали, поднимая тревогу, вот только птицу волшебную им было уже не достать. Она поднялась высоко в небо и мигом скрылась с глаз. Больше царевича-Алексея в этом царстве-государстве никогда не видели, а осерчавший царь

Святобор даже имя его упоминать запретил, словно и не было у него сына по имени Алексей.

Быстро летела жар-птица, ветер обгоняла шутя, земля мелькала далеко внизу с такой скоростью, что не успевал Алексей ничего разглядеть. Час летела птица, второй, третий, а когда впереди забрезжил рассвет, достигли они края земли, дальше под ними простирался море-океан. Еще час прошел и вот впереди показались острова с лесами и домами среди деревьев. Одни острова были больше, другие меньше, а на самом огромном острове, размером больше столицы батюшкиной, опустилась птица близь дома двухэтажного с зеленой крышей.

- Здесь живет тот самый колдун. Ты в дом входи, даже если там никого нет, не бойся, он возражать не будет. А мне пора. Увидимся.

Ссадила жар-птица царевича-Алексея со спины, взвилась вверх и пропала среди облаков, сделав круг над головой юноши.

Делать нечего, вошел царевич-Алексей в дом незапертый. Окликнул хозяина, но тишина была ему ответом. Обошел царевич дом, заглянул в каждую комнату, но ничего не трогал, только смотрел.

За входной дверью находился небольшой коридор с лестницей наверх и большими двустворчатыми дверями, ведущими в гостиную. Кроме того внизу располагалась огромная библиотека, конца которой с порога видно не было. Тут же стоял рабочий стол со стулом. Дальше шла закрытая комната, за которой находилась дверь, приведшая царевича на кухню. Из трех спален наверху, жилой выглядела только одна. Решив, что это хозяйская спальня, Алексей спустился вниз, чтобы приготовить обед, ведь завтрак он уже пропустил.

На кухне нашлось великое множество самых разнообразных продуктов, хранящихся в специальных ларях и шкафчиках. Причем молоко оказалось таким же холодным, как если бы хранилось в погребе. Подивившись чуду, царевич принялся куховарить. Для начала он принес воды из маленького колодца, оказавшейся очень вкусной, и разжег огонь в небольшой печке. Потом нашел крупу, вымыл ее и кинул в котелок, где уже закипала вода.

Ничего особенного он приготовить не мог, все же царевичей этому не учили, но вот кашу сварить, заправить ее маслом и молоком – это запросто. Когда каша была готова, царевич поел, вымыл посуду, и решил выйти на улицу. Но стоило царевичу-Алексею переступить порог гостиной, как взгляд его наткнулся на сидевшего в кресле мужчину с каштановыми волосами и золотистыми глазами. Одежды на нем были богатыми и яркими, волосы довольно длинными, спускались чуть ниже плеч и слегка вились.

- Никогда не видел таких красивых мужчин, - выдохнул юноша потрясенно, и лицо незнакомца украсила не менее привлекательная, чем само лицо, улыбка.

- Спасибо, царевич-Алексей, я очень рад, наконец, познакомиться с тобой.

- Э-м, если можно просто Алексей. Я не сомневаюсь, что титула меня батюшка уже лишил, да и не к чему мне тут титул. А как мне Вас называть?

- Называй – Язмин, и на «ты». Уважение ученика к учителю должно проявлять в тяге к знаниям, а не «выканьем». Присядь. Давай поговорим.

Колдун указал рукой на соседнее кресло, а когда юноша сел в него, хозяин хлопнул два раза в ладоши. Тут же перед ними появился столик уставленный сладостями и всякими напитками.

- Для начала ответь мне, сколько тебе лет?

- Шестнадцать, - поспешно ответил Алексей и тут же, покраснев, добавил, - через двадцать дней исполнится.

- Что ж, Алексей, согласен ли ты стать моим учеником? Постой, - колдун поднял руку, останавливая готовый сорваться с уст юноши ответ, - прежде чем ответить, я хочу тебе сказать, что, если ты не захочешь, я дам тебе денег и переправлю на родину, или в любое место, куда захочешь, а можешь остаться здесь просто так. Невольник не стану.

- Конечно, я согласен. Не надо меня никуда отправлять. Я хочу остаться и учиться у Вас, Язмин.

- Тогда ты принят в ученики. Выбирай себе комнату наверху, оставляй там вещи, и пойдём, я тебе остров покажу. А на первом уроке будем учиться говорить «ты».

Так и остался Алексей в доме колдуна, обучаясь колдовской премудрости.

Прошло два года. Алексей возмужал, стал настоящим красавцем, вот только кроме колдуна Язмина и жар-птицы это преобразование было некому оценить. Гости у них бывали крайне редко, да и с теми колдун разговаривал сам, отсылая ученика по какой-либо надобности. Зато с жар-птицей разговаривать Алексею не возбранялось, что он и делал почти каждый вечер, рассказывая ей обо всем. Иногда Жар-птица расспрашивала его о колдуне, о том, как юноша относится к нему, и Алексей не скрывал своих чувств, говорил о том, как восхищается им, его умом, его знаниями. Вот только жар-птица видимо говорила о чем-то другом, потому что после таких разговоров она словно грустнела, и сидела нахохлившись.

И вот, спустя два года, Язмин объявил, что передал ученику почти все свои знания.

- Теперь тебя научит только практика, так что, если пожелаешь, ты волен уйти. Я не посмею тебя удержать.

- Но... как же?..

Растерялся Алексей, стоит не знает что сказать, а Язмин вдруг подошел к нему, приблизил лицо так близко, что кроме его глаз все в мире перестало существовать и ... их губы встретились, обжигая и вызывая какую-то непонятную дрожь в теле юноши. А потом все вдруг закончилось.

- Что это было? – выдохнул Алексей. Сердце его при этом билось так, что казалось, готово было выскочить из груди.

- Поцелуй. Я давно полюбил тебя и мечтал об этом все годы твоего ученичества.

- А разве мужчины могут?.. Странно все это.

- Могут. Это действительно странно, но и такая любовь существует, хоть и гонима людьми, как срамная и нечистая.

Алексей дотронулся кончиками пальцев до своих губ, на которых остался вкус чужого поцелуя.

- Я не знаю, что сказать.

- Ничего не говори. Тебе всего семнадцать. Ты еще слишком юн и неопытен, поэтому я решил отпустить тебя. Поброди по миру, посмотри на людей, себя покажи. А там думай сам, захочешь - возвращайся, я буду ждать, а не захочешь - найдешь себе счастье среди людей, я буду только рад. Иди, собирайся. На берегу тебя ждет корабль, который отвезет тебя в земли людские. Прощай.

Сказал и сгинул, вспыхнув сизым пламенем и растаяв словно дым.

Алексей так и сделал, как ему учитель велел. Собрал вещи и пошел к берегу. Там, на дубу высоком увидел он Жар-птицу.

- Давай прощаться. Отплываю я.

- Знаю, - махнула головой птица, - полюбился ты мне, Алексей, а потому не могу я отпустить тебя просто так. Возьми мое перо, и как понадобится тебе моя помощь или просто поговорить захочется, ты перо согрей в ладонях, я тут же узнаю и прилечу к тебе. Поблагодарил Алексей жар-птицу за дар, взял перо заветное, сел на корабль и отплыл в дальние земли. Вот только слова колдуна Язмина покоя ему не давали, бередя душу.

Долго путешествовал Алексей по странам разным, людям помогал, где советом, где силой, где волшебной. И на востоке побывал и на западе, а на север в родное королевство ходить не спешил. Кто его знает как батюшка и братья встретят его. Боязно было. Так бежали дни, дни складывались в недели, недели в месяцы, а месяцы в год. Много видывал Алексей всякого в мире. Видел и горе человеческое и любовь, а все забыть Язмина не мог и поцелуй его прощальный. Иногда он доставал перо жар-птицы, а когда она прилетала, он все расспрашивал ее, как дела на острове, да как там поживает Язмин, а вернуться все не решался, словно ждал чего-то, надеялся на что-то. И вот однажды услышал Алексей весть страшную о том, что батюшка его присмерти. Мигом собравшись, ринулся Алексей на родину, в надежде помочь, если еще не поздно. Вовремя прибыл Алексей. Не опоздал. Сварил он зелье, поставил отца родного на ноги, а тот вместо благодарности приказал заточить сына в подземелье, а чтобы не сбежал, приковали его цепью пудовой к стене, а все вещи его отобрали и спалили. Алексею же объявили, что предадут его смерти лютой через сожжение за колдовство черное, которым он отца хотел извести, прежде втершись ему в доверие, как избавитель от болезни страшной, а после и братьев.

- Я же вылечил тебя! – воскликнул Алексей, когда приговор услышал, да только нет дела царю Святобору до сына-ослушника, зато смерть его послужит хорошим уроком остальным, чтобы сильнее боялись.

Сильнее всего печалило Алексея не его смерть, а то, что он не сможет попрощаться с жар-птицей и Язмином.

И вот пробили колокола церковные полдень. Объявил глашатай на площади перед теремом царским, при всем честном народе, волю царя Святобора и вывели стражи опального царевича под белы рученьки, в рубахе простой да босоногого. Подвели к тому месту, где уж и дрова были сложены для костра. Поднялся ропот в толпе людской, где это мол видано, чтобы за добро черной неблагодарностью платили, да только громко этого сказать никто не рискует. Все прекрасно понимали, дойдут до царя такие слова, и вмиг окажешься на костре рядом с царевичем-Алексеем.

Поставили Алексея к столбу, и хотели было уже вязать, да костер запаливать, но тут из облаков налетела на них жар-птица. Разметала она стражей в разные стороны, подхватила пленника царского, безвинно осужденного и взмыла с ним ввысь.

Опомнившиеся стражи начали вслед им стрелы метать и после клялись, что попали, да в то мало кто верил. Унесла жар-птица младшего царского сына в неведомые дали.

Алексей же, висая в когтях жар-птицы, благодарил Господа Бога за спасение, да приятельницу свою жар-птицу за то, что поспела вовремя. Вот уж час прошел, как сбежал Алексей от казни жуткой, а жар-птица все летит, вот только к земле она все ниже клониться начала. Тут и лес дремучий показался впереди, где бело-озеро зеркалом блестит среди деревьев. Летит к нему птица волшебная, кончиками крыльев деревья задевает, а как над водой оказалась так совсем низко пошла.

Вот уже и островок малый с дубом древним близок, рукой подать, но не дотянула до него жар-птица, упала прямо в воду. Тут уж Алексей не оплошал. И сам на берег выбрался и спасительницу свою вытянул. Подтащил ее к дубу древнему и только тогда увидел, что

из груди жар-птицы стрела торчит. Вскрикнул юноша, застонал от того, что стал виною ее гибели. А птица вдруг зашевелилась, дрогнули ее крылья и начало с нее перо сползать. Миг всего прошел, а нет более птицы. Лежит на берегу острова малого под дубом древним колдун, что стал учителем для юноши и другом верным.

- Язмин!

Открыл мужчина глаза, глянул на Алексея, улыбнулся и дух испустил. Запричитал тут юноша.

- Зачем ты меня спас?! Зачем жизнь свою за меня отдал?! Очнись друг сердечный, побудь со мной еще хоть малость! Дай еще хоть раз взглянуть в глаза твои ясные! Но молчит Язмин, не шелохнется, не вздохнет.

Заскрипел тут дуб древний и молвил человеческим языком.

- погоди, царевич-Алексей, кручиниться да убиваться. Коль себя не пожалеешь, сможешь вернуть его к жизни. Надобно достать живой и мертвой воды. Три капли мертвой воды рану его залечат, а три капли живой из мертвых поднимут.

Встрепенулся юноша.

- А где искать живую и мертвую воду?

- Дам я тебе желудь путеводный, он тебя проведет, а еще дам два флакона, в которых живая и мертвая вода сохраняют свои чудесные свойства.

Опустилась к Алексею ветка, на конце которой висели два флакончика с мизинчик размером, а потом и желудь к ногам юноши упал.

- Ступай за ним, да помни, мертвую воду добудешь лишь смекалкой своей, живую - только жизнь отдавая.

Взмахнул на прощанье ветвями древний дуб и пошел Алексей следом за желудем, что поперед него покатился.

Долго шел. Дни сменялись ночами, ночи – днями, а конца пути все не было. Уж и босы ноги в кровь истер, а все же дошел он до гор высоких. Закатился желудь в пещеру глубокую, да и замер, покружившись на месте. Глядит Алексей, а под сводами пещеры огромной сидят два великана, схожие между собой словно две капли воды, перед каждым родник из-под камня бьет. Поздоровался Алексей с великанами, поклонился, все чин по чину.

- Здравствуй, царевич-Алексей, - молвил один великан.

- Зачем к нам пожаловал? - спросил второй.

- Воду я ищу живую и мертвую, чтобы друга сердечного спасти да к жизни вернуть.

- Знаем мы о водах таких.

- Только живой у нас нет.

- Мы охраняем мертвую.

- А чтобы получить ее.

- Ты должен пройти испытание.

- Один родник с обычной водой.

- Второй с мертвой.

- Отгадаешь, какая из них мертвая.

- Получишь ее в дар от нас.

- А не отгадаешь, мы тебя съедим.

Испугался Алексей, да делать нечего, придется отгадывать. Дуб ведь говорил о смекалке.

- А как я отгадывать должен?

- Ты можешь задать любому из нас только один вопрос.

- Но учти, один из нас всегда говорит правду, а второй всегда лжет.

- Кого из нас ты хочешь спросить и о чем?

- Помни. Только один вопрос.

Задумался Алексей. Да только не долго. Не зря учитель его всяким наукам учил.

Подошел он ближе к левому великану и спросил:

- На какой источник указал бы мне твой брат, если бы я его спросил, где мертвая вода?

Переглянулись великаны и рассмеялись во все горло. Загуляло эхо многоголосое по пещере, загрохотало.

- Молодец, царевич-Алексей, справился с задачей. Мой брат сказал бы, что мертвая вода течет из родника, что возле меня бьет.

Поблагодарил Алексей его за ответ, да и набрал воды из другого родника. Из родника с мертвой водой. Раскланялся потом юноша с великанами, распрощался и дальше в путь пустился за желудем.

Тяжела дорога в горах. Тропы узки, камни так и норовят из-под ног вывернуться да в пропасть увлечь, но идет Алексей за желудем, не останавливается. День идет, второй, третий и вот выводит желудь юношу в долину меж скал. Стоит посреди долины той колодец, а вокруг него старики все да старухи собрались. Кто сидит, кто лежит, кто ходит вокруг колодца бревенчатого с воротом. А возле ворота ковшик висит в виде ладоней человеческих выструганный. Покатился желудь к колодцу, за ним и Алексей пошел.

- Здравствуйте, люди добрые. Не слышали ли где мне живой воды взять можно?

- Как не слышали, - молвил один из стариков, - слышали. В этом колодце она, да только достать ее очень трудно. Один оборот ворота отнимает один год жизни у того, кто его вращает. Все мы пытались ту воду достать, да только не смогли. И ты не пытайся, иди покуда молодость свою тут не оставил подобно нам.

- Не могу я уйти. Мне вода не для себя надобна. Для друга сердечного.

Молвил так Алексей и взялся за ворот. Крутит ручку ворота и чувствует, как сила в нем тает. Страх в душу заползает: а ну как не смогу, а ну как останусь таким же как они, старым да немощным. Но как вспомнит он бескровное лицо Язмина, оставшегося лежать под дубом древним, так и гонит от себя прочь все мысли дурные.

Скрипит ворот, вращается. И вот уже ведро показалось над краем колодца. Ухватился Алексей за ручку ведра рукой иссохшей от старости, закричал от натуги, но вынул все же ведро с живой водой. Бросились тут к нему все старики да старухи, на колени падают, за ноги и руки хватают, молят оделить их живой водой, хоть малой толикой, ведь только тот, кто достал может распорядиться ее живительной силой. Пожалел их Алексей, взял ковшик искусно вырезанный и начал каждому в нем воды подносить. Как выпьет кто воды той, так сразу лет сорок, а то и пятьдесят долой. Смеются, благодарят, да и уходят прочь, домой торопятся.

Поднес Алексей последней старухе воды, глядь, а на дне ведерка только несколько капель и осталось. Самому не хватит.

- Ну и пусть. Мне главное обратно к дубу воротиться.

Собрал оставшуюся живую воду во флакон дубом данный, закрыл его бережно, чтобы ни одной капельки не потерять и повернулся обратно идти, но тут голова его закружилась, мир перед глазами поплыл и оказался Алексей около дуба древнего на острове, посреди бело-озера.

- Выполнил ты царевич-Алексей все задания, прошел через все испытания, раз сюда воротился.

Упал Алексей на колени перед телом бездыханным. Вынул стрелу из груди Язмина.

Окропил рану тремя каплями мертвой воды и срослась рана прямо на глазах. Открыл

дрожащими иссохшими от старости руками флакон с живой водой, и ровно три капли упало на грудь Язмина.

Вздыхнул колдун чужестранный полной грудью. Открыл глаза ясные. Улыбнулся солнцу ласковому. А затем взглянул на Алексея. Вспомнилось тут Алексею, в каком виде предстал он пред очами Язмина. Отшатнулся он от мужчины, руками лицо прикрыл, молясь, чтобы не узнал его тот, кто в любви признавался. Как можно ему в таком виде показаться? А ну как отвергнет? Зачем ему старик?

Только отвел руки Язмин от его лица, а потом и поцеловал, да так жарко, что позабыл Алексей обо всем.

- Любимый, - прошептал Язмин, - единственный мой, желанный. Полюбился ты мне с той минуты, как пожалел птицу раненую. Та стрела не случайно была. Ее мой давний недруг пустил, а поскольку магия в ней была, сам я ее вынуть не мог, да и обернуться человеком сил не хватило. Если бы не ты, так бы и остался я на этом острове, пока недруг мой не подрос и не захватил бы меня в плен-рабство. Ты меня пожалел и спас от жизни, что была бы для меня хуже смерти лютой.

Из года в год прилетают сюда жар-птицы, чтобы найти свою пару, да только мне пара все никак не находилась, пока тебя не повстречал. А дальше ты все и сам знаешь. Ответь же мне, любимый, станешь ли ты мне супругом? Разделишь ли со мною все радости и горести в жизни?

Всхлипнул Алексей. Глаза закрыл, чтобы не видеть жалости в глазах Язмина.

- Не могу я с тобой жить. К чему тебе старик дряхлый? Ты себе еще найдешь молодого да красивого.

Рассмеялся тут Язмин.

- Да ты пойдешь к воде и на отражение свое погляди. Куда уж моложе и красивее.

Выполнил Алексей так, как колдун ему говорил. Глянул в воду на отражение свое, молодое. Посмотрел на руки крепкие. И расплакался облегченно.

Обнял его Язмин, покрыл лицо поцелуями жаркими, слезы стирая.

Зашумел тут древний дуб и снова молвил голосом человеческим:

- Славная получилась пара. А не хочешь ли царевич-Алексей отомстить царю и получить трон царский? Вода мертвая у тебя еще осталась. Вылей ее в реку, что через столицу течет. Поля с той реки поливаются. Если вода мертвая в воду попадет, поля высохнут. Начнется в царстве голод. Ты сможешь возродить их магией своей, свергнуть царя и в обход братьев занять трон. Народ тебя поддержит.

Покачал головой отрицательно Алексей.

- Не царевич я более, и трона батюшкиного не жажду, а уж народ невинный голодом морить и подавно не хочу. Если Язмин не против, я хотел бы жить с ним.

- Конечно, не против.

Прижал колдун юношу к груди и счастливо улыбнулся.

- Теперь я тебя никуда не отпущу, ненаглядный мой.

- А я и сам не уйду.

Вздыхнул тут древний дуб, зашелестел листвою.

- Быть посему. А за души ваши чистые и любовь верную, одарю я вас божьей благодатью. Отныне все ваши начинания будут удачными, а жизнь длинной и счастливой. Ступайте с миром.

Так с тех пор и зажили на далеких островах Алексей да Язмин, искренне любящие друг друга. Многие люди приезжали к ним за помощью, и никто не знал отказа, если дело их было правым. И миновали их беды и несчастья до самой смерти, а прожили они долго, с благословения божьего.

КОНЕЦ.

Красная шапочка

КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

- Поздравляю, Евгений Людвигович Вульф, вы попали. Зима в самом разгаре, снега по колено, а у вас машина издохла посреди дороги, на которой кроме вас никого нет, и, судя по тому, что скоро начнет темнеть, никого не будет.

Я обошел свою заглохшую машину и еще раз поздравил себя со страшным везением. Это же надо было именно на этой машине отправиться на отдых. Ведь она еще третьего дня барахлила, я собирался отогнать ее в мастерскую и забыл. Закрутился на работе с этими проблемами и забыл. А когда решил выехать в выходные на природу, подумал, что еще пару дней она как-нибудь протянет.

Оглядев пустую дорогу, я потянулся за мобилкой.

- Марта, извини, что я в неурочный час, но я заглох на двадцать шестом километре. Вызови сюда эвакуатор.

Далекий звук отвлек меня от разговора. По заснеженной дороге пыхтя и чихая, двигался маленький деревенский автобус. То, что надо.

- Алло, Марта, я еду дальше на автобусе, послезавтра утром пришли мне Семена с машиной, я вместе с ним вернусь в город. Адрес ты знаешь.

- Все поняла. Сделаю. Хорошего отдыха, Евгений Людвигович.

Отключив телефон и достав сумки с вещами и продуктами, я поднял руку. Чхнув в очередной раз, автобус обдал меня выхлопными газами и, скрипнув тормозами, остановился. Двери открылись со страшным скрежетом.

- Куда? – лаконично спросил водитель.

- Победное.

Водитель кивнул, залезай, мол, и назвал цену. Отдав ему требуемое и заверив, что сдачи не надо, я подхватил свои сумки и двинулся вдоль рядов кресел. Автобус был полупустой, и можно было сесть впереди, но я заметил на задних сидениях кое-что интересное.

Сначала я решил, что это девушка, но подойдя ближе, понял что ошибся. Парень.

Молодой парень в дутой синей куртке китайского происхождения. Сидит и читает какую-то книгу. Но заинтересовало меня не это, а его волосы, достающие хозяину до плеч.

Кажется, это называлось колорированием, когда волосы красят в разные цвета. Верх головы парня был выкрашен в красный цвет, этакая верхушка айсберга, а низ - черный.

Очень интересное решение. Напоминает, ха... прекрасная возможность скрасить нудную дорогу.

Я присел впереди парня и, полуобернувшись к нему, поинтересовался:

- Здравствуй, Красная шапочка, куда путь держишь?

- К бабушке, - не задумываясь, ответил парень, подняв на меня глаза и недоуменно хлопая ресницами.

Я рассмеялся, а парень, только сейчас поняв, о чем мы с ним говорили, покраснел.

- Евгений, - я протянул ему руку.

Он поколебался, но все же пожал ее.

- Миша.

- А я думал – Красная шапочка.

Он покраснел еще больше и отвел глаза.

- Это девчонки в общаге постарались. У них конкурс был по парикмахерскому искусству,

вот я и согласился. Вернусь, перекрашусь в нормальный цвет, а то все ребята прикалываются. А Вы откуда?

- А, может, я местный?

- Нет, здесь в кашемировом пальто никто не ходит.

- Так и я не шел, а ехал. Машина заглохла. Хотя ты прав, я вообще-то в столице живу.

- Правда? А я там учусь. А сюда в отпуск, на отдых?

Любопытный какой.

- Не совсем. Филиал нашей фирмы здесь. У них тут проблемы нарисовались, вот я и приехал. Хотя отдых у меня тоже будет. В «Победном» у меня домик. Он собственно не мой, а сестричкиного мужа, но там сейчас никто не живет, вот я и одолжил их ключи. Странно, чего я с ним разоткровенничался, хотя его открытое лицо и улыбка внушали доверие.

- Я тоже в «Победное» еду. У меня там бабушка живет, решил вот навестить, пока свободная неделька выдалась, заодно и гостинцы от родителей передам.

Он кивает на свой рюкзак, и я понимающе киваю. Родители – это святое.

А парнишка совсем не плох, я бы не отказался провести с ним пару часов, причем не только за беседой. Интересно узнать, какое тело скрывает под собой эта ужасная куртка. И кстати...

- Тебе сколько лет?

- Двадцать.

- На кого учишься?

- Экономист. Я хотел на программиста, но родители настояли.

- Не нравится экономика?

- Не очень. Получу диплом, а там посмотрю, может, еще поучусь где-нибудь, а может, сначала поработаю пару лет. С работой, правда, туго, но может и повезет. Сейчас в стране экономистов и бухгалтеров хоть пруд пруди, и без стажа работы никуда не берут.

- Это верно.

Я внимательно посмотрел на Мишу, и он снова покраснел. Его настолько легко смутить, а мне нравится смущать других. Я хотел с ним еще поговорить, но в это время автобус остановился, впуская внутрь разношерстную толпу селян. Все бы ничего, но куры связанные попарно за ноги и кудахчущие на весь автобус, а также пара орущих и капризничавших детей, испортят настроение кому угодно. Пришлось отложить разговоры до прибытия.

С трудом дождавшись своей остановки, я вылетел из автобуса с головной болью. Нет, все-таки шикарная жизнь ослабляет организм. Ведь четырнадцать лет назад, сам, будучи студентом, я легко переносил подобный шум и даже умудрялся уроки в нем делать, а тут совсем расклеился.

Следом за мной вышел Миша, и автобус уехал, унося прочь шумную компанию, но оставив на память смрадный воздух от выхлопа.

- Тебе куда?

- Мне в ту сторону, - Миша махнул рукой, - а Вам?

- Туда же.

Я закинул на плечо спортивную сумку и бодро зашагал вперед по утопанной дорожке.

Бабушки Миши дома не оказалось. Как сообщила нам соседка, она днем уехала в соседнюю деревню к подруге и собиралась там заночевать. Глядя в расстроенное лицо парня, я понял – это судьба!

- Пошли ко мне. Комнат много, переночуешь, а завтра вернешься сюда. И кстати,

подарите бабушке сотовый, чтобы подобных казусов избежать в дальнейшем.

- Спасибо, - он сразу повеселел, - а телефон мы давно хотели ей подарить, но бабушка все время отказывается, говорит, не нужен он ей. Всю жизнь, мол, прожила без него, и дальше проживет.

Так за разговором мы и дошли до дома. Трехметровый кирпичный забор и такие же огромные ворота ни с чем нельзя было спутать. Миша присвистнул.

- Это здесь, что ли? А я точно не помешаю?

- Точно, точно. - Я отпер калитку и, отодвинув в сторону панель в стене, замаскированную под кирпич, отключил сигнализацию.

- Добро пожаловать, дорогой друг. Ну и ты заходи.

Махнув рукой, я повел Мишу к дому. Он все время оглядывался кругом, словно тут было на что смотреть. Дорожки, как впрочем, и все вокруг, снегом засыпаны, ступеньки скользкие, я даже чуть не упал пару раз, а уж снега в ботинки набрал... Мать его этот снег.

В доме было холодно, так что первым делом я включил газовый котел и потащил гостя к камину в гостиной.

Дом вообще-то был выстроен просто. Первый этаж - это большой холл, из которого вели три одинаковых двери.

- Значит, смотри. Налево пойдешь, в спальни попадешь. Там за дверью начинается лестница на второй этаж. Под лестницей туалет и ванная. Направо пойдешь, в кухню попадешь. Там ничего особенного, разве что консервы какие-нибудь остались, все, что надо, я привез с собой. Прямо пойдешь, в гостиную придешь, там мягкая мебель, бильярд, карточный стол и огромный камин, который мы сейчас будем топить, потому как чертовски холодно. Отопление пока разогреет дом, мы в ледышек превратимся, тем более, у меня ноги мокрые от этих сугробов.

Через час мы мирно сидели у огня, раздевшись почти до трусов. У Мишки тоже ноги промокли насквозь, так что я споро оборудовал для нас сушильное место. Свитер он, правда, снимать отказался, ну ничего, у нас еще вся ночь впереди. Да, я твердо решил затащить парня в постель. Вот такой я злой и страшный серый волк, а он милая и наивная Красная шапочка, кстати, неплохо умеющая готовить. Омлет с колбасой, грибами, луком, помидорами и сыром, получился выше всяких похвал.

Пока я наслаждался ужином, Миша быстро съел свою порцию и потрогал брюки.

- Почти высохли. Скоро можно будет надевать. Чаю хочешь?

- Кофе хочу. Там где-то должен быть натуральный. Варить умеешь?

- Конечно. И простой и с корицей, и...

- Мне простой, черный, без сахара и покрепче.

- Сейчас сварю.

Миша поднялся и, подхватив пустые тарелки, пошел на кухню, топая босыми ногами по теплomu полу.

Я было расслабился, откинувшись в удобном кресле и представляя себе, как буду соблазнять парня под кофе с ликером или бокал вина, как вдруг услышал тихий щелчок входной двери. Миша не мог сбежать без штанов, а значит...

- Кого еще черти несут?

Выйдя в холл, я увидел входящего в дом начальника охраны местного филиала.

- Хантер? Ты как здесь оказался?

- Мне нужно с тобой поговорить. Секретарша позвонила и сказала, где ты, так что я решил поговорить сейчас, пока мы одни, - Хантер медленно подходил ко мне, - это важно.

- Почему такая секретность?

- Я кое-что знаю о кражах.

- Вот как, ну проходи.

Я кивнул ему и, развернувшись, зашагал обратно в комнату, молясь, чтобы Мишка не высунул свой любопытный нос, однако зайти в комнату мне было не суждено.

- Женя.

Не понял, что за фамильярность? Я обернулся, собираясь отчитать сотрудника, но слова застряли у меня в горле, когда я увидел направленный на меня пистолет. Испуганно замерев, я только и смог спросить:

- Что за...

На большее меня не хватило.

- Ничего личного, Евгений Людвигович. Я просто исполняю приказ шефа, извините.

- Так это начальник филиала подворовывает мои деньги? А я думал, бухгалтер старается.

- Вообще-то они оба. Не приехали бы Вы еще месяц или два, так они бы спокойно смылись в теплые края, а так мне приходится делать за этих чистоплюев всю грязную работу.

Поборов панику я прикинул расстояние до Хантера. Не успею допрыгнуть, слишком далеко, и увернуться вряд ли сумею, слишком близко. Никакого укрытия в холле нет, до двери тоже не успею добежать, четыре шага – это не один прыжок, а пистолет смотрит мне прямо в грудь. Засада, блин! Ну, Хантер, киллер долбаный. Он вообще-то Харитон, но ребята на работе окрестили его Хантером за неумный охотничий азарт.

Вдруг за спиной Хантера, я заметил испуганное лицо Миши. Он выглянул и сразу скрылся за дверями кухни. Молодец, умный мальчик. Мне бы не хотелось иметь за своей душой его труп.

- Сколько они тебе заплатили? Я могу перекупить свою жизнь, - сейчас главным было уболтать его опустить оружие, а там я буду действовать.

- Не сможете. Дело не в деньгах, я долг отрабатываю, Юрич меня от тюрьги отмазал, так что...

Я увидел, как напрягся палец на спусковом крючке и приготовился умереть, когда снова увидел Мишку. Он возник за спиной Хантера и взмахнул рукой. Громкое «бум!» и мой несостоявшийся убийца упал на ковер, выпустив оружие из рук.

Картина маслом. Вот лежал мой убийца-неудачник, рядом с которым валялось орудие его устранения, то бишь сковорода фирмы «Тефаль», а над ним стоял полуодетый Миша с ручкой от сковороды в руках. Н-да, не выдержало чудо иностранное русского гостеприимства. Ничего смешнее я в жизни не видел, а Миша смотрел на меня испуганными глазами и спрашивал:

- Я его убил? Меня теперь посадят?

Все. Финиш. Усевшись на пол, я ржал как ненормальный. Мишка смотрел на меня огромными от потрясения глазами, нижняя губа дрожала, вот-вот слезы покажутся.

- Миша, ты чудо. Ты понял, что ты сделал? Ой, не могу. Красная шапочка, ты только что спас волка от охотника.

Нет, ну правда смешно.

- Никто тебя не посадит, не бойся. Тебе медаль надо давать за спасение без штанов.

Отсмеявшись, я забрал у Миши ручку от сковородки и бросил к основной части бывшей сковороды.

- Теперь ее мыть не надо, это же какая экономия на моющих средствах.

Ну, вот, я пытался его приободрить, а он уже всхлипывал.

- Отставить слезы. Живой он, живой, - я встряхнул Мишу за плечи, - беги в ванную, там висят два банных халата, тащи сюда пояса. Будем этого охотничка вязать, до приезда

милиции.

Пока Миша нес пояса, я вернулся к камину и достал из кармана пиджака свой мобильник.
- Марта, слушай сюда. На меня только что было покушение. Поднимай на ноги ребят, там у Лёни, кажется, однокашник в ментуре работает, пусть с ним свяжется и отправит в «Победное», адрес ты знаешь. Семена с машиной отставить. Этот киллер хренов на чем-то прибыл, значит, транспорт у меня есть, завтра сам приеду. А еще нужно срочно задержать начальника филиала и главного бухгалтера, пусть пошлют за ними ребят «из наших», и аккуратно там, они мне нужны живыми. Пока все.

Отключив трубу, я вышел в холл. Миша стоял над стонущим телом.

- Он в себя приходит.

Забрав пояса, я связал Хантера по рукам и ногам.

- Миша, бери все свои вещи и иди наверх. Сейчас здесь будет шумно и весело, но без тебя. Первая дверь слева – моя спальня. Сиди там, пока я не приду. Понял?

Он закивал, но с места не сдвинулся. К тому же я заметил, что парень дрожит. Эх, нервишки ни к черту. Пришлось принимать меры.

Заставив Мишу выпить солидную порцию коньяка, я засунул ему в рот кусок шоколада и лично препроводил в спальню, туда же отнес и все его вещи. Не надо никому знать, что у наших разборок имелся свидетель. Мне так спокойнее будет.

Менты прибыли вовремя, я как раз успел одеться и уничтожить следы пребывания второго человека в доме. Разбирательство затянулось на пару часов, так что когда я выпроводил всю эту шумную компанию, было чуть за полночь.

Прихватив начатую бутылку коньяка, я поднялся наверх. Миша, все так же полуодетый, сидел на кровати, прижав колени к груди.

- Не спится?

Он помотал головой.

- Тогда будем лечить нервы.

Я налил в стакан коньяка и протянул парню.

- Не хочу.

- Надо.

Он таки выпил, давясь и кашляя, но выпил все.

- А теперь спать.

Я стащил с него серо-зеленый свитер, майку и, выдернув одеяло, укрыл до подбородка.

Пока я раздевал парня, он не сопротивлялся, а когда укрыл, он вдруг вздрогнул и поднял на меня испуганные глаза. Я сразу понял, чего он боится.

- Никто больше на нас охотиться не будет. Спи, я с тобой лягу.

Раздевшись до трусов, я залез под одеяло и, притянув Мишу спиной к себе, чмокнул его в шею.

- Спи, все хорошо.

Парень медленно расслабился в моих объятиях и вскоре тихо засопел. Чертов Хантер, такую ночь испортил.

Зато утро меня порадовало и даже очень.

Проснулся я объятиях жарко дышащего мне в шею парня, а еще он терся о меня бедрами, явно неосознанно, и тихо постанывал. Опустив руку вниз, я погладил сквозь ткань трусов его стояк, и Миша задвигался активнее. Это что же ему интересно снится? Адреналин с прошлой ночи преобразовался в желание, а я не дурак, чтобы от такого подарка отказываться.

Откинув одеяло, я избавил нас обоих от ненужных тряпок. Во время этого процесса Миша проснулся, глянув на меня немного испуганно, но потом покраснел и немного

расслабился, позволив развести свои колени в стороны.

- Спал раньше с женщиной?

- Два раза в одиннадцатом классе.

Он еще сильнее покраснел и попытался прикрыть рукой свое сокровище, но я отвел его ладонь в сторону, любясь красивым членом без крайней плоти.

- Ты обрезан, Еврей? – я пробежал пальцами по стволу и сжал головку.

Он только ахнул и кивнул в ответ. Опять смутился. Смешной парень. Так бы и поимел его, но... гигиена, прежде всего, да и презервативы остались внизу, а смазку я с собой вообще не брал, придется искать заменитель.

- Послушай меня. Сейчас ты идешь в ванную, здесь на втором этаже, дверь напротив, а я - внизу... хотя нет, ты сбежишь. Ты идешь в ванную, сию секунду, а я прибегу через минуту туда же. Мымоемся, а потом все будет. Понял? Не вздумай сбежать.

У меня самого внизу все болело от желания, но за свою не очень долгую, но бурную жизнь, я выучил, что осторожность лишней не бывает.

- Береженого Бог бережет.

Бегом спустившись вниз, я нашел несколько презервативов, таскаемых с собой на всякий случай. Забежав в спальню хозяйки, я схватил первый попавшийся крем и мухой метнулся в ванную. Только увидев голое тело в душе, я выдохнул. Не сбежал.

Страшно хотелось овладеть им прямо под душем, еле сдержался. Мне просто медаль надо дать за выдержку. Отправив Мишу в кровать, я сделал воду похолоднее, чтобы чуть уменьшить желание. Набрасываться на парня, словно я оголодавший без траха зек не хотелось.

И вот она, минута счастья. Я вошел в комнату и увидел лежащего на постели голого парня, ждавшего меня. Он опять стеснялся, прикрыв самое интересное уголком одеяла, и вопросительно смотрел на меня своими большими серыми глазами.

- Красная шапочка, а почему у тебя такие большие глаза?

Он принял мою игру, глаза лукаво блеснули, рот растянулся в улыбке.

- Чтобы лучше видеть тебя.

Я забрался на кровать и пробежал пальцами по его лицу, едва касаясь кожи.

- Красная шапочка, а почему у тебя такой красивый рот?

- Это чтобы целовать тебя.

М-м, целуется он неумело, но энтузиазм заметен. Ничего, это дело наживное, научу.

- Красная шапочка, а почему у тебя такие напряженные соски?

- Это чтобы ты ласкал их.

И я ласкал. Целовал, облизывал, щипал, вызывая вскрики и стоны. Я спустился ниже, продолжая ласкать молодое отзывчивое тело руками и ртом. Впереди меня ждало самое вкусное.

- Красная шапочка, а почему у тебя такой большой член?

- Это чтобы ты... ты...

Ну, тут и так все понятно. Я наклонился и взял его в рот. Мальчик кричал подо мной и хватал за голову, пытаюсь отстранить.

- Это слишком... сильно... я не могу-у...

Приятно, когда ты знаешь, что можешь свести кого-то с ума одной лаской.

Я натянул на себя резинку и набрал крем из баночки.

- Красная шапочка, а почему у тебя такая притягательная дырочка? – я скользил пальцем вокруг заветной цели, но внутрь не входил. Пока.

- Это... это чтобы ты вошел в меня... скорее.

- Вот так?

Я проникаю в него сначала одним пальцем, смазывая внутри, потом двумя. Когда я нащупал простату, Миша закричал, и я больше не медлил. Миг и я замер внутри него, войдя полностью.

- Красная шапочка, а почему у тебя такие длинные ноги?

Он ничего не может больше ответить, стонет подо мной и пытается двигаться.

- Это чтобы ты мог обнять меня ими, - сказал я и закинул его ноги себе на поясницу.

Он понял сразу, сцепил ноги, обхватив меня ими и чуть приподняв попку. Так я смог проникнуть еще глубже. То, что надо.

- Хороший мой, горячий мальчик.

У меня от него сносит крышу. Я двигался как заведенный, пока он не кончил с громким криком. Почувствовав судорожное сжатие стенок вокруг своего члена, я присоединился к нему.

После бурного секса мы снова заснули, а проснувшись, я увидел, что настенные часы показывали одиннадцать утра.

- Миша, пора вставать.

Я поцеловал парня и отправил его в душ. Потом мы неспешно завтракаем, одеваемся и выходим из дома.

Джип, на котором Хантер приехал вчера, стоял перед домом, ключи в зажигании. И как это его никто не тронул? Удивительно.

Я подвел Мишу к дому его бабушки. Женщина уже ждала нас, стоя на крыльце дома и улыбаясь.

Миша вышел.

- Постой, - я протянул ему свою визитку, не знаю, захочет ли он ею воспользоваться, а вдруг... - позвони, когда получишь диплом, помогу с работой. Ну, или еще что...

Он забрал визитку, покраснел, поблагодарил и ушел из моей жизни. Надеюсь, не навсегда.

Спустя два года.

- Евгений Людвигович, совещание сегодня в двенадцать, потом у Вас встреча с клиентом в пятнадцать тридцать.

- Хорошо, Марта, спасибо.

Я отключил селектор и откинулся в кресле. Работа, работа, работа. Я уже два года не был в отпуске. Может плюнуть на все и махнуть куда-нибудь. А куда?

В голове сразу сформировалась мысль о «Победном», но я ее отогнал.

- Раз он мне не позвонил ни разу за эти два года, значит, я ему не нужен, и нечего унижаться, Евгений Людвигович.

Развернув кресло к окну, я любовался видом чистого неба и одинокого белого облачка на нем.

Да, Миша мне так и не позвонил. Я мог бы его найти сам, но посчитал, что бегать за любовником недостойно президента компании.

- Надо завести себе нового любовника или любовницу. Поеду с ней на Кипр, или на Гавайи, или... - мои размышления прервал стук в дверь, - ...к черту на кулички, чтобы никого не видеть.

Марта зашла, вежливо улыбаясь. Незаменимая Марта, а ведь скоро ей на пенсию, вспомнил я нехоти, редкая женщина сможет так выглядеть в ее годы. Эх, была бы она помоложе, я бы за ней приударил, и плевать на мужа и трех детей, но...

- Евгений Людвигович, там молодой человек пришел. Он говорит, Вы ему работу обещали.

- Что за молодой человек?

Я перебирал в уме всех, кому мог пообещать работу, но ничего на ум не приходило.

- Он не назвался, но просил передать вот это.

С этими словами Марта положила передо мной дешевую брошюру детской сказки «Красная шапочка».

- Не может быть!

Схватив книжку, я вылетел в приемную. Так и есть, стоял около дверей. Костюм-тройка с галстуком (и это в летнюю жару), короткая прическа ежиком, и никакого красного цвета. Глаза такие виноватые.

Увидел меня. Смутился, покраснел.

- Визитку бабушка постирала вместе с брюками. Нечаянно. Я только название фирмы запомнил.

Я не знал, что ему сказать в ответ. Рот расплылся в идиотской улыбке.

- Вы говорили, с работой поможете, - он совсем засмутился и опустил глаза.

- С длинными волосами мне больше нравилось, - почему-то ляпнул я, а он вновь посмотрел на меня и улыбнулся.

- Я отрастить их могу... и покрасить, - добавил зачем-то, а глаза так блестели, словно я ему не безразличен. А вдруг...

Подскочив к Мишке, обнял его на глазах потрясенной Марты.

- Ах ты, глупая Красная шапочка. Как же я тебя ждал.

КОНЕЦ.

Спящий красавец

С медицинской точки зрения - это полный бред, но в жизни так хочется чуда.

СПЯЩИЙ КРАСАВЕЦ.

Присказка.

Не так давно это было. Может, даже совсем недавно. В маленькой деревеньке где-то рядом, совсем недалече от вас.

Первенца в семье Михиных ждали долго, поэтому рождение сына стало настоящим праздником для всей семьи и доброй половины деревеньки, в которой они жили.

На родины собралась почти вся деревня. Не позвали только старую бабку Лукьяниху, ее боялись во всем районе. Никто даже не помнил ее имени, все звали просто Лукьяниха или, шепотом, за глаза, злобной ведьмой. Сестра ее, баба Соня, напротив, была женщиной доброй и помогала людям как могла, за что сестра ее часто ругала. Так и жили две сестры в маленькой деревеньке.

В доме Михиных было тесно от людей, все поздравляли счастливую мать и гордого отца, дарили подарки малышу и желали ему всего наилучшего, пока...

Дверь в дом отворилась с тихим скрипом и сгорбленная старуха в черном шагнула через порог.

- Чай не ждали? Ну, ничего, я не гордая, могу и так прийти, без приглашения.

Люди замерли в страхе, а мать выхватила ребенка из колыбели и прижала к своей груди, в попытке защитить.

- Радуетесь? Радуйтесь, радуйтесь, - ведьма зловеще улыбнулась, - от этого вам внуков все равно не дожждаться. От следующего будут, а этот доживет до тридцати лет и все.

Так что радуйтесь.

Сказала и вышла. Мать ребенка, где стояла, там и села, прижимая младенца к себе.

Разрыдалась бедная женщина, закричала, горькую свою судьбу кляня. Притихшие гости стали покидать дом. Когда в комнате не осталось почти никого, к убитым горем родителям подошла баба Соня.

- Ты, милая, погоди убиваться. Не вижу я скорой смерти на нем. Внуков я тоже не увидела, да их вы от второго сына получите, что через три года родится. Не смерть за ним придет, а жизнь иная, но перед тем спать он будет долго. Да сон – не смерть, ты только веруй, и все будет хорошо. А сыночка своего Николаем окрестите, доброе имя защитой ему станет.

Так родители и сделали, как баба Соня велела.

Вырос старшенький сынок у них статным, да красивым. Со всей округи девчата за ним бегали, да ни одна не глянулась парню. В армии Коля отслужил, но после в деревню не вернулся. Учиться пошел в институт на адвоката, потом работать стал. В ту пору большие потрясения в стране были, да Бог Николая умом не обделил, стал он свое дело налаживать да развивать. Многие уважали Николая Михина, многие боялись, даже убить как-то попытались, но видно права была бабка Соня, добрый защитник у него был, недремлющий Ангел-хранитель.

Только однажды настигло его проклятье злой бабки-колдуньи. Уснул он вечером, в день своего тридцатилетия, а наутро не проснулся. Сначала все решили, что Николай умер, и в морг отправить хотели, да брат его младший воспротивился. Настоял на том, чтобы все хорошенько проверили. Он к тому времени в больнице работать начал, да не кем-нибудь,

а врачом-кардиологом, да одним из лучших, хоть и молодой был. Так вот и оказался спящий Николай в больнице, в отдельной палате. Ни живой – ни мертвый, а спящий.

Сказка.

- Обратите внимание на этот феномен. Возможно, кому-то из вас знаком термин «летаргический сон», а здесь вы можете наблюдать сие уникальное явление воочию. Голос из-за полуприкрытой двери заставил меня остановиться, прислушиваясь.

- Леша, чего встал? Нам надо дальше по коридору и налево. Детское отделение там.

- Иду.

С сожалением я покинул заинтересовавшую меня дверь, решив заглянуть на обратном пути.

Меня зовут Алексей Панин. Я студент педагогического института, будущий учитель географии. Эти три недели перед Новым Годом мы с ребятами решили ходить в нашу городскую больницу и развлекать ребят, лежащих в детском отделении. Мы разбивались по палатам и читали ребятам сказки. Вы бы видели, как они нам радовались. Казалось бы, невеликая это помощь – сказки читать, но тот, кто видел, с каким вниманием ребята слушали, никогда бы так не сказал. Они буквально ловили каждое наше слово, и это было очень приятно. Может, я и тщеславен, не знаю, но мне это нравилось.

Первые три дня прошли нормально, а сегодня с утра оказалось, что лестницу слева, по которой мы поднимались прямо в отделение на третьем этаже, перекрыли для ремонта, вот и пришлось идти в обход, а тут такое.

- Ладно, заскочу на обратном пути, - решил я и поспешил догнать ребят.

Сегодня девятнадцатое декабря - День Святого Николая. Вместе с книжками мы захватили и маленькие игрушки для ребят. Дешевые мягкие игрушки, размером не больше ладони, но они принесли детворе столько радости, что я не пожалел денег, потраченных из моей стипендии.

Кроме игрушек у меня в руках был сборник сказок Шарля Перро. Я читал ребятам «Кота в сапогах» и «Ослиную шкуру», а сам все думал о спящем мужчине. Он был для меня словно наваждение, меня тянуло туда, и сегодня впервые я хотел, чтобы сказки поскорее закончились.

Наконец, пришла медсестра и объявила о конце времени посещения.

Отстать от ребят было не сложно. На этаже интенсивной терапии, где находился спящий пациент, я чуть замешкался. На этот раз на посту сидела медсестра, но она была занята флиртующим с ней Мишей.

Миша – это отдельная история. Такого ловеласа в нашем институте больше нет.

Красавчик. Все девушки по нему сохли. Так что мне, можно сказать, повезло.

Тихо проскользнув мимо них, я зашел в заинтересовавшую меня дверь.

Маленькая комнатка. Чисто, светло. Одна кровать занята, две свободны, так что ошибиться невозможно. Подошел.

Красивый мужик. Именно мужская красота меня и привлекала. Не люблю смазливые мордашки, как у нашего красавчика Миши. А этот... Лет тридцати, темные волосы, довольно сильно отросшие, трехдневная щетина на щеках и подбородке, нос прямой, подбородок квадратный, лоб (я убрал челку) высокий, ресницы длинные и пушистые, брови черные не очень густые, такие... в общем, в самый раз. Жаль, что он спит, цвета глаз не видно. Может они карие, а может серые, или... А, что толку гадать.

Я сел на стул рядом с ним и обратил внимание на ногти. Их не так давно обстригали, но очень не аккуратно.

- Надо будет тебе их подстричь красиво. Завтра принесу ножнички и... Ох, кому я это говорю, совсем из ума выжил.

Я немного посидел молча рядом с незнакомым мужчиной.

- Я не знаю, как тебя зовут, но ты мне очень нравишься. Ты только не подумай чего. Я конечно голубой, но приставать к тебе не буду, честно.

Помолчал еще немного.

- А хочешь, я тебе почитаю? Говорят, что тем, кто в коме лежит, это помогает. Может и тебе поможет.

Я раскрыл книгу наугад.

- «Спящая красавица». Смешно, правда?

Начав читать, я уже не смог остановиться. За окном стемнело. Когда уже нельзя было разобрать буквы, я зажег фонарик и продолжил чтение.

- Сказка эта переходила из уст в уста, и дошла, наконец, до нас с вами.

Закончив читать, я закрыл книгу.

- Ну, вот. Уже поздно. Я хотел бы завтра еще прийти, если ты не против.

Конечно, он молчал.

- Молчание - знак согласия, - похихикал я и поднялся.

Но уйти просто так было выше моих сил. Я наклонился к мужчине.

- Прости, - сорвалось у меня с тихим вздохом, и я припал к его губам своими.

Холодный поцелуй, холодными губами.

- Жаль, что поцелуем можно разбудить только в сказке.

Тихо выбравшись из больницы, я поспешил в общагу.

Сегодня шестое января. Я каждый день ходил сюда в приемные часы. Медсестры надо мной смеялись, а я ничего не мог с собой поделаться. За эти дни я узнал о нем все. И что зовут его Николай Михин, и что он брат заведующего кардиологическим отделением, и что лежит у них уже шестой год, и что на нем, вернее о нем, уже написано несколько диссертаций, а он все спит. Обидно. До слез обидно за него. Кругом праздники, фейерверки, подарки все друг другу дарят, а он спит.

Я каждый день приходил. Разговаривал с ним, рассказывал что-нибудь, читал сказки или свои конспекты вслух, ведь мне надо было готовиться к сессии. В общем, мне все равно, что ему читать, главное наполнить его жизнь звуками, словами, любимыми. Может, он услышит и проснется.

А еще я каждый день, уходя, целовал его холодные губы. Мне так хотелось, чтобы однажды он мне ответил.

Сегодня святвечер, завтра Рождество, время чудес, и мне так хотелось, чтобы чудо свершилось.

- Молодой человек, что Вы здесь делаете?

Эта фраза прервала меня. Я почти дочитал «Стойкий оловянный солдатик». Вскочив и оглянувшись, я увидел мужчину, чем-то напоминающего Николая. Только в очках и со светлыми волосами.

- Читаю. А Вы его брат?

- Да. До меня дошли слухи о парне, приходящем каждый день к моему брату, вот я и решил заглянуть вечером, познакомиться.

- Вы... Вы против?

- Да. Ты выставляешь его на посмешище.

- Нет. Ничего такого. Я просто...

- Я буду очень благодарен, если ты больше не будешь приходить сюда.
- Но, я же ничего не делаю. Я просто разговариваю с ним.
- Да. И над вами смеется вся больница. Уже анекдоты начали травить о тебе и о нем, так что больше не приходи. Так будет лучше для всех.
От его слов у меня книга выпала из рук. За что? Я же хотел как лучше.
- Можно... - я сглотнул комок в горле, мешавший дышать, - можно я закончу сказку? Я сразу уйду. Честно.
- Ладно, заканчивай. И чтоб больше я тебя с ним не видел. Персонал и охрану я предупрежу, чтобы тебя не пускали.
Он вышел, а я сел на стул и открыл книгу.
- На чем мы остановились?
Перед глазами все плыло от выступивших на глазах слез.
- Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того, ни с сего швырнул его прямо в печку.
Я читал и чувствовал себя словно этот оловянный солдатик. Мое сердце плавилось, как тот солдатик, и душа плакала.
Закончив читать, я наклонился и поцеловал его в последний раз.
- Прости, если что не так. Прощай.
Из больницы я уходил не оглядываясь. Мне незачем было оглядываться.

Сегодня тринадцатое января. Ребята собрались в клуб, провожать старый Новый Год. Звали и меня, но я отказался. Сессия позади, можно было бы поехать домой на несколько дней, но мне не хотелось ничего.
- Леша, может, все-таки пойдешь с нами?
- Спасибо, Лера. Не хочется.
- Ну что ты кислый такой уже неделю ходишь? Может, у тебя неприятности? Может, тебе денег надо?
- Нет, спасибо, ничего не надо. Я просто так.
- Понятно. Тут кстати какой-то мужик приходил, Мишку нашего искал. Спрашивал у ребят про Мишу, который сказки ребятам читать ходил в больницу. Представляешь?
- Ну и что?
- Он, наверное, брат или муж какой-нибудь из медсестричек. Ты же знаешь Мишку. Вскружил девчонке голову и бросил. К тебе не приходил?
- Нет.
Лера еще немного потопталась на пороге моей комнаты.
- Лера, все хорошо, правда. Иди уже.
- Ну ладно. Я поскакала, девчонки меня ждут и Стас.
Она тихо прикрыла дверь, и я услышал, как по коридору простучали ее каблучки.
Стас, это мой сосед, и Лера, наверняка поженятся после института, если конечно раньше ребенком не обзаведутся. Хорошая она, Лера, Валерия Круглова, а по мужу будет Смирнова. И Стас хороший парень. Добрый, надежный. Они красивая пара.
А я опять вспомнил Николая, и душа моя заболела. Как же мне хотелось увидеть его еще хотя бы один раз, хоть мельком. Я пробовал несколько раз, но брат Николая не соврал, меня не пропускали в больницу. Два дня я прорывался внутрь всеми правдами и неправдами, пока меня с позором не выкинули за ворота, как щенка за шкирку. Не столько больно, сколько обидно.
Тихие шаги и скрип двери. Стас решил меня пригласить на вечеринку? Он может, если Лера его накрутит.

Прикрыв глаза, я начал равномерно дышать, притворяясь спящим.

«Сейчас увидит, что я сплю и свалит». Но мои надежды не оправдались.

Этот кто-то самым наглым образом уселся на мою кровать, пробежал пальцами по щеке, а потом начал меня осторожно так целовать.

От неожиданности я не сразу нашелся, а когда все-таки осознал, что происходит, начал вырываться и открыл глаза. Открыл, чтобы встретиться с темно-синими глазами, в окружении длинных ресниц.

- Ты кто?! Ты что творишь?!

- Пришел долг вернуть, а что?

Он крепко сжал меня и навалился сверху, прижимая к кровати.

- Какой долг? Ты псих, что ли?

Кое-как отбившись, я скатился с кровати на пол и посмотрел ему в лицо. Гневная фраза, готовая сорваться с языка вместе с матами, застряла в моем горле, заставив закашляться. Передо мной на моей кровати сидел и улыбался ОН!

- Николай? Вы? Как?

- Я. Так что, продолжим?

- Что продолжим?

У меня, кажется, мутится в голове, а может, я сошел с ума? Или это сон?

Я ущипнул себя и охнул от боли, а он никуда не делся. Сидел на моей кровати и снимал свитер, а за ним футболку.

- Э-э... это чего?

- Знаешь, как долго я тебя искал?

- Зачем?

- Затем, что одних поцелуев мне мало.

- Это... ты все слышал?

- И чувствовал. Знаешь, как мне не хватало тебя всю эту неделю.

- Твой брат...

- Он нам не помеха. Из больницы меня два дня как выписали, к тому же я старший, и у меня давно уже своя жизнь. Так что, я помогу тебе раздеться?

«Поможет? Ой, мамочки, так это правда?»

- Конечно, правда.

- Я что, говорил вслух?

- Да. Можешь говорить и дальше, можешь также стонать и выкрикивать мое имя. Я не против. С твоим соседом я договорился, до утра он не придет.

- Стас? Ты с ним говорил?

- Да. Первоначальный план был несколько другим, но твое упрямство заставило меня все переиграть. Хотя, так тоже неплохо.

Во время разговора Николай не забывал избавлять нас от лишней одежды, так что вскоре мы оказались лежащими на кровати совершенно голыми.

- До чего же у студентов маленькие кровати.

Я хотел ему что-то ответить, но он закрыл мне рот поцелуем.

- Надеюсь, она у тебя не сильно скрипит?

Снова поцелуй, а потом мне стало не до разговоров. Его пальцы и губы были везде.

Такие горячие и страстные. Я почти кончил от одних только ласк.

- Ш-ш-ш. Не торопись, - зашептал он мне в ухо, перевернув на живот и подкладывая подушку. - Впереди самое вкусное. Я ждал тебя целых шесть лет, так что имей совесть, подожди меня несколько минут.

Боже мой! Это были самые прекрасные несколько минут в моей жизни. Сильный,

уверенный и при этом невероятно нежный.

- Ко-о-оля-а.

- Да-а, вот так мой хороший.

Он толкнулся еще раз, погрузившись в меня полностью и замер.

- Не больно?

- Нет. Хорошо. Давай. Двигайся.

И он двигался. Двигался, доводя меня до умопомрачительного экстаза. Кончили мы вместе, и я снова кричал его имя.

- Как ты меня нашел?

Мы лежали, обнявшись на тесной койке, не предназначенной для двоих.

- Девочки в больнице помогли. Ваш Миша оставил свои координаты одной из медсестер, вот через него я и нашел всю вашу компанию. Девочек исключил сразу. А парней было всего трое. Миша, Стас и ты. Как ты выглядишь, я не знал, поэтому пришлось слушать, кто как говорит. Я твой голос запомнил. Миша оказался не тем, кто мне нужен, Стас тоже, оставался ты. Все просто.

- Действительно просто. А если бы это оказался не я?

- Извинился и пошел бы искать дальше. Я же упрямый, как все адвокаты. А теперь хватит слов, нас впереди ждет еще много прекрасного. Ночь только началась. К тому же сегодня Новый Год, пусть и старый, так что я требую подарок. Много подарков.

- За шесть лет?

- За шесть. Так что...

Можете мне поверить, целуется он классно. Ох. И не только целуется.

КОНЕЦ.

Гадкий утенок

от автора: Эта сказка не отличается позитивом, да и ХЭ у нее относительный, так что хорошего настроения после прочтения гарантировать не могу, извините. Очень уж жизненная она получилась.

ГАДКИЙ УТЕНОК.

В одном далеком королевстве стоял замок богатого герцога. Как-то поутру пришла в замок бедная женщина с сыном и попросила принять его на работу.

- Он мальчик работающий. Хоть и восьми лет отроду, а за любую работу возьмется. Семья у нас бедная, муж умер, мне одной его не прокормить. За хлеб и крышу над головой работать будет.

Смилостивился один из стражников и повел мальчика в замок к управляющему.

Посмотрел тот на мальчишку, скривился.

- Лицо все красными пятнами, шелушится. Как я такого страшила в господский дом приму? И тощий какой, а лет точно восемь? Выглядит младше.

- Я болел, – шепотом проговорил мальчик.

- Болел он, – нахмурился управляющий. - Веди его к экономке, может и придумает что.

Повел стражник мальчика к экономке.

- К какой же я его работе приставить могу? Его же людям показать страшно. Нет. Веди его на кухню, пусть там воду таскает и котлы драит.

Повел стражник мальчика на кухню. Идет, ругается, жалеет, что взялся мальчика пристроить.

Главная кухарка увидела такого помощника и руками всплеснула.

- Какую воду таскать? Он же от ветра переломится. А к кухне я его вообще не подпущу. Больной весь какой-то, неизвестно чем заразить может. А лицо-то, лицо. От него у меня все молоко скиснет. Веди его отсюда, да побыстрее.

- Куда ж его девать?

- А я почем знаю. Веди на конюшню. Там все равно, какое лицо у человека, который в навозе ковыряется.

Главному конюху такой помощник тоже не пришелся по душе.

- У меня кони от такого уродца шарахаться начнут, да еще и любимая кобыла герцога может жеребенка раньше времени скинуть. Нет. Не возьму я его.

- Так куда же его девать?! – стражник уже кричать начал, а парнишка, видя такое отношение к себе, тихонько заплакал.

Главный конюх поморщился.

- Веди его на скотный двор, там точно возьмут.

На скотном дворе тоже не обрадовались новому помощнику.

- За свиньями ходить он не будет. Такого мелкого, да убогого они с кормом схарчат и не заметят.

- От одного его вида куры нестись перестанут.

- Его индюк затопчет и имени не спросит.

Наконец, одна из птичниц пожалела убогого мальчика.

- В утятник его пристроить можно. Только пусть он берестяную маску носит, чтоб людей не пугать.

Вот так и остался парень служить при герцогском замке. Кормил уток, выгонял их поутру на пруд, а вечером пригонял обратно. Лицо он спрятал за берестяной маской и никогда

ее при людях не снимал, только от злых языков разве можно укрыться. Прозвали слуги мальчика Гадким Утенком. Да так это прозвище за ним и осталось. Спал мальчик вместе с утками и ел там же. Никто с ним никогда не разговаривал, да и с чего им разговаривать с Гадким Утенком? О чем? Отдадут приказ, вот и весь сказ.

Так прошло десять лет. Старый король умер. Новый король решил начать свое правление с объезда подвластных ему земель, и в замке герцога уже месяц готовились к приезду дорогого гостя. И вот, наконец, кортеж короля прибыл.

Сам герцог, его семья, дворяне и даже близлежащие деревни, все обсуждали приезд короля. Его красоту, одеяния, лошадей, слуг, придворных кавалеров и дам, любовниц и любовников, - словом, все-все, что попадалось на глаза.

Только Гадкому Утенку не было до этого никакого дела. Он как обычно гонял уток на пруд, кормил их и как всегда ходил в своей неизменной берестяной маске.

На него по-прежнему не обращали внимания, а он к тому и не стремился. У Гадкого Утенка появилась своя маленькая тайна. Ночью, когда все ложились спать, он шел к лесному озеру недалеко от замка, купался там, а потом лежал на берегу и любовался звездами. Такие далекие и прекрасные, они молча взирали на него с небес, мерцая и переливаясь. Здесь он мог снять свою маску, ведь им было все равно, какое у юноши лицо, красивое или безобразное, они одинаково равнодушно взирали и на него, и на первую красавицу королевства. Иногда он пел для них, ведь больше ему петь не для кого было, а они слушали, холодные и неприступные. Иногда какая-нибудь звезда срывалась вниз и падала, оставляя за собой короткий росчерк в небе. И тогда юноша представлял себе, что это они благодарят его.

Так было и в эту ночь. Так, да не так.

Гадкий Утенок спел свою первую песню, как сзади кто-то захлопал в ладоши.

Парень в испуге обернулся и увидел в лунном свете как к нему подходит молодой и богато одетый мужчина. Драгоценная вышивка на одежде так и блестела в лунном свете. Испугался Гадкий Утенок и, подхватив с земли свои вещи, убежал прочь, а вслед ему донесся крик незнакомца:

- Постой! Куда же ты?! Приходи завтра сюда снова! Я буду ждать!

Весь день Гадкий Утенок раздумывал, идти или нет к озеру ночью. Ему было одновременно и страшно, и интересно. Он ведь так давно не разговаривал ни с кем из людей. А ведь иногда так хотелось поговорить с кем-нибудь. Все равно о чем, лишь бы это был кто-то живой, настоящий. А лицо ночью видно плохо, и луна уже на убыль пошла, не так ярко светит.

Весь день промучился от сомнений, а когда ночь опустилась на землю все же пошел.

На озере никого не оказалось. Грустно стало утенку. Одиноко. Он разделся и пошел купаться, как всегда это делал, оставив одежду на берегу.

Долго плавать сегодня настроения не было, поэтому парень быстро повернул к берегу. Каково же было его удивление, когда подле своей одежды он увидел того незнакомца. Утенок застыл по пояс в воде, не решаясь выйти.

- Что встал? Не бойся, я не кусаюсь.

- А я и не боюсь.

- Тогда выходи. Посиди со мной. Сегодня такая прекрасная ночь.

Утенок вышел и сел рядом с мужчиной. Лунные блики плясали по воде, иногда сбиваемые плеснувшей у берега рыбой.

- Извини, что напугал тебя вчера, но я услышал, как ты пел, и не смог сдержаться. Для

кого ты пел?

- Для них. – Юноша показал на звезды.

- Почему? Разве тебе не нравится петь для людей?

- Не знаю. Я никогда ни для кого, кроме них, не пел. Люди не хотят со мной общаться, наверное, не захотят и слушать.

- Глупости. Твой голос прекрасен, и я очень хочу, что бы ты спел для меня.

И юноша спел. Сначала одну песню, потом другую. Особенно ему нравились старинные баллады о любви и доблести. Так они всю ночь и просидели на берегу озера, разговаривая обо всем и ни о чем, а когда луна начала клониться к горизонту мужчина засобирался в замок.

- Вы из свиты короля? – осмелился узнать парень.

- Да. – Мужчина немного замялся. – Ты завтра придешь сюда?

- Конечно. Я каждую ночь прихожу.

- Как тебя зовут?

- Ирри. – С трудом вспомнил юноша свое настоящее имя. – А вас?

- Зови меня Крис, и давай на «ты».

- Хорошо.

- Тогда до завтра?

- До завтра.

Весь день душа утенка пела от радости. Сердце учащенно начинало биться, когда он вспоминал Крису. Его мягкий голос и добрые глаза.

Ночью они снова встретились, и на следующую ночь тоже. А на четвертую ночь Крис вдруг поцеловал Утенка.

В груди у того что-то словно перевернулось от этого поцелуя. Сначала он испугался, но потом стало так тепло и хорошо. Дальше – больше. При следующей встрече Крис уже смело ласкал его руками и губами, а юный Ирри только томно вздыхал и стонал, позволяя ему все больше и больше.

В ту ночь он впервые кончил при помощи чужих рук, но Ирри знал, что есть нечто большее. Он это знал, чувствовал. Он этого хотел.

- Завтра малыш, хорошо? К этому надо подготовиться, иначе будет неприятно, а я не хочу делать тебе больно.

- Завтра. Вернее уже сегодня, ведь скоро рассвет.

- Верно. Рассвет.

Крис долго целовал Ирри на прощанье, а потом ушел, нехотя оставляя юношу на берегу. Он все время оглядывался и махал ему рукой, а утенок махал в ответ. На душе его было светло и радостно, ведь сегодня его ждала такая чудесная ночь.

Поспав пару часов, Утенок покормил своих подопечных и погнал их на пруд. В это время отворились ворота замка, затрубили рога, и из замка выехала кавалькада охотников в сопровождении псарей и своры гончих собак. Возглавлял охоту сам король. Он сидел на белом коне, а на голове его блестел золотой венец, символ королевской власти.

Всадники двинулись в сторону, куда Гадкий Утенок гнал птиц. Утки, идя привычным маршрутом, шустро семенили по дороге. Юноша низко поклонился королю, бросив на него всего один короткий взгляд, и тут же застыл, узнавая... Крис. Его Крис ехал во главе охотников в золотом венце. Король? Крис – это король? Не может быть, он наверняка ошибся, ведь ночью темно и лица плохо видны.

Между тем всадники приближались очень быстро, и вот уже грудь белого жеребца в метре от него.

- Пшел с дороги, урод. – Голос. Такой знакомый и такой чужой одновременно. Белый конь, не снижая скорости, толкнул юношу. Утенок упал в пыль, отлетев от всадников на добрый метр и больно ушибив плечо. Сердце бухнуло, толкнувшись в ребра, и замерло от нестерпимой боли. Нет, ушибы здесь совсем не причем. Болела душа. Болела и плакала горькими слезами.

Смех охотников, наблюдавших эту сцену, давно утих, а он все никак не мог подняться на ноги. Сил, чтобы встать и жить дальше, просто не осталось.

Кто-то из стражников замка помог подняться, просто схватив за шиворот и подняв на ноги, после чего его хорошенько трянули.

- Ну, парень. Приди в себя, наконец, и никогда не становись на пути королевской охоты.

- Никогда, – шептал утенок как заклинание. - Никогда.

День прошел как в тумане. Утенок выполнил свою привычную работу, а потом свернулся в своем углу и попытался заснуть. Только с приходом ночи боль накатила с новой силой, а главное, король ждал его у озера, и если он не придет, тот может начать поиски. От мысли, что все в замке узнают о нем и короле, ему стало совсем плохо. Надо идти.

- Ирри, где ты ходишь? Я тебя давно жду.

- Прости, - голос юноши звучал едва слышно, - мне нужно было подумать.

- И что надумал?

- Ничего.

- Может, тогда споешь для меня?

- Прости, Крис, не сегодня. Ты обещал мне показать... Ну, сам знаешь.

- А ты уверен, что готов?

- Да. – Сказал – словно в холодную воду с разбега прыгнул. – Готов.

Король долго ласкал тело юноши губами и руками, подводя к самому пику наслаждения, но не давая разрядки. Когда юноша задвигался под ним и захныкал от невозможности кончить, король начал медленно растягивать его, используя масло, добытое им специально на этот случай. Один палец, два, три.

Юноша дрожал и вскрикивал, прося не останавливаться, особенно когда пальцы задевали особенную точку внутри.

- Ирри, ты уверен? Это последний шанс отказаться. Потом я не смогу остановиться.

- Не останавливайся. Я больше не встану на твоём пути.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Не важно. Просто не останавливайся.

И они продолжили. Король вошел в хрупкое, но такое горячее и податливое тело, и застонал от удовольствия. Хорошо. Как же там узко и хорошо.

Выждав несколько ударов сердца, чтобы дать привыкнуть юному любовнику, король начал двигаться. Сначала чуть двигая бедрами, вперед-назад или из стороны в сторону, а когда Ирри застонал и развел ноги шире, чтобы быть ближе к нему, король перестал осторожничать, и начал вбиваться в юное тело все сильнее, вызывая в ответ крики боли и удовольствия.

Утенок поначалу чувствовал только боль. Он хотел попросить остановиться, но не смел, а потом к боли начало примешиваться странное удовольствие, и боль была позабыта, сметенная куда-то назад, в прошлое. В теле начало нарастать напряжение. Утенку казалось, что каждый толчок поднимает его все выше к небу, к звездам, ставшими вдруг такими близкими и теплыми. Сейчас он их коснется. Сейчас. Сейчас!

Король кончил почти одновременно с юношей и, удовлетворенно вздохнув, растянулся

рядом с ним на берегу озера.

- Хочешь поехать в столицу со мной?

- Зачем? – Утенок встал и, поморщившись от боли в ушибленном плече и там внизу, начал одеваться.

- Как зачем? Будешь мне служить.

- В королевском замке сотни слуг, зачем там еще один?

- Ты будешь служить только мне и больше никому.

- Нет. Спасибо. Мне там не место.

Крис вскочил, зло дергая рубаху и путаясь в рукавах, натянул кафтан, а потом и штаны.

- Я даю тебе еще один шанс передумать. Последний, – сказал он перед уходом. – Завтра, здесь же, я хочу услышать твой ответ.

Шаги короля долго еще слышались во мгле ночи. Именно короля. Тяжелая и властная поступь человека, не знавшего отказа. Крис ходил по-другому, мягко и чуть слышно. Давно утенок не плакал, с тех пор как был маленьким мальчиком, а тут... Тут тоже он не плакал. Тут плакала его душа и кровоточащее сердце. Если бы он мог показаться королю при дневном свете, он бы поехал без раздумий. Но он - урод безобразный, как он сможет? Нет. Уж лучше так. Одна ночь радости, воспоминания о которой будут согревать его до конца дней, чем каждый день видеть на лице дорогого человека презрение и отвращение.

- Так будет лучше.

К вечеру зарядил дождь. Ни о каком озере и речи быть не могло. Это даже обрадовало юношу. Король не станет ждать его под дождем. А значит, не надо идти и не надо вновь объяснять свое нежелание ехать.

На следующее утро король со свитой уехал, стражники на воротах шептались, что он прошел поздно ночью через ворота мокрый и злой, но капитан шикнул на них, заставив замолчать.

Гадкий Утенок не смотрел на отъезд короля. Он отправился с утками на пруд, как делал это каждый день. Да никто собственно и не ждал от него чего-то другого.

Прошло почти двадцать дней. Приезд короля уже начал забываться, и не обсуждался так живо, как раньше в замке герцога. Гадкий утенок по-прежнему работал с утками, и никому не было до него никакого дела. Только на озеро он перестал ходить, слишком живые и болезненные воспоминания ждали его там. Но и проводить ночи на скотном дворе он был не в силах, так что сегодня он решил просто погулять в лесу возле замка. Ирри шел, не разбирая дороги. Просто шел вперед, пока не услышал где-то рядом волчий вой.

- Волки, летом? Здесь?

Такого еще не бывало в этих краях. Волки забредали в эту часть леса только зимой, когда их начинал донимать голод.

Позади него раздался такой же вой в ответ, и юноша быстро вскарабкался на разлапистое дерево стоящее рядом. От греха подальше.

Каково же было его удивление, когда на том месте, где он недавно стоял, появились с разных сторон два человека.

- Ты опаздываешь.

- Пришлось задержаться. Какие новости?

- Король не будет заезжать в замок на обратном пути. Он поедет через соседние земли.

Там лучшее место для засады – Кабаний Лог.

- А если король не поедет той дорогой? Там же развилка к пустошам.

- Дубина. Что королю делать на пустошах? Тем более он торопится в столицу, послов каких-то встречать, а через Лог дорога на полдня короче будет. Устроишь засаду в Кабаньем Логе у кривого дуба. Понял?

- Как не понять. А что насчет добычи?

- Добычу как всегда пополам. Я буду с вами там, а то обмануть задумаешь. Знаю я вашу разбойничью братию. Но учти – это последнее дело. Распускаешь банду и уходишь. Мне не интересно куда, но чтобы я вас здесь не видел и не слышал.

- Будь спокоен, маршал. После такого куска нам здесь делать будет нечего.

Только когда все затихло, юноша спустился с дерева.

- Маршал помогает разбойникам, и они готовятся напасть на короля. Его надо предупредить.

Юноша плохо знал эти земли, слишком мал он был, когда его отдали в замок на работу, но кое-что из детских воспоминаний сохранилось, и юноша бросился бегом к тому месту, где дорога разветвлялась надвое. Ему предстоял долгий путь, пешему человеку до того места надо было идти больше дня.

- Только бы не опоздать. Только бы не заблудиться, – повторял он про себя и бежал, а где уже не мог бежать – шел, не давая себе лишней минуты отдыха.

Королевский кортеж довольно бойко продвигался по лесной дороге, когда передовые всадники сообщили, что на дороге сидит какой-то человек в берестяной маске.

Продвижение сразу замедлилось. Вперед по обеим сторонам дороги были высланы по три воина, проверить, нет ли засады и только после того, как они сообщили, что все чисто, кортеж медленно двинулся вперед.

Утенок смотрел на приближающихся всадников и радовался, что успел. Впереди двигались два рыцаря и с десятков воинов, один из них вез штандарт короля, за ними король со свитой и кареты, замыкали колонну снова воины. Когда до юноши оставалось метров двадцать, все остановились, кроме одного рыцаря. Он пришпорил коня и рысью подъехал к нему, опустив копьё. Ирри встал и поклонился, приветствуя рыцаря.

- Ты чего расселся на дороге? – Кончик копья покачивался на расстоянии локтя от груди юноши.

- Я хотел предупредить, что впереди в Кабаньем логе засада. Нужно свернуть направо и объехать по пустошам. Так будет длиннее, но безопаснее.

Пока он объяснял, к нему приблизились второй рыцарь и сам король. Увидев короля, Утенок опустился на колени, как и положено ему было по рангу.

- Где-то я тебя видел?

- В замке герцога. Ваше Величество изволили гостить там.

- Помню. – Король нахмурился. – И кто же тебя послал?

- Никто. Я случайно услышал о засаде.

- Встань. – Король помолчал, размышляя. – Что думаете об этом, сэр Рональд?

- Думаю, Ваше Величество, что нам надо разделиться. Я возьму два десятка солдат и пойду в Лог. Разгромить такую наглую банду сам Бог велел, а Вы с сэром Персивалем и остальными воинами двинетесь через пустоши. Этого парня тоже надо бы взять с собой. Если он солгал и та дорога приведет Вас в засаду, он умрет первым.

- Что ж, я одобряю такое решение. Мальчишку возьмет кто-то из воинов.

Отряд быстро разделился, и каждый двинулся в свою сторону. Утенок болтался за спиной рослого воина. К лошади он был непривычен и вцепился в мужчину как клещ, боясь упасть. Отряд двигался быстро, делая краткие остановки для того, чтобы три дамы из свиты короля могли облегчиться.

Юноша тоже пользовался этими минутами для того, чтобы сходить в кусты и размять ноги. Воин, которому его поручили, находился при нем неотлучно. Когда он услышал, как урчит у парня в животе, он достал краюху хлеба, посыпанного солью, и протянул ему. Ирри взял, разломил пополам и вернул большую часть хозяину. Воин хмыкнул, но взял. Воду из фляги они тоже поделили пополам.

К вечеру непривычный способ передвижения вымотал парня настолько, что когда они, наконец, остановились на постоялом дворе, он просто сел на землю и не смог подняться. Тот же воин подхватил его подмышку, словно щенка, и оттащил в сторону. Усадил под деревом и ушел. Очень хотелось спать, и даже суета, поднявшаяся при прибытии столь именитых гостей, не могла разогнать сонливость.

Кто-то сунул ему в одну руку ломоть хлеба с холодным мясом, а в другую кружку эля. Утенок долго смотрел на эль, пытаясь сообразить, что это, а когда понял, протянул ее обратно все тому же воину.

- Мне бы водички.

Воин кивнул и ушел, но когда последний кусок исчез во рту, у юноши уже была кружка с водой.

- Спасибо.

- Почему на тебе маска? – голос короля прозвучал неожиданно для засыпающего парня.

- Чтобы не пугать людей, – ответил Ирри честно. – Лицо у меня страшное, вот и...

Он пожал плечами, не зная, что еще сказать.

- Сэр Рональд еще не вернулся и если...

Договорить король не успел, за воротами раздался топот копыт и крики людей. Ворота распахнулись, пропуская воинов, ушедших во главе с сэром Рональдом. Некоторые были ранены, а троим больше никогда не подняться, но банда была разгромлена. А еще воины привезли чудом спасенного маршала, захваченного в плен чуть раньше.

Услышав эти вести, юноша подергал за рукав своего сопровождающего:

- Маршал заодно с бандитами.

Тот внимательно посмотрел на юношу, кивнул и исчез среди воинов. Прошло около получаса и за Утенком послали.

В большом зале постоялого двора сидел король, оба рыцаря стояли за его спиной, а перед ними богато одетый мужчина с перевязанной головой.

- Я не знаю, кто на меня клеветает, Ваше Величество, но смею Вас уверить - это происки моих врагов, – вещал этот мужчина, и юноша узнал голос из подслушанного ночного разговора. - Я преданно служил еще Вашему отцу. Как же я мог предать сына?

В его голосе было столько праведного негодования, что если бы Ирри не верил своим ушам, он обязательно поверил бы этому человеку.

- Подойди ближе, - поманил утенка король, - и повтори все, что ты слышал.

Он повторил. Все, слово в слово передал подслушанную беседу. По мере того как маршал слушал, лицо его то заливала краска, то накатывала бледность, можно даже сказать легкая прозелень.

Два воина по знаку сэра Рональда подошли и встали за спиной маршала.

- Это ложь! – закричал он, срываясь на визг. – Наглая ложь!

Неожиданно для всех маршал выхватил у левого воина меч и кинулся с ним на своего обвинителя. И быть бы Утенку проткнутым насквозь, но молчаливый воин все время

ходивший за парнем подоспел вовремя. Меч нападавшего был отбит, а сам маршал вдруг споткнулся и упал, пронзенный в спину мечом второго воина.

И все бы хорошо, да только, падая, довольно упитанный бывший маршал навалился на юношу, и так с трудом стоявшего на ногах, после дневного перехода. Ирри упал навзничь, завязка на маске лопнула, и берестяная маска слетела с лица, явив его миру.

Король, ахнув, вскочил. Сэр Рональд, уже начавший выговаривать тому воину, мечом которого воспользовался почивший маршал, умолк, недоуменно поглядывая то на монарха, то на мальчишку, лежавшего на полу и пытавшегося прикрыть лицо руками.

- Ирри, ты?

- Тот самый, Ваше Величество? Теперь понятно, почему в замке о нем никто не знал, – рыцарь понимающе усмехнулся и тут же приказал всем выйти.

- Ирри. – Теплые руки коснулись его, погладили, а потом силой развели его ладони в стороны. – Почему ты прячешь лицо?

- Потому что я урод.

- Глупый. Я не знаю, кто и когда тебе это сказал, но сейчас я говорю, что ты прекрасен. Я твой король, и мне можно верить. Ты обязан мне поверить.

Юноша зажмурился, не желая видеть жалость к себе в глазах короля, и помотал головой.

- Эй, кто там? Принесите зеркало!

Стук двери, шаги приблизились и удалились.

- Смотри. Открой глаза и смотри.

Король приподнял его и, обхватив лицо руками, повернул так, чтобы открывший глаза юноша сразу же увидел себя в зеркале.

- Смотри.

Ирри открыл глаза. На него смотрел бледный юноша с тонкими чертами лица и огромными синими глазами. Губы его шевельнулись.

- Это... это я?

- Ты.

Ирри протянул руку и дотронулся до зеркала, отражение полностью повторило его движение, и только тогда он поверил.

- Это я. Это правда я. Я больше не Гадкий Утенок.

Он смеялся и плакал, глядя на себя в зеркало. Трогал свое лицо и снова плакал. От счастья плакал, первый раз в жизни от счастья.

- Нет, мой хороший, ты Прекрасный Лебедь. И я теперь тебя никуда не отпущу. Никогда.

Король Кристиан вернулся в свой замок и правил страной долго и мудро. И везде, где бы он ни был, куда бы ни ехал, всегда и везде за его левым плечом находился верный слуга Его Величества – Ирридин.

КОНЕЦ.

Царевич-лягушка

ЦАРЕВИЧ – ЛЯГУШКА.

Было у царя Еремея три сына. Уж такие шалопаи выросли, что сладу с ними не стало. Задумал царь их женить, а на ком?

Думал он, думал и придумал. Собрал царь сыновей, выдал каждому по луку и одной стреле, да и послал в чисто поле, судьбу пытаться.

Выстрелил старший сын из лука, улетела стрела на боярский двор, подняла ее боярская дочь.

Выстрелил средний сын, улетела стрела на купеческий двор, подняла ее купеческая дочь.

Выстрелил младший сын, подхватил ветер стрелу и отнес за лес дремучий в сторону болота. Посмеялись старшие братья над бедой младшего, да и пошли невест забирать, а младшему Царевичу – Ивану, - пришлось идти стрелу искать.

Долго он шел, пробирался через заросли и буреломы, но дошел до самого болота, а там сидит лягушка, стрела ей лапку правую заднюю к земле приколола. Хотел Иван-Царевич добить лягушку, а у нее по мордочке слезы текут, словно у человека. Пожалел Иван зверушку, вынул стрелу, промыл ранку самогоном забористым, что ключница батюшкина варила, завернул в платочек, да и понес домой.

- Покажу батюшке свою невесту суженую, пусть отстанет. А то допек уже со своими свадьбами. Вон, старшенькие пускай женятся, а мне и так хорошо. Баба, она мне и даром не нужна, а тут такой подарок.

Да, не в батюшку младшенький удался. Еремей по молодости всех окрестных девок перепортил, а Ваня отродясь ими не интересовался. Батюшка-Царь все ждал, вырастет сынок, поумнеет, да куда там. Братики его служанкам подола задирали, да в опочивальни таскали, а Ваня конюхов да стражников портил.

Поначалу царь гневался, потом ругался, даже в «холодную» как-то сынка засадил, не помогло. С тех пор и начали называть младшего Царевича Иванушка-дурачок. А ему что? Сытно ест, вволю спит, да и без утех не остается. Хорошо. А тут этакая напасть – женитьба.

- Нет, правильно я сделал, что лягушку прихватил, – решил Царевич, показав свою нареченную батюшке.

Царь чуть с трона не упал, «красоту» такую за приметив, а старшие братья с невестами чуть животы со смеха не понадрывали.

Махнул царь на младшенького рукой, что, мол, с дурака взять, а тот и рад.

- Слушайте, сынки да невестушки, мой первый указ, – провозгласил царь во всеуслышание. - Охота мне посмотреть, которая из вас лучшая рукодельница. Пусть к завтраму сошьют невестушки мне по рубахе.

Закручинился Иван-Царевич. Как тут быть? Старшие невестки служанок да чернавок согнали, те им за ночь и рубахи пошьют и узоры на них нанесут, а ему что делать?

Пришел Ваня домой, устроил свою суженую в корзинку на столе, с горя в одиночку бутылку ключнициного самогону выпил да спать лег. И приснился ему сон дивный, будто лягушка спрыгнула со стола, ударилась оземь, и превратилась в красивого да статного парня, белая кожа в лунном свете серебром отливает, а наготу длинные золотые волосы прикрывают.

Застонал Ванюша во сне. Отродясь Царевич такой красоты не видывал. Только на правую ножку юноша чуть припадал, там, где стрела его ранила. Пока Царевич любовался, дивный юноша взял отрез шелка заморского, разложил на столе, да и начал его размечать, резать да сшивать.

Царевич глядел на него, и наглядеться не мог. Как нагнется юноша над столом, волосы в стороны разойдутся и открывается вид такой, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Ягодицы белые да крепкие – так и манят дотронуться, обласкать да и войти как можно глубже.

Тем временем юноша сшил рубаху, нитками золотыми да серебряными узоры по вороту нанес, а как закончил, так вновь об пол ударился и лягушкой на стол запрыгнул.

Пожалел Царевич, что сон дивный окончился, перевернулся на другой бок и дальше заснул.

Поутру разбудили его слуги. Батюшка де зовет, рубаху поглядеть хочет.

Умылся Ваня, оделся, и собрался было с повинной головой к царю идти, да увидел кафтан чудной, из шелка заморского шитый, золотом да серебром по вороту отделанный. Подивился Царевич подарку дивному взял его и пошел к царю. А сам все сон свой волшебный вспоминает. Думает, пригрезилось ему или нет?

Не понравились царю рубахи старших невесток. И сделаны наспех, нитки торчат, да швы неровные. И вышивка на них не годная, то узелок, то затяжка. А уж как Ванюша рубаху развернул, все просто ахнули. Красота неопиcуемая. Забрал царь рубаху и тут же надел, уж больно она ему приглянулась.

- Сынки мои и невестушки, выслушайте второе задание. Испеките мне к завтраму хлеб, чтоб всем хлебам хлеб был.

Опять пришел домой Иван-Царевич в кручине да в заботе. Старшие невестки кликнут мамок да чернавок, те им хлеб и испекут, а ему как быть? Снова выпил он добрую бутылку самогона, да и в сон провалился.

И вновь ему приснился дивный юноша, что из лягушки в человека обращался. На этот раз волосы не мешали телу белое разглядывать. Он их узлом связал, чтобы тесто месить не мешали. И такой уж он ладный да белый, что руки сами к нему тянулись, да разве ж во сне можно к чему коснуться? А как юноша хлеб в печь сажать начал, нагнулся, попку назад отставив, тут с Царевичем даже конфуз приключился, так сладко зрелище было. Подумать только, с детства порток не марал, а, поди ж ты, не утерпел.

Вскоре хлеб был готов, и лягушка вернулась на свое место, а Царевич отвернулся к стенке и заснул сном крепким.

Наутро хлеб лежал на столе, на белом рушнике, а подле него сидела лягушка. Смекнул Иван-Царевич, что это не просто сон был, а как проверить?

Пошел он с хлебом к батюшке на прием, а сам все о юноше дивном думает. Как бы с ним познакомиться?

Царю угощение старших невесток по вкусу не пришлось. Один сырой внутри, другой подгорелый. А вот Ванюшкин хлеб, румяный да ароматный, сразу принялся есть да нахваливать. А как доел, приказал вечером на бал всем явиться, по нарядному одевшись. Закручинился Иван-Царевич. Лягушку на праздник не принесешь, а голого парнишку тем более. Делать нечего, пришлось идти одному.

Старшие братья с невестками долго потешались над ним, а он знай себе, помалкивал да посматривал, когда можно будет домой уйти, больно уж сон с юношей красивым посмотреть хотелось, а ну как сегодня все выйдет.

Как царь захмелел, сорвался Ванюша домой, да в дверях со своим сном и столкнулся.

Стоит юноша, лицом прекрасный, в нарядных одеждах, волосы в косу заплетены, а глаза

синие-синие.

- Кто ты? – только и смог выдохнуть Царевич.

- Родители Василием нарекли, - ответил он голосом нежным, словно ветер по полю с колокольчиками прошелестел.

- Василий. Василек ты мой ненаглядный. – Притронулся пальцами Царевич к лицу белому, убедился, что не морок это, и впился в уста сахарные жарким поцелуем.

На праздник возвращаться они уже не стали, а пошли в покои Ивана-Царевича и всю ночь предавались утехам любовным. А под утро, когда Василий задремал, встал Иван-Царевич, нашел кожу лягушачью и бросил ее в огонь. Тут же проснулся Василий, закричал горестно.

- Что же ты, Ванюша, наделал? Если бы ты еще один день подождал, я навеки был бы твоим, а теперь прощай. Знать, судьба моя такая.

Сказал, да и исчез, словно его и не было.

Закручинился Иван-Царевич, да кручиной горю не поможешь, делать что-то надо.

Собрал он котомку, взял верного коня да припасов на дорогу дальнюю и отправился в путь.

Долго ли ехал, коротко ли, встретился ему в лесу старичок:

- Что ты ищешь, добрый молодец, в глухом лесу?

Рассказал ему Иванушка о горе своем.

- Э-хе-хе, Иван-Царевич. Не ты ту кожу надевал, не тебе ее было и снимать. Василия злой колдун Кощей Бессмертный звал в супруги, а когда тот отказал ему в третий раз, осерчал Кощей да оборотил юношу в лягушку, сроком на три года, три месяца да три дня. Ты, то колдовство рассеял, да только Василий твой опять у Кощей оказался. Трудно тебе будет его спасать, выдюжишь ли?

- Все выдержу, дедушка, больно люб мне Василек мой, цветочек ненаглядный.

- Тогда слушай, что я скажу тебе. Смерть свою Кощей спрятал в яйцо, яйцо в утке, утку в зайце, зайца в хрустальном ларце, что на дубе могучем висит там, где море встречается с землей. Иди на закат солнечный, никуда не сворачивай, через три дня придешь туда, где и решится твоя судьба.

Поблагодарил старичка Иван-Царевич и отправился в путь.

В первый день проехал на коне почти весь лес и забрался в такие дебри, что коню там и шага не ступить. Хотел было объехать, да вспомнил наказ старичка, никуда не сворачивать. Отпустил тогда Иван-Царевич коня и пошел пешком.

На второй день вышел он к озеру. Глядь, а там костер горит. Вокруг костра звери сидят: медведь, заяц, сокол, а из ведра с водой щука голову высунула. Нацелил на них Иван-Царевич лук, а звери ему и говорят.

- Не стреляй, добрый молодец, мы такие же люди, как и ты. Прогневили мы в свое время Кощея Бессмертного, вот он нас и заколдовал. Столько лет мучаемся, а как чары снять, не знаем.

- Я иду бить Кощея, чтобы спасти любовь свою, поможете Кощея одолеть, снимете с себя проклятье.

Так они и пошли все вместе. Медведь ведро с щукой несет, заяц рядом бежит, а сокол в небесах парит, дорогу указывает.

На третий день вышли они на берег синего моря. На самом берегу дуб стоит могучий, на нем высоко-высоко висит хрустальный ларец.

Залез медведь на дерево, оборвал цепи, что ларец тот держали, и упал ларец на землю, разбившись на сотни осколков.

Выскочил из ларца заяц и наутек. За ним другой заяц погнался. Догнал и на клочки

растерзал.

Вылетела из зайца утка, а сокол тут как тут. Ударил слету, утка и рассыпалась пером. Из утки выпало яйцо, да и угодило в воду. Тут и щука пригодилась. Достала она со дна яйцо заветное да Ване протянула.

Взял Иван-Царевич яйцо, разбил его, тут Кощею смерть пришла. Все звери обратились в парней статных да пригожих.

Поблагодарили они Ивана, указали ему путь в замок Кощеев, да и разошлись по домам, а если кто и задержался по какой-либо надобности, так мы над ними свечку не держали, то нам не ведомо.

Поспешил Иван-Царевич в замок. Обошел все палаты белокаменные, нет его, Василечка, нигде. Спустился он в подвалы темные, почти все обошел, отчаялся и найти уж возлюбленного своего, когда последняя дверь показалась. Закрыта она была на крепкий замок, да что он против силушки молодецкой.

Взломал Иван-Царевич дверь и увидел там суженого своего цепью к стене прикованного. Освободил он Василю чуть живого, отпаивал его три дня молочком парным да откармливал хлебом и мясом свежим, пока не почувствовал Василек, что снова силы к нему вернулись. Обнял он тогда Иванушку, поцеловал его жарко-жарко, а там и до любви дело дошло.

Домой Иван-Царевич не поехал. Зачем, если его там никто не понимал, а тут такое добро как замок бесхозный пропадает. Так и остались Ваня да Василий жить вместе в замке кощеевом.

И свадьбу в нем сыграли. И я там была, все глаза на красавцах обломала, а в сети любви никого не поймала. Видно, крепка она, любовь мужская.

КОНЕЦ.

Чиполлино.

ЧИПОЛЛИНО.

- Синицын, быстро снимай этот костюм и бегом переодевайся. Ты сегодня играешь графа Вишенку.

Голова нашей старосты и по совместительству Клубнички – подружки Чиполлино – просунулась в дверь с пренеприятным известием.

- Как Вишенку? Я же Тыква.

- Тыкву сыграет Морозова. У тебя слов мало, а у нее выход только в первой части спектакля. Справится как-нибудь.

- Но, Вишенку же играет Смирнова.

- Синицын, не морочь мне голову. Смирнова не придет, как и Гена Самойлов, они заболели.

- А кто тогда будет играть Чиполлино, если Самойлова тоже не будет?

- Кирилл сам сыграет. А ты будешь Вишенкой. Он сказал, что ты неплохо подавал его реплики на репетициях, так что должен справиться.

С этими словами староста закрыла дверь, а я от потрясения уселся прямо на пол. Вот так повезло, вернее, не повезло. Одно дело слушать и смотреть на Кирилла – режиссера спектакля, а совсем другое – играть с ним в этом самом спектакле.

- Господи, за что мне это наказание?

Меня зовут Валентин Синицын. Я учащийся выпускного класса, обычной средней школы. В классе я самый старший по возрасту, но при этом самый мелкий по росту среди мальчишек. Так получилось.

Кстати, сегодня (хотя для всех остальных – завтра) у меня День Рождения – восемнадцать лет, и вот он - мой подарок. Кирилл. Блин, как он мне нравится, но он никогда не узнает об этом, впрочем, как и все остальные. Я и в спектакле этом принял участие, чтобы хоть изредка иметь возможность видеть его. Глупо, но...

Вообще-то Кирилл Власов старше меня на несколько лет. Он приходится племянником нашей классной руководительнице, живет в одном со мной доме, только я в третьем подъезде, а он в первом. Учится Кирилл в театральном, на режиссера, вот Марья Ивановна, классная наша, его и припахала для постановки Чиполлино. Мы делаем этот спектакль для младших классов нашей школы, а поводом является – День Святого Валентина! Здорово? Как бы не так. Меня страшно бесит это всеобщее овалентинивание. Это же день влюбленных, зачем дарить валентинки друзьям, братьям, одноклассникам, родителям и всяким знакомым? Хотите сказать, что вы их любите? Говорите так, у вас для этого целый год есть, а День Святого Валентина – он особенный, он для влюбленных.

С самого начала с этим спектаклем все не заладилось. С главным героем все решилось быстро, им, разумеется, стал наш отличник и гордость школы – Гена Самойлов. Роли графа Вишенки и Клубнички поделили между собой влюбленные в него Смирнова и Андреева (староста). А вот на роль синьора Помидора и принца Лимона желающих не было совсем, так что пришлось решать, кто ими будет с помощью жребия.

Представляете, если бы я вытащил Помидора? Девчонки долго ржали, что я максимум помидор-чери или лимон-лайм. К счастью мне повезло, и эти роли достались другим. Мне достался старый Тыква, помните, который все домик себе строил? А я не возражал, по

мне и так хорошо все было, тем более, что я еще и светом занимался.

Вообще-то моя страсть – это фотография. Я даже профессию себе подобрал исходя из этого, ну и еще из-за Кирилла. Я собирался стать оператором. А что? Он – режиссер, я – оператор, может, когда и свидимся в будущем?

На репетиции в школу я приходил раньше всех, а уходил позже, мотивируя это своей занятостью по освещению сцены. Никто на меня особого внимания не обращал, разве что Кирилл иногда просил подавать реплики за отсутствующих актеров. Если бы я знал, к чему это приведет, я бы... все сделал так же. Оказаться рядом с Кириллом – моя мечта. Пусть не самая заветная, но хоть так я могу видеть каждый день.

- Синицын, ты почему еще не переоделся?

Опять неугомонная староста, настоящая рыба-прилипала.

- Уже иду, Жанна.

За глаза мы ее называем Жанна Д`Арк, за боевой характер.

- Ладно. Ты пока снимай с себя наряд Тыквы, а я принесу тебе костюм Смирновой. Ты с ней одной комплекции, должно подойти.

Да уж, должно. Штаны пришлось оставлять свои, благо у меня были черные джинсы, так что с кружевной рубашкой и коротким пиджачком смотрелись не совсем дико. Роста мы со Смирновой были одного, вот только бедра у нее были пошире, так что ее штаны с меня просто сползали и висели на бедрах совершенно неприлично. И конечно же для полного счастья Кирилл пришел в раздевалку, временно переоборудованную в примерку, когда я стоял в одних этих штанах. Я чуть со стыда не сгорел, а он посмотрел так спокойно и велел надеть те штаны, в которых я пришел. Проследил за тем, как я переодеваюсь, даже кругом обошел, а потом махнул рукой, разрешая все так и оставить. Ура! Вот только по цвету я теперь могу спокойно соперничать с синьором Помидором, блин.

Скоро мой выход. Я поправил ярко-малиновый парик с прической «каре», как просветили меня наши дамы, с прицепленным к нему зеленым хвостиком и листочком, еще раз проверил, как сидит на мне белоснежная девчоночья кофточка с кучей кружавчиков на горле и запястьях. Все. Пора.

Декорация графского парка и забора вокруг него, я прогуливался за этим самым забором, и вот появился он. Нет, ОН. Кирилл. Простая сероватая рубаша, короткие штаны, подтяжки, одна лямочка которых свободно свисает под рукой, а волосы его собраны в высокий хвост, изображая луковицу. Черт подери, а ведь ему идет, да еще как идет. В отличие от прежнего Чиполлино, которому надевали парик, волосы у Кирилла свои, до плеч, русые и такие блестящие, а еще у него брови и ресницы намного темнее волос, и смотрится он просто шикарно.

У меня от всего увиденного даже дух перехватило, хорошо, что наш диалог не сразу начинается. Сначала Чиполлино танцует, вернее, стучит чечетку, насвистывая под музыку. А как он двигался, это просто невероятно. А еще он мне подмигнул. Сердце сделало кульбит и забилося в груди пойманной птичкой.

Я так засмотрелся на него, что чуть не пропустил свою реплику. Кириллу пришлось два раза повторить:

- Мальчик, эй, мальчик.

- Я Вишенка, - голос мой задрожал от охватившего меня волнения, и это волнение совсем

не было связано со сценой.

- А я Чиполлино, будем знакомы. - И он пожал мне руку, просунув свою через решетку.

Все, я пропал.

- Слушай, Вишенка, мне твоя помощь нужна.

- Конечно. Что случилось?

Ах, если бы ему действительно была нужна моя помощь, я бы для него...

- Нужно выкрасть ключи от тюрьмы, которые хранятся у принца Лимона.

Ох уж мне этот спектакль.

- Конечно, я все сделаю.

Как я отыграл спектакль, помню весьма смутно. Какая-то девчушка на финальном поклоне всунула мне в руку букет из трех полужавящих гвоздик, и я вцепился в него, словно утопающий в соломинку. Меня буквально трясло от близости Кирилла, державшего меня за руку, от запаха его совершенно сногшибательного парфюма, а еще от того, что нам предстояло вместе переодеться, прежде чем идти домой. Радовало только одно: мама сегодня на сутках, так что я смогу расслабиться в ванной, не опасаясь ее стука с требованием выходить.

- Ребята, предлагаю отметить удачную премьеру у меня дома.

Дружное «ура!» было ответом на предложение Кирилла. Понимая, что находясь у него дома, я могу невольно выдать себя, я постарался ускользнуть от ребят возле своего подъезда, но Кирилл, словно почувствовав что-то, подхватил меня под локоть и затянул к себе, не обращая внимания на мои слабые трепыхания. Я попал.

Родителей Кирилла, актеров местного театра, тоже не оказалось дома, так что веселье быстро начало набирать обороты. Кто-то из ребят попытался сбежать за водкой, но строгий окрик Кирилла быстро свел все попытки на нет. Он лично выставил на стол по банке пива на каждого и кое-какие нехитрые закуски. Девчонки сразу ринулись на кухню готовить что-то посущественнее, а ребята разбрелись по дому, вернее по лоджии, решив покурить.

К сигаретам, как впрочем, и к выпивке я всегда был равнодушен, так что занялся осмотром квартиры, где жил мой кумир. В его комнате все стены были увешаны фотографиями и плакатами со знаменитыми режиссерами и актерами, компьютерный стол в углу, возле книжных шкафов, напротив - диван, застеленный серо-зеленым пледом. Ничего особенного, но все же в его комнате было так уютно и тихо, что, сев на хозяйский диван, я не заметил как заснул, прижавшись щекой к подушке с его запахом.

- С Днем Рождения, Вишенка, - теплые пальцы пробежали по моей щеке, спустившись к губам.

Я угукнул и только потом понял, что в спектакле не было таких слов. Открыв глаза, я замер в шоке. Надо мной склонился Кирилл, улыбаясь как-то слишком плотно, а вокруг нас царила полная тишина. Комната освещалась слабым светом бра, висевшего над диваном.

- А... э... где все?

- Разошлись по домам, - он наклонился еще ниже, и я почувствовал его горячее дыхание на щеке, которую он только что ласкал пальцами.

Сердце вновь зачастило в моей груди.

- Э...

- Да?

- Откуда ты знаешь, что сегодня мой День Рождения?

- Я много чего о тебе знаю. Хочешь, расскажу?

Я отрицательно покрутил головой и попытался выбраться из-под него.

- Мне домой пора.

- Может, тогда кофе вместе попьем? Время еще детское, а у меня есть очень вкусные пирожные.

Произносилось это все таким медовым голосом, что я поплыл. А еще мой желудок, услышав про еду, радостно заурчал. Ну, да, я не обедал сегодня, и не ужинал еще, так что...

- А который час?

- Двадцать два часа сорок три минуты.

Это решило дело. Мамы все равно дома нет, из еды только вермишель, которую еще надо сварить, а тут пирожные предлагают.

- Ладно, только мне чай, если можно.

- Можно и чай. Тебе зеленый или черный?

- Черный. Две ложечки сахара, пожалуйста.

- Ну, пошли на кухню.

Прихлебывая горячий чай с эклерами, я украдкой поглядывал на своего кумира. Кирилл, одетый в простой халат, сидел напротив меня и, прикрыв глаза, смаковал кофе со сливками. Вдруг он распахнул свои серо-синие глазищи и улыбнулся мне.

- А у тебя крем на носу.

Сообщив мне эту радостную новость, он вдруг перегнулся через стол и... лизнул меня в нос! Мама!

Отшатнувшись от Кирилла, я не удержался на табурете и грохнулся спиной на пол, а поскольку чашку чая я так и не выпустил из рук, результат вам понятен. Шипя и ругаясь, я отдираю от груди облитый кипятком свитер, а Кирилл поднимал меня и извинялся.

- С тебя ванна и сухая одежда.

Сам не знаю, откуда во мне взялась такая наглость, но через минуту я стоял в ванной комнате, отделанной синим кафелем, в одних брюках, а Кирилл вытирал мне грудь мокрым полотенцем. И хорошо бы просто вытирал, а то еще так пристально в глаза смотрел, гипнотизировал что ли? Я уже открыл рот, чтобы спросить об этом, а он не дал мне даже слова сказать, впился в меня поцелуем, да еще и прижал к себе так крепко, что не вырвешься.

Надо отдать ему должное, целовался он улетно, так что рыпался я недолго. Через пару секунд я поймал себя на том, что старательно отвечал на его поцелуй, повторяя за Кириллом все движения языком.

Целовались мы так, целовались, и я даже не заметил, как без штанов остался. Чувствую, как его руки оглаживали меня по бокам, спускались вниз и, обхватив за голые ягодицы, прижимали к его паху еще крепче. Я это чувствовал, а ничего поделать не мог или не хотел. А когда он приласкал меня впереди, я вообще голову потерял, даже чуть не упал, ноги просто отказывались держать меня вертикально. Если бы Кирилл не подхватил меня подмышки, точно брякнулся бы.

- Ты такой сладкий.

Это я, что ли? Может, это из-за эклеров?

- Нет, это из-за тебя.

- Я что, вслух...

- Ага, - Кирилл быстро чмокнул меня в подбородок и отстранился, все еще продолжая

прижимать меня к себе.

Оказывается, он на голову выше меня, а мне раньше казалось, что больше, или это я вырос?

За этими размышлениями я не расслышал вопроса Кирилла.

- Что? Я не понял.

- Я спрашиваю: хочешь продолжить?

- А можно?

- Глупый, конечно можно. Ты ведь уже совершеннолетний, так что о растлении малолетки никто не заявит.

- Растлении?

- Думаешь, я тебя только сегодня заметил? Нет, мой хороший, я тебя уже лет восемь дожидаюсь. Как увидел однажды твои восторженные серые глаза, так и понял, что пропал. Знаешь, какая это мука видеть тебя почти каждый день и не сметь прикоснуться?

- Знаю.

- Ты тоже?

- Да. Только я боялся, что ты не поймешь.

- Понимаю. Слишком хорошо я все понимаю. Так что, будем продолжать?

- Конечно, будем. А можно, я тебя поцелую?

- Все можно. Только сначала мы примем ванну, а если хочешь сегодня дойти до конца, то тебе надо почиститься внутри. Если нет, если боишься, значит, не будем спешить. У нас еще много времени впереди, можно не спешить.

- Я за неспешность. Мне немного страшно. Я первый раз.

Я почувствовал, как покраснел под его жарким взглядом.

- Конечно, мы не станем спешить, мой Валентин. Сегодня ночь взаимных ласк, но начнем мы все же с ванной.

Кирилл скрепил наш договор поцелуем, а потом...

Вы знаете, что совместное принятие ванной может подарить кучу приятных моментов? А я теперь знаю. И еще я знаю, что обычная мочалка может быть довольно эротичной вещью, особенно в руках этого человека.

После ванной мы перебрались в его комнату. Там Кирилл научил меня дарить наслаждение и получать его. Он ласкал меня пальцами и губами, показывая мне самые чувствительные точки на теле, а когда я кончил, он позволил мне так же исследовать его тело. Оказалось, он боится щекотки ступней, а самой эрогенной зоной, если конечно не брать всем известную, у него являются уши. Да, да, именно уши. Он просто млеет, если немного потереть за ними, словно большой кот, а еще можно чуть прикусить мочку и тут же зализать ее языком или пососать чуть-чуть. От этого он просто взвился на кровати, подминая меня под себя.

В общем, время до утра было потрачено не зря. Засыпая на рассвете, я слышал, как он называл меня всякими милыми именами, а потом очень нежно поцеловал меня в лоб.

Спать сразу расхотелось.

- Кир, ты особо не расслабляйся. Сегодня у меня официальный День Рождения, ты приглашен, а потом мы пойдем гулять, и я предупрежу маму, что вернусь поздно. Очень поздно. Надеюсь, ты понял?

Он рассмеялся.

- Все понял, мой маленький деспот. А почему официально День Рождения только сегодня?

- Потому что я родился без трех минут в полночь четырнадцатого февраля, а записали меня пятнадцатым. Вот и праздную я два дня свое Рождение.

- А что, мне нравится, это же два дня можно подарки получать.

- Да. И я надеюсь, мой второй подарок будет намного лучше первого.

- Конечно будет, мой Вишенка, все, что пожелаешь.

Он провел рукой по моей попке, весьма выразительно дав понять, что самое интересное для нас еще впереди.

Кажется, мне нравится День Святого Валентина.

КОНЕЦ.

Внук Бабы Яги

ВНУК БАБЫ ЯГИ.

- Избушка, избушка, встань ко мне передом, к лесу задом.

Избушка на курьих ножках, заскрипев, начала медленно поворачиваться кругом. Как только избушка остановилась, в ней отворилась дверь, и молодецкий голос спросил:

- Чего тебе надобно, добрый молодец? Дело пытаешь али от дела лытаешь?

Вот уж кого не ожидал Иван-Царевич увидеть, так это молодого парня небольшого роста да с ярко-рыжей шевелюрой, встретившего его на пороге.

- Э-э? А ты собственно кто? Мне Баба Яга нужна.

- А я вместо нее. В отпуске она.

- Где?

- Ну, отдыхает. На море уехала, а меня здесь вместо себя оставила. Вот.

- Так ты кто ей будешь?

- Внук. Так чего ты хотел, добрый молодец?

- Ах, ты, старая карга... Ой, извини.

- Да, ничего. Бывает.

- Так я это... В баньке попарь, накорми, напои, спать уложи, а после и спрашивай.

- Ну, проходи, добрый молодец.

- Я это... Иван-Царевич я.

- Василий. Прходи покамест в избу.

Спустившись с коня, Иван-Царевич вошел в избу.

- Ты пока посиди, я баньку истоплю и коня отпущу пастись.

Пока Иван-Царевич разглядывал избушку, травы, грибочки да корешки всякие по стенам висящие, Василий споро управился. Попарил он дорогого гостя веничком березовым, да за стол усадил.

А на столе чего только не было. И мясное, и рыбное, и соленья, и варенья, и пироги с пылу с жару, а на запивочку кисель ягодный да наливка вишневая, самой Бабой Ягой деланная.

Откушал Иван-Царевич, выпил, и стало его в сон клонить. Вася тут как тут. Отвел гостя дорогого в угол за печкой, где для него уже и ложе постелено. Уложил, одеялом укрыл. Тут Иван-Царевич и заснул сразу.

И снится Ванюше дивный сон. Будто ласкает его кто-то. Руки чьи-то ласковые по телу пробегают, губы горячие за ними следом скользят. А как до низа добрались, тут уж Ивану-Царевичу совсем тяжело стало. Тело его молодое от тех ласк горячих возбудилось. А сон молодецкий и не думает прерываться. Уж и губы его внизу ласкают, а пальчики нежно перебирают его яички. Тут и язык в игру вступил, а уж как рот горячий его в себя вобрал, застонал Иван-Царевич, выгнулся, желая скорее разрядки достичь, только руки его за бедра удержали, не давая двигаться. И хотелось бы Ивану проснуться, да сон крепкий, держит - не отпускает.

Застонал Иван-Царевич, да делать нечего, пришлось смириться. Замер он в надежде на продолжение, и не обманулся. Рот горячий начал скользить по елде его молодецкой, а пальчики вниз спустились, продолжая ласкать. Иванушка даже ноги чуть развел во сне, чтобы пальчикам удобнее было. А они и рады стараться. Сначала по яичкам прошлись, а потом по дырочке срамной заскользили. Хотел Иван-Царевич закрыться, не пустить их далее, но не вышло. Во сне оно же что? Только подумал, а все уже и сбылось. Обожгло дырочку чем-то холодным, и тут же скользнул палец вовнутрь. Иванушка только ахнуть и

успел, а палец уже дальше скользит, движется там, словно ищет чего-то, и губы с языком без дела не остаются. Завелся Иван-Царевич пуще прежнего, да тут и второй палец внутрь скользнул. И что уж они там отыскивали – неведомо было Иванушке, - да только так хорошо ему отродясь не бывало. Всего несколько движений, и кончил Иван-Царевич, бурно изливая соки мужские. Приласкали его тогда руки напоследок, огладили, а губы неведомые к устам сахарным Ванюшиным прижались.

- Спокойной ночи.

Проснулся утром Иван-Царевич, сон свой сразу вспомнил. Сел на кровати, да призадумался: сон или не сон?

- Иван-Царевич, проснулся? Так завтракать иди. Блинки с творогом да со сметаной.

- Нет, все-таки сон, - тряхнув головой, поднялся Иван-Царевич, оделся и к хозяину приветливому вышел.

- Как спалось - почивалось?

- Спасибо хозяин за приют да ласку, - промолвил Иванушка, а хозяин рыжий глазки долу опустил да краской залился.

- На здоровье, Иван-Царевич. Так куда ты путь держишь?

- Я пятый сын царя Серафима. Как батюшка помер, так братья наследство поделили. Мне из него только конь молодецкий да меч и достались. Иду теперь по белу свету, счастье свое ищу. А услышал я, что где-то Кощей Бессмертный держит в заточении Василису Прекрасную, вот и решил я силушку свою попытать, Кощею убить, Василису освободить, да и жениться на ней. Мне, почитай, двадцать третий год идет, а все без жены. Так и жизнь пройдет.

Призадумался Василий.

- Помогу я тебе, Иван-Царевич. Дам клубочек волшебный, он тебя прямо к замку Кощееву выведет. И про смерть его расскажу.

- Не, это я и так знаю. Смерть в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, сундук на дереве, а дерево...

- Все, да не все. Сундук уж давно не на дереве, а в палатах Кощеевых. Тот сундук все время то ветром снесет, то молнией ударит, вот и надоело Кощею сундук на дерево каждый раз затаскивать.

- Вот спасибо за науку, хозяин приветливый, и за гостеприимство твое спасибо.

Взял Иван-Царевич клубочек, сел на коня и уехал за счастьем своим, помахав на прощание парню рыжему.

- Избушка, избушка, встань ко мне передом, а к лесу задом.

Повернулась избушка со скрипом, отворилась дверь, и вышел на крыльцо Василий, внук Бабы яги.

- Иван-Царевич, неужто ты? Пошто вернулся? Аль Василиса не глянулась?

- Не глянулась, верно говоришь. Как увидел я ее, так и сбежал. За красотой ее характер злобный да склочный скрывается. Слышал бы ты, как она на слуг кричит, посуду бьет, а чуть что не по ее, Кощей скалкой охаживает. Не нужна мне такая жена. Кощей ее украл, пусть сам с ней и мается. А мне бы узнать путь-дорожку до Змея Горыныча. У него, говорят, Василиса Премудрая в заточении томится.

- Что ж знаю я об этом. Ты вот что, слазь с коня, в баньке попарься, отужинай, поспи, а с утра я тебе клубочек дам, прямо до дома Горыныча он тебя и выведет.

Попарил Василий гостя дорогого, накормил, напоил, сливовочкой угостил да спать уложил. И снова приснился Ивану чудный сон.

Руки ласковые, да рот горячий, только теперь ласки их смелее стали, горячее, а как начал Иван-Царевич к грани подходить исчезли они. Заметался Иванушка на постели, застонал, да только кто-то его ногами за бедра обнял, словно верхом сел. Тут и руки вернулись. Приласкали они достоинство его мужское, потом обхватили крепко и начали вводить туда, где жарко да тесно было. Рот был хорош, а это стало еще лучше. Скользил кто-то по Иванушке вверх-вниз, руками в грудь его опираясь, и не было на свете ничего слаще того. Недолго то волшебство продлилось, вскрикнул Иван-Царевич, да кончил еще пуще прежнего. Поцеловали тут его уста сахарные, поблагодарили, спокойной ночи пожелали, да и растаяли.

Утром получил Иван-Царевич клубочек желанный и тронулся в путь. Только вот уезжая, он все оглядывался на избушку Бабы Яги, да махал рукой Василию.

- Избушка, избушка, встань ко мне передом, а к лесу задом.

Заскрипела избушка, оборачиваясь, а Василий уже на крылечке стоит.

- Пошто вернулся Иван-Царевич? Василиса Премудрая тоже не любя оказалась?

- Не любя. Посмотрел я, как она слуг поучает, как Горыныча за ухо треплет, и унес ноги, подобру-поздорову. Может, и в третий раз поможешь? Говорят, где-то Марья-Искусница живет, женихов ждет. Да только сказывают, к ней всяк встречный поперечный не суйся. Она женихов привечает только тех, кто с даром чудным, аль диковинкой какой-нибудь свататься приходит.

- Помогу, отчего же не помочь. Дам я тебе клубочек путеводный и диковинку дам. А пока попарься в баньке, поешь, попей, да спать ложись. Утро вечера мудренее.

Попарил Василий Ивана-Царевича, накормил, напоил, кедровкой угостил да спать за печку отправил.

И снова сон дивный снился Ивану-Царевичу. Поначалу все было как в первый раз, только вход срамной пальцы долго-долго ласкали и растягивали, а потом вошло в него что-то большое, да горячее. Вскинулся Иван-Царевич, почувяв боль, хотел отстраниться, да только не пустили его руки сильные, удержали.

- Сейчас, потерпи малость.

Начало это двигаться в нем. Поначалу осторожно, ласково, а как перестал Иванушка боль чувствовать, так сильнее, быстрее задвигался в нем любовник невидимый. Метался под ним Иван-Царевич, криков сдержать не мог, так сладко ему было в объятьях чужих. А как кончил Иванушка, так и любовник его излился. Снова губы жаркие поцеловали его уста, и прошептали слова благодарные.

Проснулся утром Иван-Царевич, сел на постели и понял, что не сон с ним нынче ночью приключился.

- Точно не сон - со сна ведь место срамное болеть не может.

Вышел Иванушка к хозяину, а у того и стол уж накрыт, и клубочек его волшебный ждет, и подарок диковинный – утка из дерева вырезанная. Взял Иванушка подарок в руки, дивится, до чего же умело сделан, каждое перышко как живое выточено, а глаза – камни драгоценные.

- Как нажмешь на глаза, так крылья в стороны откинутся, будет тебе ларец. Еще раз нажмешь, ларец закроется.

Попробовал Иван-Царевич, нажал на глаза-самоцветы. Крылья в стороны разошлись, открывая нутро пустое.

- Эка забава, - подивился Иван-Царевич, и хотел было про ночь прошедшую спросить, да не дал ему хозяин заговорить, за стол пригласил, а сам в лес поспешил, дело, мол, у него там срочное.

Так и не дождался Иван-Царевич парня рыжего. Позавтракал, взял подарки, вышел из избышки, сел на коня своего, да в путь отправился, сожалея что проститься не довелось, да про ночи страстные расспросить.

- Избушка-избушка, встань ко мне передом, к лесу задом.

Заскрипела избышка, поворачиваясь. Не стал Иван-Царевич дожидаться, пока оттуда выйдет кто-нибудь, сам взбежал на крыльцо, да двери распахнул.

Видит, сидит Василий на лавке в углу, да слезы горькие утирает.

- Василий, пошто ж ты плачешь?

- Ваня? А ты зачем вернулся? Неужто и Марья-Искусница тебе не по сердцу пришлась? Да только, как же ты поспел так быстро обернуться?

- Ты мне по сердцу, милый друг. Как отъехал, так и понял, что не надобно мне никаких красавиц и умниц, ты мне надобен, Васенька.

- Правда?

- Истинная правда. Примешь ли? Не прогонишь?

- Иванушка!

Повис Василий на шее у Ивана-Царевича, губами жаркими его целует, руками, горячими к себе прижимает. Сладко им.

- Эх, молодежь, стоило отлучиться, так чего, охальники, натворили. Неужто жениться надумали?

- Бабушка?

- Баба Яга?

Два голоса слились в один.

- Она самая. А теперь брысь из моего дома, полюбовнички. Нечего во мне, старой, зависть пробуждать.

Вышли Иван и Василий на крыльцо.

- Так что, Васенька, поедем вместе счастье искать? Авось дом какой приглянется, денег заработаем и купим.

- Так ты, Иван-Царевич, ради меня согласен по свету мыкаться?

- Я ради тебя на все согласен.

Рассмеялся тут Василий, внук Бабы Яги.

- Не надо нам по свету счастье искать, коль мы друг друга нашли. Есть у меня и дом, и двор, недалече я живу. Ко мне пойдешь? Не побрезгуешь жизнью простой?

- Отчего же брезговать, мне с тобой всюду любо будет, пошли.

- Эй, молодежь, а кто мою настойку на мухоморах выпил, а? – скрипучий голос Бабы Яги заставил Василия вздрогнуть.

- Ой-ой, теперь побежали!

КОНЕЦ.

Снежная Королева

Предупреждение: Ненормативная лексика. Немного насилия и флаффа.

Примечание: Все события и герои рассказа являются вымыслом автора. Совпадения с реальными людьми и событиями – случайны. Автор ни на что не намекал и никого не хотел обидеть. Он просто рассказал сказку.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

ГЛАВА 1.

Сколько себя помнил Игнат, он всегда дружил с Каем и столько же боялся его брата. Игнат познакомился с Каем еще в детском саду. Мальчики ходили в одну группу, да еще и жили в одном доме, только в разных подъездах. Родители Кая были люди обеспеченные, тогда как сам Игнат жил с одной мамой, но дружить ребятам не запрещали. После сада они пошли в одну школу, в один класс, и нередко Игнат приходил в гости к Каю, помогая ему делать уроки.

Заметив их дружбу, одноклассники прозвали ребят Кай и Герда, а все из-за того, что фамилия Игната была Гордин. Прошли годы, кличка «Герда» так и прилепилась к Игнату. Сам он настолько привык к ней, что уже и не реагировал, а вот Кай, учась в старших классах, несколько раз бросался в драку, стоило кому-то при нем назвать Игната по прозвищу. При этом Игнат старался остановить друга, уверяя, что он не обижается, а Кай страшно злился, крича, что он не педик, а прозвище «Герда» подразумевает, что они любовники. Тогда Игнат старался обратить все в шутку, сглаживая неловкий момент, и краснел, потому что он как раз был бы не против попробовать мужской любви. Игнат давно понял, что девочки его не привлекают, впрочем, как и он их, в отличие от Кая.

Если Кай Королев был сероглазым и русоволосым крепышом, ростом метр восемьдесят, с широкими плечами и спортивным телосложением, то Игнат вырос лишь до метра шестидесяти шести, был худощав и немного угловат. Ко всему этому добавлялись темные волосы и большие выразительные темно-карие глаза. Все это в сочетании со светлой кожей и едва заметной россыпью веснушек делало его лицо милым, как говорили девчонки. Иногда он и сам себе напоминал девушку, что уж тут говорить о других. – Одним словом – Герда, – говорил он себе почти каждое утро перед зеркалом в ванной, а тут еще и новая напасть. Все ребята-одногодки уже начинали бриться, тогда как у Игната волосы на лице расти ни в какую не желали, легкий едва заметный пушок над губой не в счет.

В своего приятеля Игнат был влюблен давно и, судя по всему, безнадежно, потому что предмет его тайных вздыханий был без ума от девчонок. Любых. И менял их по паре за неделю, за что заслужил в школе прозвище «сердцеед».

Окончив школу, ребята, опять-таки вместе, поступили в институт на факультет инженерной электроники. Вот только если Игнат учился прилежно, посещая все лекции и внеклассные занятия, Кай учиться не хотел и отличался редкостным разгильдяйством, продержавшись два года в институте только за счет своего друга, его конспектов и подсказок. В результате в конце второго курса Кай провалил почти все экзамены, и его чуть не отчислили, со скрипом разрешив пересдачу на осень. Игнат клятвенно обещал в деканате, что подтянет друга за лето, однако стоило только начаться каникулам, как Кай

исчез, прислав одну коротенькую СМС-ку: «Брат забрал меня. Прощай. Вряд ли увидимся».

Получив подобное сообщение, Игнат начал активно звонить приятелю, но все, что он слышал в трубке: «Абонент временно недоступен». И так весь день. Вечером вконец растерянный Игнат явился к родителям друга, все еще живущим по соседству.

– Да, Кай уехал с Арсением, в Ялту. У Сени там летний домик, так что ребята лето проведут вместе, – сообщила Игнату мама Кая.

– В последнее время они редко общались, так что теперь наверстывают упущенное, – добавил отец.

– Но... как же институт? – Игнат даже руками всплеснул от волнения.

– Видишь ли, Игнат, – родители Кая переглянулись, кивнув друг другу, и отец друга продолжил говорить: – мы решили, что инженер-электронщик – это не для Кая.

– Не его это, понимаешь?

– Подожди, мать. Дай я скажу. Так вот, Игнат. Кай поступил туда только из-за тебя, да и учился тоже благодаря тебе. Мы это прекрасно понимаем.

– Наверное, это наше упущение, только Кай не хочет учиться.

– Вот мы и решили дать ему лето на размышления. Если не возьмется за ум, пойдет осенью в армию. Арсений нас поддерживает, так что забрал Кая к себе на лето.

– Но... как же...

– Извини, Игнат, только нашему сыну пора научиться думать своими мозгами, а не сидеть у тебя на шее. Прощай.

Когда дверь перед носом Игната закрылась, он еще некоторое время стоял, не в силах осознать в полной мере все услышанное. Только выйдя на улицу, Игнат понял, что его друга и человека, которого он любил, увезли в другое государство и теперь они могут никогда не увидаться.

– А если Кай решит учиться? Он же без конспектов и учебников остался. Как же... – тяжело вздохнув, Игнат поглядел на звезды, ярко подмигивающие ему с неба.

– Ялта значит? Ладно. Разберемся. Братишка.

Брат Кая – это особая история. Арсений был старше их на десять лет. Со дня первой встречи Игнат боялся его, хотя особых причин для страха и не было, но пересилить себя мальчишка так и не смог, да и теперь, став достаточно взрослым и самостоятельным, он все равно побаивался Арсения. От одного взгляда в эти светло-голубые строгие глаза его пробирала дрожь. А платиново-белые волосы, тонкие черты строгого лица и презрительно поджатые губы вообще вводили его в состояние ступора. Сразу же хотелось сбежать и спрятаться от этого ледяного презрительного спокойствия, которое окружало этого человека всегда. Они практически никогда не разговаривали, да и о чем могут говорить такие разные люди, но в присутствии Арсения Игнат себя всегда ощущал мелким и глупым щенком, готовым от страха напрудить на ковер.

Наверное, в каждой школе существует такая традиция: первого сентября ребят-первоклашек в школу вели выпускники. Каково же было удивление Игната, когда именно его взял за руку и повел в класс Арсений. Игнат хорошо помнил его прохладную руку и свой страх, заставляющий задерживать дыхание, а пенал, что подарил ему в тот день Арсений (это тоже была традиция), до сих пор хранился у него дома. Почему-то рука просто не поднималась выкинуть старую и довольно потрепанную за десять лет вещь, ведь Игнат с этим пеналом прошел от первого класса до последнего.

Последний раз Игнат видел Арсения два года назад. Окончив школу, выпускники устроили веселую гульню, разумеется, с выпивкой и танцами. Сам Игнат к спиртному был

холоден, возможно, ранний развод родителей и пьяные дебоши отца сказались, а вот Кай набрался тогда изрядно, да еще и собирался идти встречать рассвет на пристань. Юноше с трудом удалось удержать своего приятеля от безрассудного поступка, а вот оттащить его домой было делом и вовсе невозможным, пока рядом с ними вдруг не появился Арсений.

Белый мерседес тихо подкатил к двум парням, препирающимся на улице о том, куда им идти. Из него появился молодой мужчина с длинными светлыми волосами и в белоснежном костюме. Игнат, как всегда, испуганно замер перед ним, словно кролик перед удавом, а Кай вдруг пьяно рассмеялся и пробасил:

– А вот и... ик... Снежная королева пожаловала! Ик... Будет спасать Кая от маленькой Герды.

И без того холодные глаза Арсения обожгли льдом перепуганного Игната, а потом старший брат, легко подхватив Кая, буквально затолкал его на заднее сидение, бросив Игнату короткое:

– Садись.

Через несколько минут мерседес был уже у их дома. Выбравшись из машины, Игнат старался даже следов от пальцев не оставлять на белоснежных кожаных сидениях, а вот Кай такой щепетильностью не обладал. Выпитое и съеденное за вечер попросилось наружу, и молодой человек избавился от содержимого желудка, ничуть не беспокоясь о том, где находится. В ту минуту Игнат думал, что Арсений убьет их обоих, но тот только скрипнул зубами и вытащил пьяного братца за шкирку из машины, бросив при этом Игнату коротко и резко:

– Марш домой!

Что юноша и выполнил практически без задержки. Только входя в подъезд, оглянулся, чтобы увидеть, как беловолосый мужчина несет на плече своего брата.

«Вот это сила», – всплыло в его голове тогда, а потом закрывшаяся дверь подъезда скрыла от него Арсения и Кая.

С тех пор Игнат не видел старшего брата своего друга, знал только, что тот занимался бизнесом и являлся совладельцем какой-то крупной компании, хотя по образованию он был юристом.

И вот спустя два года Арсений увез Кая, и маленькая Герда отправляется его спасать.

– Сказка. Господи, это просто какая-то глупая сказка!

Придя домой, Игнат, собрав самые основные конспекты, сложил их в рюкзак. Туда же отправились: запасной комплект одежды, две пары носков и белья, паспорт, деньги. Немного денег у Игната было: сразу же по окончании школы он устроился курьером, да и пока в институте учился, подрабатывал понемногу, откладывая каждую свободную копейку, в надежде купить себе ноутбук хотя бы к четвертому курсу, ведь в современном мире без техники – никак.

– Обойдусь, – решительно тряхнув головой, Игнат рассовал мелкие купюры по карманам, а более крупные аккуратно завернул в носовой платок и приколот булавкой к трусам. Смешной способ хранить деньги, конечно, но один из самых надежных.

Когда сборы были практически окончены, в его комнату, постучавшись, вошла мама.

– Игнат, что-то случилось?

– Ничего, мам, просто тут работа небольшая наклеивается, но надо будет уехать недели на две – три, а может, и больше.

– Что-то серьезное? – спокойный и понимающий взгляд матери заставил его помедлить с ответом.

– Ничего криминального, мама. Просто одному моему другу нужна помощь, вот я и... – Игнат развел руками, не зная, что еще сказать.

Мама у него была хорошая, понимающая, так что слез и упреков молодой человек не ожидал, да их и не было.

– Деньги нужны?

– Нет, у меня есть. Перебьюсь пока, а там видно будет.

– Хорошо. Тогда возьми пирожков в дорогу, бутербродов, чай я утром заварю и залью в термос. Телефон не забудь. Звонить хоть иногда будешь.

– Конечно, мама. Спасибо.

Ночью Игнат все никак не мог заснуть, прорабатывая план предстоящего путешествия. Большую часть пути он решил добираться автостопом, все-таки денег у него было мало. На поезде, конечно, было бы проще, тут сел – там встал, да и границу пересечь легче, но тут опять-таки все упиралось в финансы. До Крыма их, может, и хватит, а дальше что?

– Значит, добираться автостопом хотя бы до Орла, сажусь на поезд, переезжаю границу до Харькова, дальше снова автостопом.

С этими мыслями Игнат и провалился в некое подобие сна, пока его не разбудил слабо попискивающий будильник. Пора.

Взяв приготовленные мамой продукты и простившись с ней, Игнат закинул рюкзак на плечо и вышел из дома.

ГЛАВА 2.

На трассе Игнат простоял с поднятой рукой часа три, прежде чем возле него остановилась фура и ее водитель, седой усатый дальнбойщик, спросил:

– Тебе куда, парень?

– На юг, в сторону Крыма.

Мужчина присвистнул:

– Далековато собрался. До Крыма не довезу, а вот до Орла – пожалуйста.

От радости Игнат чуть не подпрыгнул. В его планы этот дальнбойщик вписывался как нельзя лучше.

– То, что надо. Спасибо. Меня Игнат зовут.

– Сан Саныч. Залезай.

Сан Саныч оказался веселым собеседником. Он знал множество анекдотов и всяких смешных историй. Дорога с ним летела незаметно. Несколько остановок у придорожных тракторов, где они перекусили и отдохнули, чтобы снова двинуться в путь.

Сан Саныч вез цветы. Полная фура гербер, роз, гвоздик, лилий и прочих ароматных растений должна была быть доставлена быстро, но остановиться на ночь дальнбойщику все же пришлось. Спали они прямо в машине, остановившейся на большой площадке, где скопились еще несколько фур. Тут же «гуляли» так называемые «ночные бабочки», но ни Игнату, ни Сан Санычу они были не интересны.

– Так. Мне болячки после них лечить неохота, вот и сплю один. И тебе то же советую, – проворчал мужчина, заметив косые взгляды, бросаемые молодым человеком на полуголых дам.

Утром их снова ждала дорога, а после обеда фура, наконец, въехала в пригород Орла.

– Поможешь разгрузить машину, или тебя возле вокзала посадить? – поинтересовался Сан Саныч на подъезде к городу.

Отказать водителю было неудобно, все-таки Сан Саныч бесплатно вез Игната, так что

тот согласился помочь с разгрузкой, отложив посещение вокзала на потом. Покружив с полчаса по городу, фура подъехала к большому магазину с названием «Цветы матушки Флораны».

– Мы на месте. Выгружайся.

Стоило им только покинуть машину, как на пороге появилась немолодая женщина в ярком цветастом платье и с волосами, окрашенными в нежно-розовый цвет. У Игната от ярких цветов даже в глазах зарябило.

– Явились! Я вас еще вчера ждала. А теперь мне некогда, надо до вечера составить полсотни композиций для большого корпоратива, так что быстро разгружайте все сами и аккуратно.

– Будет сделано! – Сан Саныч, дурачась, отдал честь и поспешил открыть фуру, чтобы начать разгрузку.

Оказалось, что разгружать коробки с цветами – не такое уж и легкое занятие. До вечера Игнат устал так, что мечтал просто прилечь где-нибудь и выспаться. Можно даже без обеда, вернее – ужина, обед уже давно прошел. Однако когда последняя коробка оказалась внесенной в магазин, Игнат, позабыв о своем голоде и усталости, буквально замер около собирающей букеты хозяйки.

– Что встал? Хочешь помочь – так помогай.

Игнат никогда не интересовался цветами и понятия не имел, как называются те цветы и листья (кроме роз, конечно), из которых составлялись сложные композиции букетов, но, внимательно посмотрев на то, как ловко и споро хозяйка цветочного магазина собирает букеты, попытался повторить за ней. Розовых и белых роз, из которых хозяйка составляла букеты, рядом больше не наблюдалось, так что Игнату пришлось взять красные.

Первый созданный им букет показался молодому человеку немного неуклюжим и незаконченным. Покрутив его в руках, Игнат огляделся. Заметив рядом вазу с какими-то мелкими белыми цветами, облепившими веточки, он взял оттуда цветок, присоединил ее к темно-красным розам, вынув из букета веточку с розовыми ягодами, и обернулся к хозяйке, как оказалось, внимательно наблюдавшей за ним.

– Вам работа нужна, молодой человек?

– Простите?

– Меня Флора Максимовна зовут. Вы прекрасно чувствуете цветы, молодой человек. Вы флорист? Учились где-то?

– Нет, – Игнат пожал плечами, положив букет на стол, – я просто подумал, что розовые ягоды смотрятся тут немного не к месту, тогда как эти цветочки очень подходят к темно-красным розам.

– Правильно подумали. Так нужна работа?

– А-м, меня Игнат зовут. Нет, я к другу еду. В Крым. Так что тут случайно. Меня Сан Саныч подобрал на дороге.

Именно в этот момент водитель заглянул в магазин:

– Хозяйка, мы закончили. Игнат, ты дальше сам доберешься?

Игнат молча покивал, а хозяйка магазина, велев ему продолжать и не отвлекаться от работы, поспешила принять сгруженный товар.

К тому моменту, как она вернулась, подписав все необходимые бумаги, Игнат успел собрать еще с десятков букетов, так что Флора Максимовна довольно улыбнулась:

– Ах, какой из тебя вышел бы помощник. Может, останешься на пару дней? Денег подзаработаешь. У нас сейчас свадьбы за свадьбами идут, а Крым – удовольствие не дешевое.

– Нет, извините. Мне на вокзал надо, узнать, как поезда ходят, и билеты купить.
– Тогда вот что: ты сейчас беги на вокзал, узнавай там, что тебе надо, а если сегодня уехать не получится, или передумаешь, то возвращайся. Я допоздна сегодня буду. А вокзал тут рядом. Минут двадцать пешком. Иди прямо, а на втором перекрестке – направо. Оттуда до вокзала уже рукой подать.
Поблагодарив добрую женщину, Игнат подхватил свои нехитрые пожитки и направился в указанном направлении.

До вокзала он действительно добрался довольно быстро. Вот только билетов в Крым нет и не предвиделось. Лето.

– Засада, – Игнат запустил пальцы в волосы и взлохматил короткую челку.

– Придется добираться на перекладных.

Больше всего его в тот момент беспокоило пересечение границы, да и время, которое он мог потратить на дорогу, увеличивалось чуть ли не вдвое.

– А может, и больше.

– Хай, какие проблемы?

Мужской голос, раздавшийся из-за спины, заставил Игната вздрогнуть. Обернувшись, он увидел позади себя странную пару. Парень и девушка с черными волосами, макияжем и в черных одеждах с металлическими украшениями смотрелись в летнюю жару весьма странно. Можно даже сказать, стремно. Хорошо, что уже был вечер, иначе они вполне могли бы получить солнечный удар. Игнат просто не мог представить себе, как можно так ходить.

– Эм, вы готы?

Переглянувшись, странная парочка заулыбалась.

– А что, не видно?

– Видно. Наверное. Просто я живьем готов никогда не видел. Извините.

Теперь ребята, заговорившие с Игнатом, откровенно веселились.

– Ты забавный, – отсмеявшись, сказала девушка, – меня Клара зовут, а это Ворон.

– Очень приятно. Игнат.

– Так в чем проблема, Игнат?

– Мне в Крым надо. К другу. А билетов нет. И кассирша сказала, что даже перед самым отправлением может не быть. Хотя иногда бывает, если кто-нибудь отказывается от забронированных заранее билетов.

– О-о, куда намылился. В Крым сейчас действительно не уехать, – Ворон покачал головой.

– Н-да. Если бы в обратную сторону или до Белгорода, можно было бы к проводникам подойти, а так... – Клара пожалала плечами, показывая, что дело Игната вовсе безнадежно. – Ну, разве что Король поможет. Только он «за просто так» никому не помогает.

– Деньги у меня есть. Правда, немного. А король – это начальник вокзала?

И снова взрыв смеха.

– Ой, парень. И откуда ты такой взялся? Сразу видно, не местный. Наш начальник вокзала сам к Королю на поклон ходит. Авторитет он. Один из самых крутых в городе. Ну что, пойдешь?

Сердце Игната как-то екнуло, и под ложечкой тревожно засосало. Но молодой человек откинул свои страхи и сомнения.

– Пойду. Попытка не пытка. А не очень поздно?

– Да ты что? Сейчас и начинается самая работа. Идем. Нам надо вон в то серое здание.

Миновав охрану, состоявшую из пары шкафообразных громил, обыскавших их при входе, парочка готов привела Игната к малоприметной деревянной двери, на которой ничего не было написано. Ворон вежливо постучал в нее и, заглянув, тихо доложил:

– Тут парень к Королю. С просьбой.

Неразборчивый ответ из-за двери – и вот уже она распахнулась во всю ширь, и Клара мягко подталкивает Игната, чтобы он заходил.

– Давай. Удачи.

Дверь за ним тихо затворилась, стоило только молодому человеку перешагнуть порог, и он оказался перед широким столом, заставленным оргтехникой, за которым сидел молодой мужчина, очень похожий на Кая. В первое мгновение Игнат даже улыбнулся ему и хотел поздороваться, поинтересовавшись, что Кай тут делает, но когда секретарь поднял голову, Игнат понял, что ошибся. Сходство было, но этот мужчина был немногим старше. Разрез глаз секретаря отличался от таких знакомых серых глаз его друга, да и нос, когда-то сломанный и криво сросшийся, тоже был чужим. А еще у Кая была совсем крохотная родинка слева на подбородке.

– Здравствуйте, – тихо произнес Игнат, когда их обоюдное молчание показалось ему излишне затянутым.

– Привет. По какому вопросу?

– Э-м. По личному?

Брови мужчины, так похожего на Кая, удивленно взметнулись вверх:

– По личному? Уверен?

– Нет. Мне билеты на поезд нужны. Ребята сказали, что Король может помочь.

– Он-то может. Вот только... – мужчина задумчиво оглядел просителя, а затем поднялся из-за стола.

– Ладно. Ты пока присядь, я узнаю, сможет ли Король тебя принять.

Игнат был настолько поражен встречей с двойником своего друга, что в первую минуту даже не обратил внимания на двойные двери, путь к которым и охранял секретарь.

Мужчина постучал в них и, получив разрешение, вошел, сразу же притворив двери за собой, чтобы через несколько секунд вернуться и пригласить Игната пройти внутрь.

Несмело переступив порог, Игнат оказался в кабинете с неярким освещением. Прямо перед дверью стоял письменный стол с компьютером. Слева и справа у стен

располагались книжные стеллажи с тонированными стеклами (странная прихоть), а за столом находилась еще одна дверь, в данную минуту распахнутая настежь. За ней виднелись бильярдный стол, пара кресел с высокими спинками и угол дивана.

В одном из кресел сидел мужчина лет пятидесяти. Дорогой светло-серый костюм, белые туфли – говорили о богатстве их обладателя; надменное выражение на лице и вино в бокале, которое мужчина медленно потягивал, внимательно разглядывая посетителя, – о том, что он был тут хозяином.

Сделав знак подойти ближе, мужчина закинул ногу на ногу и отставил бокал в сторону.

– Ты кто?

– Игнат Гордин. Студент.

Подойдя ближе, молодой человек рассмотрел и намечающуюся лысину, пока затронувшую только небольшую часть волос у лба, и странно блестящие холодные светло-карие глаза, напомнившие ему взгляд хищника, готового броситься на добычу в любой момент.

– Извините, зря я, наверное, вас побеспокоил, – Игнат немного повернул голову, чтобы бросить украдкой взгляд на дверь, оставшуюся позади него.

Это движение не осталось незамеченным, и губы мужчины растянулись в улыбке. Вот только улыбка его совсем не напоминала дружелюбную. Она скорее походила на оскал голодного хищника, что еще больше испугало незадачливого просителя. Вздвигнув от увиденного, Игнат начал медленно пятиться.

«Какого... я сунулся в нору этого «зверя»? Мама! Он пострашнее Арсения будет».

– Стоять. Зачем пришел?

– Э-м. Я... э-э. Я в Крым пробираюсь. К другу. Билеты нужны. Мне сказали – к Вам обратиться. Извините, если зря потревожил. Я пойду?

– Куда пойдешь? А билеты? Или уже не нужны? – говоря это, мужчина поднялся и стал медленно приближаться к Игнату.

Властный и одновременно какой-то вкрадчивый голос Короля заставил молодого человека замереть на месте, словно испуганного кролика перед удавом. Билеты были очень нужны, но только холодный пот, вдруг выступивший вдоль хребта, говорил о том, что не надо было соваться сюда. Игнат инстинктивно почувствовал, как какая-то невидимая опасность нависла над ним. Он еще не понимал, что это, но боялся. Даже колени начали подрагивать. Никогда в жизни ему не было так страшно.

– А ты знаешь, что за все надо платить?

– У меня есть деньги. Н-немного, но есть.

– Деньги? П-фе, как банально. Деньги у меня и у самого есть. И побольше, чем у тебя. А вот от такого хорошенького мальчика я бы не отказался.

Остановившись вплотную к Игнату, Король облизнулся более чем выразительно. Сердце молодого человека на миг замерло в испуге, а потом пустилось вскачь, словно хотело выпрыгнуть из груди, чтобы оказаться отсюда как можно дальше. Судорожно вздохнув, Игнат сделал шаг назад, натываясь на бильярдный стол.

– Я лучше пойду. Я... не предоставляю подобные услуги.

Вот только уйти ему не позволили.

– Куда же ты, зайка?

Сильные мужские пальцы обхватили его левую руку чуть выше локтя, останавливая и толкая плотнее к бильярдному столу. Рюкзак с его спины был сорван и отброшен в сторону, а сам Игнат в следующее мгновение был развернут спиной к Королю и прижат им к бильярдному столу так крепко, что его край больно врезался в живот молодого человека.

– Я еще не поиграл с тобой.

ГЛАВА 3.

Вскрикнув, Игнат забился в руках напавшего на него мужчины, пытаясь освободиться, но ничего из этого не вышло. Его только еще сильнее прижали к столу, надавив одной рукой между лопаток.

– Ну, что ты, зайка. Не дергайся, и я буду нежен. Могу даже заплатить.

Звук расстегиваемой молнии за спиной, а затем и пальцы, впившиеся в его естество сквозь тонкую ткань брюк и белья, вызвали паническое желание заорать, что Игнат бы и сделал, не прерви его именно в это момент женский крик:

– Папа! Ты же обещал!

Тяжесть, придавившая Игната к бильярдному столу, исчезла, и он медленно осел на пол. Его трясло от пережитого, и ноги просто отказывались держать хозяина в вертикальном положении.

– Регина, ну зачем ты?..

– Папа, ты же обещал, что больше никаких мальчиков на работе. Тем более что он явно не хочет.

В дверях стояла высокая привлекательная темноволосая девушка в белом брючном костюме, уперев руки в бока и глядя на все происходящее, грозно нахмутив брови.

– Он сам пришел.

– Значит, сам и уйдет. Рома!

На крик серьезно настроенной девушки в комнату заглянул секретарь. Лицо девушки тут же смягчилось. Она улыбнулась секретарю и вежливо попросила:

– Отведи, пожалуйста, этого молодого человека и помоги ему в его проблеме.

Поняв, что спасение его близко, Игнат подхватил с пола свой рюкзак и бросился прочь, чуть не столкнувшись в дверях с секретарем. К счастью, Роман вовремя отступил в сторону, пропуская спешащего прочь юношу.

Игнат остановился, переводя дыхание, только оказавшись на улице. Хлопнула дверь, и Роман вышел следом за ним, тихо посмеиваясь:

– Ну, как тебе наша принцесса?

– Принцесса?

– Ага, только она могла остановить Короля, так что можешь сказать мне спасибо за то, что я ее вовремя вызвал. А теперь пошли, куда там тебе надо было?

– В Крым.

– Идем в кассы. Заодно я познакомлю тебя с «менялой», который поможет тебе с обменом рублей на гривны. В поезде не меняй. Там работают аферист на аферисте, да и курс грабительский.

Через полчаса на руках у Игната были билеты до Джанкоя на ближайший поезд. Можно было бы взять билеты до Симферополя, но тогда он оставался практически без средств к существованию, а ведь ему надо было добраться еще до Ялты и отыскать там Кая. Да и жить в самой Ялте надо было на что-то. Конечно, дешевле было бы доехать на поезде до Харькова, а затем вновь голосовать на дорогах, но напуганный произошедшим Игнат решил не рисковать напрасно.

Прошло еще несколько часов, и вот уже молодой человек едет к своей цели в плацкартном вагоне. В душном вагоне, где было накурено, и битком набитом людьми, но он все же ехал, и это грело его душу.

«Скоро. Очень скоро я увижу Кая».

Поезд прибыл в Джанкой незадолго до полудня. Вокзал встретил приезжающих шумом и гамом. Всюду сновали таксисты, предлагающие свои услуги, и люди, сдающие квартиры приезжим. А еще тут же бродили торговцы съестным, так что отовсюду пахло жареными пирожками и сдобным тестом.

От всех этих запахов у Игната слюнки текли. Так что, прикинув содержимое своего кошелька, он купил одну булочку с творогом и съел ее, запив минеральной водой, купленной тут же. Украинские деньги были немного непривычны, но Игнат быстро сориентировался в ценах, мысленно переводя все в доллары. Так было понятнее соотношение цен, хоть и хлопотно.

На пути его несколько раз останавливали украинские полицейские, требуя показать паспорт и билет, но, кроме этих мелких неудобств, больше проблем не возникало, так что через некоторое время, несколько раз спросив дорогу, Игнат добрался до трассы, ведущей в столицу Крыма. Вот только до самого вечера ему так и не удалось поймать попутку. Автобусы на Симферополь ходили с завидной регулярностью, но тогда у Игната

остались бы деньги только на воду, да и то на пол-литровую бутылку. А дальше что? Юноша уже начал размышлять о том, чтобы вернуться в город и поискать место для ночлега, когда услышал приближающийся рев моторов. Колонна мотоциклистов, неторопливо следующих по трассе, поражала воображение.

Байкеры, в блестящих на солнце шлемах или черных банданах, в кожаных куртках с металлическими заклепками, величественно проезжали мимо, снисходительно глядя на глазающего на них парня, а он смотрел на их хромированных «коней» и завидовал белой завистью. Как же ему хотелось оказаться за рулем какого-нибудь из этих красавцев, хотя бы на несколько мгновений. Пусть не управлять, а только подержаться за руль, ощутить под пальцами холод металла, а под сидением почувствовать мощь работающего мотора. Он прекрасно осознавал, что такое желание пристало не молодому человеку, а скорее ребенку, но оно, желание, было, и никуда от него не деться.

Колонна мотоциклистов двигалась организованно. Байкеры ехали по парам или поодиночке, при этом небольшие группы из шести – восьми мотоциклов разделяло некоторое расстояние, чтобы обгоняющие их машины могли уйти со встречной полосы, пропуская следующий в обратном направлении транспорт. Весьма предусмотрительное решение, тем более что трасса была не широкая, старая, и трем машинам на ней было бы не развернуться. Да и состояние дороги оставляло желать лучшего, так что сильно разгоняться здесь не рекомендовалось, если, конечно, человек не имел желания покончить с собой.

Когда колонна байкеров почти проследовала мимо, один из них вдруг снизил скорость и, съехав с дороги, остановился рядом с замершим на обочине Игнатом. Из-под красно-синего шлема торчали длинные черные пряди волос, да и белая куртка-косуха, так, кажется, называлось подобное творение, никак не могла принадлежать мужчине. А уж когда затемненное стекло шлема приподнялось, являя Игнату лицо байкера, он даже вздохнул восхищенно, поражаясь тому, что при подобных обстоятельствах мог встретить девушку. Мотоцикл ее мало чем отличался от многих других, проехавших мимо, разве что привлекал внимание олень, некогда украшавший нос какой-нибудь старенькой волги, а теперь нашедший себе новое место, на мотоцикле леди-байкера, и прикрепленный над передним колесом. Это напомнило молодому человеку старинные корабли с фигурами на носу, и он улыбнулся своим мыслям, продолжая разглядывать незнакомку.

– Чего молчим?

– Что, простите?

– Я спросила, тебе куда?

– Извините. Задумался. Мне в Ялту.

– Могу довезти до Севастополя. У нас там ежегодный слет. Оттуда до Ялты по-любому ближе будет.

– Правда, можно? – от восторга Игнат чуть не подпрыгнул, а девушка-байкер, усмехнувшись, протянула ему запасной шлем, висевший на руле мотоцикла.

– Надевай и садись. Только держись крепче. Но если вздумаешь полапать, я тебе все конечности поотрываю. Усек?

Быстро закивав головой в знак согласия, Игнат надел шлем, застегнул ремень под подбородком и, поудобнее пристроив рюкзак за спиной, сел позади девушки, обхватив ее руками вокруг талии, сцепив пальцы в замок. А то мало ли что.

– Меня Мария зовут, – представилась девушка под рев мотоцикла, выезжая обратно на дорогу.

– Игнат.

Ветер в лицо, и дорога мелькает, исчезая из под колес байка, несущегося в неизвестность. Романтика. Игнат никогда не испытывал подобного удовольствия. Только здесь, сидя позади управляющей «железным конем» девушки, он вдруг понял, что жизнь – это та же дорога. Она ведет из пункта А в пункт Б и дальше, а какой будет эта дорога, прямая или ухабистая, ровная или извилистая, с множеством опасных поворотов, предугадать невозможно, пока не ступишь на этот путь. Главное, не ошибиться своей дорогой, правильно выбрав направление. И еще, раз ступив на свой путь, нельзя с него сворачивать, выбирая для себя другую дорогу, полегче и поровнее. Такое слабование – недостойно мужчины.

Колонна байкеров двигалась до самой темноты, а затем, по знаку предводителя, все свернули на небольшую проселочную дорогу, едва заметную в темноте. Здесь, недалеко от дороги, на небольшом невспаханном поле, был устроен привал на ночь. Палатки, костры, песни под гитару и разные истории, страшные или смешные. Все это напомнило Игнату его детство, когда они с ребятами собирались в каком-нибудь «тайном» месте, играя в партизан или казаков-разбойников. Те же истории и смех, только тогда они жарили на кострах хлеб, представляя себе, что это было мясо, а здесь мясо было вполне настоящим.

Байкеры его ни о чем не расспрашивали, просто приняв в свою компанию того, с кем свела их дорога. Они разделили с ним свой ужин и воду, а вот спиртного здесь не было, несмотря на расхожее мнение о том, что байкеры все поголовно без пива жить не могут. На вопрос Игната почему так, Мария ответила, пожав плечами:

– Пиво мы любим, хотя и не все. Но в дороге пьяному не место. Она шутить не любит. Пьяный и сам может пострадать, и товарищей подставит, а это уже не дело. Таким среди нас места нет.

Согласные возгласы парней и их кивки подтвердили слова Марии, а потом один из парней взял гитару у другого, и все снова запели. И неважно, что у кого-то не было голоса или слуха, они пели душой, и чем дольше Игнат находился среди этих людей, тем яснее понимал, что среди них он чувствует себя спокойно, словно все они, совершенно разные по возрасту и социальному положению, вдруг стали его семьей. Были тут и шесть девушек, но они ехали со своими парнями, в отличие от Марии. А еще Игнату, сидящему у одного из костров с суровыми парнями, вновь вспомнилась сказка о Снежной королеве. «Интересно, что чувствовала Герда, попав в лапы разбойникам? Быть может, она, как и я, хотела бы остаться с ними, да только верность слову и долг оказались крепче желания свободы? А может, она и не задумывалась над подобными проблемами, а просто шла вперед по своей дороге, не сворачивая, потому что в ее маленьком сердце горела любовь, ставшая для храброй девочки путеводной нитью, не давшей ей сбиться с пути».

Размышляя над этим, Игнат почувствовал, как тихая тоска пробралась в его сердце. Ему словно позволили заглянуть в узенькую щелочку на совершенно другой мир, скрытый от него практически непроницаемой завесой. Этот мир, прекрасный и романтичный, все же был чужим для него. Таким ярким, привлекательным, соблазнительным, но чужим.

«Хотя... может быть... когда-нибудь ...» – юноша прикрыл глаза, вдыхая пьянящий запах костра и свободы.

– Игнат, иди-ка ты спать. Глаза вон слипаются, – девушка хлопнула его по плечу, и молодой человек, согласно кивнув, отошел туда, где были расстелены на земле одеяла. Не объясняться же, в самом деле, с ними о своих чувствах и мечтах. А он мечтал. Мечтал о многом, но в этот, именно в этот момент, он больше всего жалел, что рядом не было Кая, что он не мог увидеть и ощутить все то, что видел и ощущал Игнат. Ведь словами так

тяжело объяснить то, что он узнал и понял. Это надо было прочувствовать самому, прожить, пройти, вдохнуть, чтобы понять.

Утро встретило Игната щебетом жаворонка. Короткий завтрак, состоящий из бутербродов и чая в котелках, сборы, а потом снова была дорога.

Пока они ехали, Мария успела выспросить у него все и о себе, и о том, куда и зачем он направляется. Говорить сидя на мотоцикле было неудобно, но Игнат, как вежливый гость, исправно и правдиво отвечал на вопросы своей гостеприимной хозяйки. Он только умолчал о своих истинных чувствах к человеку, называемому другом, но ведь это было его личным делом, верно? И никого, кроме них двоих, эти чувства и отношения не касались. Несколько часов в дороге, и вот Мария сворачивает к небольшой остановке, выкрашенной в зеленый цвет со смешными ромашками.

– Вот тут мы и расстанемся. Тебе налево, а нам – направо. Здесь ты легко найдешь если не попутку, то автобус до Ялты. Прощай, Игнат. Надеюсь, твой друг сможет оценить то, что ты для него делаешь.

Мотоцикл взревел, увозя хозяйку, гордо восседающую в «седле» своего железного коня. – Вот и закончилась очередная глава моей сказки. Маленькая разбойница довезла меня на олене почти до замка Снежной королевы, а дальше я буду добираться сам. Ладно, чай не зима, не замерзну.

Попутка нашлась быстро, так что в Ялту Игнат попал к тому времени, когда дневная жара уже начала стихать. Высадив его у рынка, хозяин старенькой двушки поехал по своим делам, а перед юношей встала проблема, как отыскать в этом городе нужного ему человека.

– Бычки! Вяленая кефаль! Лещ! Рыбка к пиву! Бычки!

Зычный голос торговли рыбой плыл по улице, привлекая внимание к товару, выложенному на ящике, застеленном клеенкой. Ведомый вдруг вспыхнувшей в голове идеей, Игнат подходит к торговке.

«Чем черт не шутит, а вдруг...»

– Здравствуйте.

– И тебе, парень, не кашлять. Рыбки хочешь?

– Нет, я спросить хотел. Тут где-то мой друг живет с братом, может, знаете? Его зовут Кай, а брата Арсений. Фамилия их Королевы.

– Уж не Арсения ли Семеновича ты имеешь в виду? Блондинистый такой с глазами шо той лед?

Обрадовавшись, Игнат подтвердил, что именно их он и ищет.

– Знаю, как не знать. Дома, почитай, на одной улице стоят. Ты вот что, видишь, маршрутка стоит? Садись в нее и езжай до конца. Как выйдешь на конечной, ищи дом с зеленой крышей. За ним начинается переулок. Иди по нему, пока не дойдешь до почты. За почтой и начнется нужная тебе улица. Поворачивай направо и иди, пока не дойдешь до большого забора из кирпича. Это и будет дом Арсения Семеновича.

С нетерпением выслушав до конца разъяснения женщины, Игнат поблагодарил ее и почти бегом бросился к маршрутке, медленно заполняющейся людьми, покидавшими рынок.

Он одновременно верил и не верил в то, что наконец-то добрался туда, куда так стремился уже несколько дней. Сердце в груди тревожно билось в ожидании встречи, а все происходящее казалось сном, так что Игнат даже ущипнул себя за руку, заняв место на заднем сидении маршрутки.

Поморщившись от боли, он тут же улыбнулся, тихо прошептал:

– Не сон. Кай, я уже близко.

ГЛАВА 4.

Искомый дом нашелся довольно быстро, благодаря объяснению торговли рыбой. Вот только попасть в него оказалось не так просто. Массивные ворота и пара охранников стали непреодолимой преградой для юноши. Убедившись в том, что пропускать его никто не собирается, несмотря на его горячие уверения в знакомстве с хозяевами и в том, что его ждут, Игнат пошел вдоль забора, выискивая место, где можно было бы проникнуть внутрь, минуя охрану. И такое место нашлось. Здоровенное старое дерево, росшее в двух метрах от забора, простирало свои ветви над кирпичной преградой. Оставалось только залезть на него, перебраться по ветке над забором и спрыгнуть с той стороны. Игнат никогда особо не увлекался спортом, но если надо, он готов был не только лезть по этому дереву, но и прыгать с парашютом, хотя высоты, честно говоря, побаивался с детства. Он уже обходил дерево кругом, прикидывая с какой стороны лучше залезать на него, когда рядом остановился белый мерседес.

– Игнат? Решил свить там себе гнездо?

Смутно знакомый голос и насмешливая интонация заставили юношу вздрогнуть и чуть наклониться вперед, заглядывая в салон автомобиля.

– Арсений. Здравствуйте. Я хотел повидаться с Каем. Если Вы не против.

«А если против, я все равно его увижу».

– А если против, ты полезешь по этому дереву?

Игнат даже вздрогнул, когда Арсений озвучил его мысли.

– Я не собираюсь прятать от тебя Кая, тем более что тебе давно пора понять кое-что.

Садись в машину.

Как только Игнат оказался внутри, автомобиль мягко тронулся с места и через минуту они уже въезжали во двор большого двухэтажного дома, в который Игнат так стремился попасть. Миновав ворота, машина подъехала к небольшой забетонированной площадке, на которой уже стоял небольшой серебристый джип. Припарковавшись рядом, Арсений вышел из машины, пригласив Игната следовать за собой, и направился к дому.

Около дверей, ведущих в дом, мужчина средних лет в фартуке сажал цветы, бережно вынимая их из горшочков и перенося на небольшую овальную клумбу.

– Максим Сергеевич, не скажете, где Кай?

– Отчего же не сказать, Сеня. За домом он, в бассейне плещется с самого утра. И не один.

Услышав это, Арсений недовольно поджал губы и кивнул Игнату:

– Пойдем.

Пройдя через прохладный холл и маленький зимний сад под стеклянным куполом, они вышли на площадку за домом, где был установлен бассейн. Возле него, в одном из шезлонгов с зонтиком, наслаждалась покоем девушка с фигурой фотомодели, потягивая что-то из высокого стакана через соломинку и весело переговариваясь с парочкой, плещущейся в воде. Вторая девушка мало чем отличалась от первой, разве что волосы у нее были чуть светлее и купальник синий, а не зеленый, а вот парень... парнем оказался Кай. Наслаждающийся жизнью Кай, играющий в догонялки с весело взвизгивающей девицей. Он с рыком прыгал на нее, поднимая тучу брызг, отчего девушка и взвизгивала, пытаясь увернуться от большей их части.

– Кай, к тебе гости!

Выкрик Арсения заставил Кая приостановиться всего на миг, чтобы рассмотреть гостя, а затем он снова продолжил увлекательную погоню, выкрикнув:

– Раздевайтесь и давайте к нам!

«Он даже не поздоровался», – отчего-то именно этот факт заставил Игната пошатнуться, словно ему нанесли удар. Он всегда знал, что Кай не разделяет его предпочтений в сексе, но то, что «друг» обратил на него внимания не больше, чем на случайно встреченного человека, потряс Игната.

– Пойдем, – Арсений подхватил Игната под руку и потащил за собой обратно в дом, – тебе надо выпить.

Игнат совершенно не понимал, куда его ведут и зачем, погрузившись в себя. У него было такое чувство, словно Кай его предал. Да, тот ничего и никогда не обещал ему, Игнат сам все придумал и про любовь, и про их дружбу, и вот теперь понимание этого больно ударило по его сердцу, разбивая веру и отнимая надежду.

Очнуться его заставил холодный бокал, насильно вложенный в руку.

– Пей.

Не понимая, что он делает, Игнат автоматически сделал несколько глотков и только потом понял, что у этого напитка был весьма ощутимый градус. Горло обожгло на вдохе, и Игнат закашлялся. У него возникло такое чувство, словно он горит изнутри, причем горел не только пищевод, но и легкие с сердцем.

– Кхе-кхе. Что... кхе-кхе... это?

Чужие пальцы отобрали пустой бокал, а ладонь другой руки похлопала по спине, помогая справиться с дыханием.

– Коньяк.

Арсений показал бутылку, из которой вновь налил в тот же бокал. Только теперь он не стал предлагать напиток своему гостю, а сам сделал пару глотков, осушая бокал.

Отдышавшись, блондин искоса взглянул на замершего рядом с ним молодого человека:

– И что теперь?

– Теперь? – Игнат оглядел большую комнату, оказавшуюся гостиной, не очень понимая, как он тут оказался. – Не беспокойтесь. Я уже понял, что приехал зря, и сейчас уйду.

– Черта с два, – Арсений со стуком поставил бутылку обратно в бар и со злостью захлопнул его дверцу. – Никуда ты не поедешь, по крайней мере, сегодня. В доме достаточно спален, чтобы ты смог спокойно отдохнуть в одной из них.

– Спасибо, конечно, но...

– Никаких «но». Пойдем.

Подхватив Игната под локоть, мужчина решительно потянул его за собой. Пройдя немного по коридору, Арсений остановился, показывая на две двери, находящиеся напротив друг друга:

– Выбирай любую. И не вздумай исчезнуть по-английски. Я предупрежу охрану, чтобы тебя не выпускали без моего разрешения.

Делать нечего. Открыв правую дверь, Игнат вошел в просто обставленную комнату с двуспальной кроватью у окна. Подойдя к окну, он отогнул темно-синие гардины и выглянул в окно. Надо же было такому случиться, что окно в этой комнате выходило именно на бассейн, так что, выглянув, Игнат стал свидетелем того, как человек, которого он любил, пусть и тайно для всех, идет к дому, обнимая обеих девиц, прижавшихся к нему с двух сторон.

Тихо застонав, Игнат отшатнулся от окна, а потом почувствовал, как очертания комнаты расплылись перед глазами. Только всхлипнув, он понял, что плачет. В следующую секунду крепкие руки прижали Игната к теплomu мужскому телу, позволяя уткнуться

лицом в его шею. И слезы, до того медленно скользившие по щекам, тут же хлынули неудержимым потоком.

– Игнат, ну что ты? Не надо. Он не стоит твоих слез. Не плачь.

Эти слова обжигали его сердце, а ладонь, ласково поглаживающая голову и спину, – душу. В какой-то момент Арсений раздел несопротивляющегося и продолжавшего рыдать юношу, а затем просто уложил его под тонкое одеяло, пристроившись рядом. Слезы к тому времени чуть стихли, сменившись икотой.

– Я совсем... ик... замочил тебе рубашку.

– Это такая мелочь, – Арсений снова провел ладонью по голове Игната, прижимая его к себе.

– Легче?

– Угу, – испытывая неловкость за свои слезы, Игнат хотел было отодвинуться от мужчины, но тот его не отпустил. Вместо этого он нашел своими губами губы юноши и впился в них страстным поцелуем.

Игнат растаял под этой нехитрой лаской, сдаваясь на милость сильного и позволяя себя целовать, а затем и отвечая на поцелуй. Когда же поцелуй прервался, пальцы Арсения легко пробежали по лицу юноши, едва ощутимо очерчивая его контуры.

– Спи.

И Игнат уснул, безоговорочно доверившись человеку, которого раньше боялся.

Разбудил юношу голод. Живот обиженно урчал, напоминая, что со вчерашнего дня его не кормили, да и раньше особо не баловали харчами. Сев на кровати и оглядевшись, Игнат понял, что быстро ему из этого дома не выбраться. Его одежды рядом не наблюдалось, как и рюкзака с вещами. На самом же Игнате, кроме трусов, ничего не было надето. Зато рядом с кроватью, на спинке стула, обнаружился темно-синий халат, видимо специально приготовленный для него.

Делать нечего. Пришлось Игнату надевать то, что есть, и отправляться в поисках пропитания.

В коридоре, куда юноша вышел, никого не оказалось. Он даже позвал:

– Эй, есть кто-нибудь?

Но ответом ему стала тишина.

«Не заглядывать же мне во все двери подряд?»

Пожав плечами, Игнат решил спуститься вниз, там наверняка найдется кто-то, у кого он сможет спросить дорогу или узнать, где найти хозяина дома.

Лестница нашлась довольно быстро, так что блуждать по дому в поисках спуска ему не пришлось. Ступеньки вывели его в большой коридор квадратной формы. Слева и справа находились по две двери, а перед собой Игнат обнаружил двери, ведущие на улицу.

«И что дальше?»

Игнат уже собирался постучаться в ближайшую дверь, когда его привлекли голоса, зазвучавшие с противоположной стороны. Говорили там, видимо, и раньше, но теперь разговор перешел на повышенные тона и стал достаточно хорошо слышен в коридоре. Невольно сделав несколько шагов в ту сторону, Игнат услышал стук, словно кто-то ударил по столу кулаком.

– Не смей так о нем говорить!

Голос Арсения не узнать было невозможно. Но какая же в нем звучала угроза! У Игната даже мурашки по спине побежали.

«Не хотел бы я, чтобы таким тоном разговаривали со мной».

– А что такого? Он сам приперся. Его, между прочим, никто не звал!

Голос Кая тоже был легко узнаваем, а вот слова обожгли болью начавшее было успокаиваться сердце. Колени задрожали, и Игнат невольно прислонился к стене рядом с дверью, чтобы не упасть.

– Заткнись!

– А что я такого сказал?! Правду?! То, что ты хочешь его трахнуть, было понятно еще несколько лет назад. Нет, вы только представьте себе: Герда явилась во дворец Снежной королевы за Каем, при этом Снежная королева желает трахнуть Герду! Или уже трахнул?

Короткий злой рык. Звук удара и тишина. А потом...

– Еще раз откроешь свой поганый рот, чтобы облить его грязью, и я не посмотрю на то, что ты мой брат. Понял?!

Голос Арсения звучал слишком близко к двери. Отойти Игнат не успел, так что резко распахнувшаяся дверь вывела хозяина дома прямо к подслушивающему разговор юноше. На миг Арсений замер, потрясенно распахнув свои светло-голубые глаза:

– Ты все слышал?

Отрицать было глупо и бесполезно, так что Игнат согласно кивнул:

– Последние два предложения.

Игнат оттолкнулся от стены и отступил на шаг.

– Я сейчас уеду, только верните мне мои вещи.

Заурчавший от голода живот испортил все впечатление от решительного тона своего хозяина.

Арсений тяжело вздохнул:

– Я тебя не имею права удерживать, но завтраком, как вежливый хозяин, накормить обязан.

Завтрак состоял из творога и сметаны, а также горячего чая с ватрушками. Видя недоуменный взгляд Игната, Арсений пояснил, что горячую выпечку к завтраку ему поставляет на дом одна из частных кондитерских, за определенную плату.

– Может, расскажешь, как ты сюда добрался? – спросил Арсений, маленькими глотками отпивая чай из прозрачной чашки.

Поскольку скрывать юноше было нечего, он честно пересказал все, что произошло за время путешествия.

– И правда, похоже на сказку. Цветочница, вороны, злой король и принцесса с принцем, а потом разбойники и северный олень, – Арсений покачал головой, удивляясь странным совпадениям, произошедшим с Игнатом по пути.

– Вот только Кай так и не сложил свое слово «вечность».

– Нет, не так. Он даже не пытался сложить это слово. В этом его главное отличие от того, сказочного Кая. Мой брат с детства был избалованным любимчиком. Привык жить легко, ни о чем не думая, ни о ком не заботясь.

– И что теперь?

– Теперь? Теперь все изменится. А ты... пока останешься у меня.

– Нет, я не могу. Мне домой надо.

– Пешком и на попутках? Хочешь опять попасть в какое-нибудь приключение? Тебе и так повезло, что добрался сюда живой и здоровый. Второй раз может так не повезти.

Понимая справедливость его слов, Игнат задумался, прикусив губу.

– Я устроюсь куда-нибудь на работу, а когда наберу достаточно денег, поеду домой на поезде.

– Вот и оставайся у меня. Ты ведь умеешь готовить, а мне нужен человек, чтобы готовил

и следил за домом. Кая дома почти не бывает. Обычно он до утра пропадает по клубам, так что вы вряд ли будете часто видеться. Подумай над моим предложением. А пока... хочешь мороженого?

– Мороженого? Хочу.

Усмехнувшись жадному блеску в глазах молодого человека, Арсений подошел к холодильнику.

– Ванильное или шоколадное?

– Шоколадное. И ванильное.

Рассмеявшись, Арсений извлек из большой морозильной камеры два пакета с мороженым и, поставив их на стол, полез доставать креманки. Игнат же, прочтя название мороженого, тоже не смог сдержать смеха:

– «Снежная королева».

– Ага, – Арсений достал, наконец-то, искомое и, щедро зачерпнув мороженое специальной ложкой, выложил два разноцветных шарика в одну из стеклянных креманок, – тебе полить сиропом или шоколадом посыпать? А может, и то и другое?

– Да. Все. И можно еще вареньем, если есть.

– Есть. Вишневое. Любишь мороженое?

– Очень. Вишневое – подойдет.

– В таком случае к зарплате прилагается бонус – ежедневная порция мороженого на десерт. Так что, согласен?

Проглотив первую ложку холодной вкуснятины, Игнат зажмурился от удовольствия.

– Если мороженое будет ежедневно, согласен.

– Тогда позвони маме и скажи, что ты задерживаешься. Она, наверное, волнуется.

Игнат почувствовал, как щеки его заливают краска стыда. За все время пути он даже не подумал о такой простой вещи, как звонок домой.

– Прямо сейчас и позвоню. Спасибо.

– Прямо сейчас не надо. Доешь сначала свое мороженое.

ГЛАВА 5.

Месяц пролетел незаметно. Работы у Игната оказалось не так уж много. На завтрак в дом по-прежнему доставлялась горячая утренняя выпечка, так что за ним был только обед и ужин на двух персон, если, конечно, к ним за обедом не присоединялись охранники, что в последнее время случалось все чаще. Крепкие ребята мигом сметали все со стола и жадно поглядывали на кастрюли в ожидании добавки. Арсений, застав однажды подобную картину, даже рассмеялся.

– Ты не тот путь выбрал в жизни. Надо было тебе идти по кулинарной стезе. Шеф-повар из тебя вышел бы замечательный.

Зардевшийся от похвалы Игнат пожал плечами:

– Одно другому не мешает.

Кая он и в самом деле видел не часто, а если судьба и сводила их где-нибудь в коридорах особняка, они расходились, делая вид, что не видят друг друга. В душе Игната обида на друга постепенно угасала, сменяясь на холодное равнодушие. Рассудив здраво, он понял, что в большей степени сам виноват во всем произошедшем, ведь Кай ничего ему не обещал, он сам придумал себе все, от начала до конца, и жил со своей придумкой, не видя, или не желая видеть, реальность, которая однажды больно щелкнула его по носу. Теперь ему было даже неловко вспоминать тот свой порыв, когда он бросился спасать своего друга, совершенно в этом не нуждающегося. Глупый, наивный поступок,

иначе не скажешь.

Зато Арсений почти все время находился где-то рядом. А если был вынужден уехать по делам, то обязательно отзванивался пару раз, уточняя все ли у него в порядке. Эта забота одновременно и радовала, и смущала Игната. Он прекрасно понимал, что хозяин дома к нему равнодушен, но никаких предложений или намеков на постель от него не поступало, и Игнат временами терялся, не понимая, так ли это на самом деле или он снова что-то себе нафантазировал. А уж когда юноша несколько раз случайно ловил на себе странные, будоражащие воображение взгляды Арсения, тут он вообще терялся, не зная, как реагировать, и делал вид, что ничего не замечает.

Он прожил в доме Арсения Королева месяц, честно отработывая обратный билет, пока однажды...

– Вот билет и деньги. Твой поезд завтра из Симферополя. Водитель утром тебя отвезет, я уже распорядился.

Перед Игнатом на стол лег конверт, в котором действительно находились деньги и билет на поезд. Так и недонесенная до рта ложка пюре медленно опустилась обратно в тарелку. Проигнорировав купюры, Игнат достал билет и внимательно изучил его, чтобы скрыть затянувшуюся паузу. Купе. Нижняя полка.

«Как же так?»

Он уже понял, что Арсений стал ему небезразличен, но главного понимания они пока так и не достигли, так что Игнат совершенно не ожидал такого быстрого и резкого финала их отношений.

«Да и не было никаких отношений. Так, бред и фантазии мальчишки, захотевшего любви. Глупо».

– За билет – спасибо. А денег тут слишком много. Я не возьму.

– Бери. И прекрати разыгрывать гордость.

– Я не разыгрываю ничего.

– Знаю. Но они тебе пригодятся, да и заработал ты их честно. Так что бери и не стесняйся. Завтра я уезжаю за границу и не вернусь уже до конца лета. Так что, сам понимаешь, делать тебе тут будет нечего. Если только ты не желаешь пообщаться с Каем?

Вопросительная интонация и косой взгляд Арсения заставили юношу отрицательно помотать головой. Вот уж чего-чего, а устраивать разборки с Каем ему совсем не хотелось.

– Вот и отлично. А теперь я спать. И тебе советую. Завтра рано вставать.

С этими словами Арсений ушел, а Игнат, почистив тарелки и загрузив их в посудомоечную машину, вышел на улицу.

Солнце медленно опускалось за горы. Бордово-красное небо предвещало ветер, но не это волновало Игната в тот момент. Его грызло чувство неправильности всего происходящего. Словно он сам разрушил что-то важное для себя. Не сказав или не сделав чего-то, могущего изменить его жизнь.

«А может, еще не поздно?»

Решительно тряхнув головой, Игнат отправился в дом.

«Так. Прежде всего – душ».

Вымывшись с особой тщательностью, Игнат вытерся и надел халат на голое тело.

«Смазку и презервативы».

Вот тут возникла проблема. Ни того, ни другого у юноши не было. Но если как смазку он мог использовать детский крем, найденный в ванной, то бежать за вторым в ближайшую аптеку было теперь глупо.

«Ладно. Может, у него есть. А если нет... ну и черт с ними».

Дойдя до дверей спальни Арсения, юноша поколебался еще минуту, представляя себе, как его сейчас оттуда выставят с треском, а потом все же вошел, тихо притворив за собой дверь.

Спальня хозяина мало чем отличалась от гостевой комнаты, куда поселился Игнат. Разве что мебели было больше, да картины на стенах висели. Гардины в комнате были отодвинуты, так что лунный свет достаточно освещал комнату для свободного передвижения по ней. Обнаженный Арсений лежал на спине, правая рука его была заведена за голову, а левая покоилась на груди. Левая нога была согнута в колене, что не позволяло в достаточной мере разглядеть мужское достоинство Арсения. Игнат нервно сглотнул. В принципе, он мог бы уйти, и ничего бы не было, но... то ли любопытство, то ли желание избавиться, наконец, от неуверенности, толкнули Игната на следующий шаг. Скинув халат, юноша решительно вздохнул и скользнул на кровать рядом с обнаженным мужчиной.

Арсений тревожно нахмурился, мотнул головой, словно прогоняя назойливую муху, и снова мерно задышал, так и не проснувшись. Зато Игнат уловил исходящий от него аромат спиртного, да и почти пустая бутылка того самого коньяка, стоявшая на прикроватной тумбочке со стороны хозяина дома, теперь была хорошо видна. Игнат совершенно не представлял себе, что ему следовало делать дальше. В его планах Арсений должен был сейчас проснуться и... либо выгнать нахала, либо заняться с ним любовью, а вместо этого блондин спокойно спал.

Поерзав на кровати, Игнат нерешительно пододвинулся ближе к мужчине. Потом еще чуть-чуть и еще, пока не оказался лежащим почти вплотную к блондину.

Первое несмелое прикосновение к мерно вздымающейся груди вызвало у юноши мурашки по всему телу. Только они были предвестниками не страха, а возбуждения. Ласкать мужчину оказалось удивительно приятно, так что пальцы, обведя круги вокруг сосков, медленно поползли вниз. Достигнув белых волос внизу живота, Игнат помедлил, нерешительно посмотрев в лицо Арсения. Убедившись же в том, что мужчина по-прежнему продолжает спать, он судорожно вздохнул, облизнув губы, и опустил руку ниже. Почувствовав, как под пальцами начал расти чужой член, наливаясь силой, Игнат чуть не застонал. Как и всякий молодой человек, Игнат умел избавляться от утреннего возбуждения собственными силами, но о том, что ему приятно будет ласкать чужой член, он никогда даже не задумывался.

Именно в этот момент на его руку, сжимающую мужское достоинство Арсения, легла чужая ладонь. Игнат испуганно вскрикнул и попытался отдернуть свою руку, но чужие пальцы держали достаточно крепко.

– Не надо так пугаться. Я совсем не против. Приласкай меня еще немного, и я окажу тебе такую же услугу.

Представив, как пальцы Арсения будут ласкать его там, Игнат мгновенно возбудился. Вот только была одна небольшая проблема.

– Эм, кхм, я... не очень знаю... как правильно.

– Ничего, я подскажу. Давай вместе?

Такого удовольствия, как от совместных ласк, Игнат еще никогда не испытывал.

Оказалось, что отдаваться чужим рукам и губам, – намного приятнее, чем дронить самому себе, используя для стимуляции собственную фантазию. Игнат сожалел только о том, что все слишком быстро закончилось.

Видя его расстроенное лицо, Арсений тихо фыркнул и поинтересовался:

– Не понравилось?

– Нет, понравилось. Только я... – Игнат замешкался, не зная, как сказать, а затем просто протянул Арсению найденный крем, – вот. Только презервативов я не нашел.

Конечно же, мужчина не сразу понял, что ему пытается объяснить смущенный молодой человек. А когда понял...

– Ты уверен, что хочешь продолжить? Если все пойдет достаточно далеко, я просто не смогу остановиться.

Говоря это, Арсений тяжело дышал, и Игнат не сразу понял отчего. Поначалу он решил, что это последствие их бурного совместного времяпрепровождения, однако начавший вставать член блондина опроверг это гипотезу. Поняв, что, несмотря на пережитый оргазм, Арсений его все равно хочет, юноша почувствовал, как его сердце радостно забило в груди.

– Я не хочу, чтобы ты останавливался. Я даже согласен без презерватива.

– Глупый мальчишка. – Глубокий поцелуй, больше похожий на нападение, заставил Игната буквально задохнуться. – У меня все есть. Сейчас.

Из прикроватной тумбочки были извлечены и презервативы, и тубик лубриканта, а вот бутылка с недопитым коньяком, до этого стоявшая спокойно наверху, пошатнулась от резких нетерпеливых движений мужчины и опрокинулась, выливая свое содержимое на ковер. Только никто не обратил на это внимания.

Арсений был очень осторожен и, несмотря на свои заверения в том, что может не остановиться, постоянно замирал, спрашивая, не больно ли Игнату и хочет ли он продолжить. Эти вопросы выводили из себя сильнее дискомфорта от пальцев, растягивающих вход в тело юноши, так что когда он услышал этот вопрос в очередной раз, то просто взвыл не своим голосом:

– Да трахни ты меня уже!

– Уже, мой хороший.

Короткий поцелуй, и вот «каменный» член проникает в тело молодого человека, срывая с его губ крик боли. Несмотря на слабые попытки юноши отстраниться, Арсений входит до конца и замирает, давая ему привыкнуть к своему размеру.

Когда жжение внизу стало не таким болезненным, Игнат чуть шевельнул бедрами, давая понять, что можно продолжать, и они продолжили.

Боль? А что такое боль по сравнению с тем наслаждением, что испытал молодой человек в конце их любовной игры? Игнату даже показалось на миг, что он умер, и душа его покинула тело, взлетая к небесам, – настолько мощным и всепоглощающим был его оргазм.

– Спасибо, – только и смог прошептать он, проваливаясь в сон, очень похожий на маленькую смерть.

Утро началось со щебета птиц, солнечного луча, нагло лезшего прямо в глаза, довольно неприятного дискомфорта на коже, куда попала сперма, и между ног, где все саднило и болело. Но главное – это пустая постель и полное отсутствие Арсения в пределах видимости.

Решив, что блондин вышел на минуту по каким-нибудь делам, Игнат подхватил свой халат с пола, охая при этом, словно бабка с радикулитом, а затем поспешил в свои комнаты, желая поскорее принять душ. Однако когда, освежившись и одевшись, он спустился вниз, оказалось, что Арсений уехал еще до рассвета.

– Уехал? И ничего не передавал мне?

– Нет. Он еще вчера оставил распоряжение отвезти тебя в Симферополь на вокзал. В груди больно кольнуло.

«Опять я себе нафантазировал то, чего нет, и не было».

Понуро повесив голову, Игнат вернулся в свою комнату, быстро собрал свои вещи в рюкзак. На глаза ему попался злосчастный конверт с деньгами и билетом. Прежде чем засунуть его в кармашек рюкзака, Игнат вынул оттуда почти все деньги, оставив их на прикроватной тумбочке.

– Я не из-за денег.

С тоской оглядев комнату, в которой он прожил месяц, Игнат вышел, тихо прикрыв дверь, хотя ему очень хотелось хлопнуть ею из всех сил, так, чтобы стекла задрожали. А еще перед глазами все как-то странно расплывалось.

«Я не истеричка», – зло утерев глаза, Игнат бегом спустился вниз и сел в поджидающий его автомобиль.

«Вот и закончилась сказка».

Горный пейзаж постепенно сменялся полями и деревеньками, то и дело мелькающими за окном автомобиля. Если дорога в Ялту вызывала в его душе трепет предвкушения от встречи с другом, то обратная дорога ничего не пробуждала, кроме желания расплакаться. В конце концов он просто закрыл глаза и откинулся на спинку сидения, стараясь ни о чем не думать, только вот получалось у него плохо.

Судорожное бибиканье догоняющей их машины вывело Игната из дремотного состояния. Не успел он поинтересоваться, что происходит, как белый мерседес обогнал их, перекрыв дорогу. Водитель, матерясь, ударил по тормозам, и их машина остановилась буквально в сантиметре от дверцы белого мерседеса. Хорошо, что водитель заставил его пристегнуться, иначе влип бы Игнат лицом в стекло, а так обошлось без членовредительства.

Водитель все матерился, выражая свою «радость» от столь внезапной встречи с боссом, а Игнат мог только открывать и закрывать рот, словно рыба, выкинутая на песок.

Наблюдая за приближающимся к пассажирской двери Арсением, Игнат, судорожно дергая застрявший ремень безопасности, перебирал в уме причины столь яростной погони, но ничего толком придумать так и не смог. Арсений же, распахнув дверцу, просто вытянул Игната из машины, чтобы начать его целовать, ничего не говоря.

– Арс... м-м... м-мму ты нас преследовал?

– Потому что не успел попрощаться.

– Но ты же сам... я думал... ничего не понимаю.

– Я поехал, чтобы найти тебе подарок и решить пару вопросов со своим отлетом. К сожалению, я задержался и не успел к твоему отъезду. Пришлось догонять.

– Подарок? Мне? Зачем?

– Потому что я хочу, чтобы у тебя было что-то, что не позволило бы тебе забыть меня, пока я не вернусь.

– Ты хочешь вернуться ко мне? – у Игната даже дыхание прервалось. – Когда?

– Я приеду через семь дней. А пока... вот, – мужчина протянул Игнату простенькую, вроде бы серебряную, цепочку для ношения на запястье. Посредине цепочки была сделана вставка в виде плоской пластины длиной сантиметра в три – четыре. На этой пластине изящными вензелями было выписано «Игнат».

– Я хотел сначала кольцо взять, но потом подумал, что ты его постесняешься носить, а это – можно. Переверни его, – прошептал Арсений на ухо опешившему юноше.

Перевернув браслет, Игнат увидел, что сзади на вставке написано «Арсений».

На глазах почти сразу же начали наворачиваться слезы.

– Как же ты... – юноша сглотнул, не в силах продолжить.

– Пришлось немного постараться, чтобы разбудить сначала ювелира, а потом гравера, но это пустяки. Главное – чтобы тебе нравилось.

– Мне нравится. Очень.

Протянув правую руку с цепочкой, свисающей с ладони, Игнат попросил:

– Помоги надеть.

Вокзал встретил их суетой и шумом. До отправления поезда осталось всего несколько минут, и многие люди стояли на перроне, прощаясь.

– Значит, через семь дней?

– Да. Дождешься? Ни о чем не жалеешь?

– Конечно, дождусь. И жалею кое о чем.

– О чем? – голос Арсения зазвучал хрипло, и улыбка медленно сползла с лица.

– О том, что сказка кончилась, – тихо рассмеялся Игнат, по-мальчишески показав язык блондину.

– Глупый, – с облегчением улыбнувшись, Арсений прижал к груди молодого человека, взлохматив ему волосы, – сказки должны заканчиваться, чтобы следующая сказка могла начаться. А вот какой она будет – зависит только от нас.

– Я хочу, чтобы она была добрая, со счастливым концом.

– Значит, так и будет.

Проводница громко потребовала пройти в вагон, и обнимающаяся парочка с сожалением распалась.

– Через семь дней?

– Да. Жди.

– Буду. А знаешь, что меня радует больше всего? Нам удалось сложить свое слово «Вечность». Вместе.

КОНЕЦ

Колобок, колобок, докатился голубок.

от автора: дорогие читатели, то, что вы видите перед собой - это стёб! Пожалуйста, не относитесь к этому серьезно.

Жанр данной вещи - ритейлинг из фанфа по Гарри Поттеру и всем известной сказки.

Предупреждение: ГП я не читала, каюсь, только фильм смотрела, так что в именах героев могут быть ошибки.

Предупреждение: сказка не бечена, извините. Если уверены, что перед вами ошибка, используйте общественную бету, исправлю.

Предупреждение: НЦ-сцену не ждите!

КОЛОБОК, КОЛОБОК, ДОКАТИЛСЯ ГОЛУБОК

- Гарри, ты что натворил? – Гермиона с ужасом смотрела на вяло булькающую в котле ярко-голубую жидкость. – Только что все было нормального желтого цвета, ты должен был положить одну горошину душистого перца, а что положил?

- Перец и положил. Вот, - Гарри продемонстрировал спичечный коробок, в котором осталось еще несколько черных горошин.

- Гарри, это же не душистый перец, а горький!

- А что, есть разница? Они, вроде бы, одинаковые.

- Вовсе нет. Разница в том...

Договорить Гермиона не успела. Голубая жидкость вдруг вспенилась и выплеснулась из ученического котла, окатив Гарри Поттера с ног до головы. В следующее мгновение рядом оказался профессор Снейп.

- Поттер, - ядовитым тоном протянул он, презрительно сощурившись, - естественно без вас тут не обошлось. После уроков подойдете ко мне, будем учиться варить зелье для выведения биологических пятен, а теперь марш мыться.

Виновато потупившись, мокрый до нитки Гарри бегом устремился в жилые помещения гриффиндорцев, чтобы принять ванну.

Теплая вода смывала с волос и тела остатки неудавшегося зелья, и Гарри подставил лицо под струи воды, ловя их губами. Чистая форма уже ждала его на вешалке, зельеварение было последним уроком, так что Гарри не торопился покидать душ. Встречу с профессором Снейпом хотелось оттянуть на как можно больший срок. Ничего хорошего Гарри от этой встречи не ждал. Профессор как всегда будет издеваться над не совсем удачливым гриффиндорцем, причем физическую силу к своим студентам профессор никогда не применял, ведь словом ударить можно было намного больнее. А эта его манера растягивать в разговоре его имя и фамилию вообще бесила Гарри неимоверно. Одно воспоминание об этом голосе, произносящем «Мистер Пот-т-тер», и у Гарри стада мурашек бегут по спине.

Наконец, Гарри решил, что дольше тянуть нельзя, и покинул ванную комнату. Одевшись, юноша вышел в общую гостиную, однако там его ожидала профессор МакГонагалл. Строгая седоволосая дама внимательно оглядела юношу:

- Гарри, я хотела поговорить с тобой о... - недоговорив, профессор МакГонагалл потянула носом воздух, принюхиваясь, и глаза ее вдруг зажглись ведьмовским огнем. Облизнувшись, седая профессор сделала шаг навстречу Гарри, заставив его в испуге попятиться, слишком уж плотоядным было выражение ее лица.

- Гар-р-ри, милый мальчик, подойди ко мне, - сказав это, профессор медленно расстегнула верхнюю пуговицу жакета и призывно качнула бедрами, заставив Гарри испуганно икнуть.

- Эт-то зачем?

- Мальчик, ты так юн и привлекателен. Так бы и съела тебя, - еще несколько пуговиц оказались свободными, открывая шею и декольте пожилой колдуньи.

- Н-не-надо. Я несъедобный, - Гарри пятился к выходу, пока не почувствовал спиной дверь. Быстрый рывок и Гарри выскочил на лестницу, бегом устремляясь прочь от странно ведущей себя профессора МакГонагалл.

Вот только далеко уйти Гарри не смог. Внизу лестницы он буквально налетел на директора школы Альбуса Дамблдора, медленно шествующего мимо с задумчивым видом.

- Гарри, куда ты так спешишь? – профессор обхватил юношу за плечи, чуть отстраняя от себя и принюхиваясь к чему-то.

- Там... профессор МакГонагалл... какая-то странная.

- Вот как? – Дамблдор склонил голову к шее Поттера, с шумом втягивая в себя воздух. – Ты так замечательно пахнешь, Гарри.

- Профессор? Что с Вами?

- Со мной? Все в порядке, Гарри, а вот ты такой... м-м-м, аппетитный мальчик.

Вскрикнув, Гарри рванулся, но руки немолодого профессора оказались на удивление сильными. Притянув юношу к себе, Альбус Дамблдор перехватил его одной рукой за спину, тогда как вторую положил на пах испуганно дернувшегося Гарри.

- Нет, пустите! – взвизгнул юноша.

- Гарри, ну, что ты, тебе же будет хорошо.

- Нет! – упершись руками в грудь профессора, Гарри еще раз попытался вырваться, изо всех сил отталкивая пожилого ловеласа. На этот раз ему повезло. Пошатнувшись,

Дамблдор вынужден был отпустить Гарри, чтобы сохранить равновесие, чем и воспользовался юноша. Проскользнув под вытянутой рукой профессора, Гарри бросился прочь, стремясь уйти от свихнувшегося профессора.

Пробежав по коридору почти до конца, Гарри заскочил в первый попавшийся класс, показавшийся ему пустым. Прислушавшись к тому, что происходит за дверями и, убедившись, что погони за ним нет, Гарри с облегченным вздохом прислонился спиной к стене и сполз по ней, присев на корточки. Однако спокойно отдышаться юноше не удалось.

- Так-так-так, Гарри Поттер, какая встреча, - хорошо знакомый насмешливый голос заставил Гарри встрепенуться, встретившись взглядом с ехидно усмехающимся блондином.

- Драко Малфой, какое несчастье встретиться с тобой.

- А уж я как не рад, хотя... - приблизившись к все еще сидевшему у стены Поттеру, Малфой криво усмехнулся, собираясь сказать еще что-то, но тут же замер, как-то странно вздрогнув, а затем глаза его азартно блеснули.

- Гар-р-ри, какой ты... красивый.

- Чего? Сдурел? – глаза юноши широко распахнулись от удивления, но Малфой уже не обращал внимания на слова, поднявшегося на ноги Гарри. Он просто кинулся вперед и буквально впечатал его в стену возле двери, просунув между ног свое колено. Вскрикнув, Гарри забился в его объятьях, но трепыхался он напрасно.

- Пусти меня, псих несчастный! - кричал Гарри, но Драко его не слышал. Он целенаправленно рвал на груди мантию Гарри, жарко дыша ему в лицо.

- Тихо, Поттер, не дергайся. Я только трахну тебя и все. Давай, расслабься и получай удовольствие.

Вот только Гарри не собирался позволять Драко отыметь себя в классе, тем более что туда в любую минуту мог кто-нибудь войти.

- Немедленно пусти, иначе... – договаривать Гарри не стал. Воспользовавшись тем, что Малфой чуть отстранился, прижимаясь ртом к шее юноши, Гарри приподнял правую ногу и нанес сокрушительный удар коленом между ног Драко. Малфой взвыл, отшатываясь, рухнул на колени и зажал руками пострадавшее место.

Когда Гарри в разодранной мантии выскочил в коридор, Малфой все еще продолжал выть.

- Так тебе и надо, придурок! – выкрикнул Гарри на бегу, не собираясь останавливаться.

Несколько поворотов, лестничный пролет и еще поворот, за которым Гарри налетел на профессора Люпина.

- Гарри, в чем дело? Куда ты так спешишь?

- Профессор Люпин, как хорошо, что я вас встретил. Сегодня творится что-то странное, все какие-то дикие и на меня кидаются.

- В самом деле? – Римус Люпин принюхался, и глаза его блеснули желтым, как у хищного зверя. – Думаю, я смогу тебя защитить. Пойдем.

Римус кивнул в сторону приоткрытой двери в свою комнату, но Гарри вдруг почувствовал опасность, а потому отрицательно помотал головой и начал пятиться назад, однако Римус отпустить его не собирался. С тихим рычанием он кинулся вперед и вцепился пальцами в руку Гарри, которой он пытался свести вместе разодранную на груди мантию.

- Римус, что ты делаешь? Пусти! – но Люпин и не подумал останавливаться. Он целенаправленно затягивал Гарри в комнату, при этом Римус плотоядно облизывался и тяжело дышал.

Ухватившись свободной рукой за дверной косяк, Гарри взбрыкнул, даже не надеясь на удачу, но капризная Госпожа Удача не отвернулась от него на сей раз. Гарри попал ногами в живот Римуса, и тот упал на спину, отрывая рукав и так фактически уничтоженной мантии, зато Гарри освободился.

И снова Гарри вынужден был бежать. Только на этот раз он не рискнул искать убежища в школе магии. Он выбежал на улицу, не зная, где искать убежище, чтобы обдумать все происходящее. И тут взгляд Гарри остановился на крыше дома Хагрида.

«Вот кто поможет мне» - решил Поттер и стремглав бросился к своему большому другу.

- Хагрид, спрячь меня – выдохнул Гарри едва переводя дыхание, врываясь в дом Хагрида.

- Гарри? Что случилось?

- Хагрид, они все сошли с ума. Сначала меня пытались соблазнить профессор МакГонагалл и профессор Дамблдор, потом в классе чуть не изнасиловал Малфой, а когда я сбежал от него, то профессор Люпин попытался сделать то же самое. Я уже не знаю что делать. Можно спрятаться у тебя?

- Конечно, Гарри, проходи, садись, я расскажу тебе о своем новом приобретении. Кстати, а чем от тебя пахнет?

- Пахнет? – переспросил Гарри, присаживаясь к столу. - Не знаю. А что?

- Да... - Хагрид замялся, потирая пах через штаны, - как-то странно я себя чувствую, словно... м-м-м, и этот запах.

И тут Гарри вспомнил, что все, кто набрасывался на него, сначала принюхивались, так

же как делает сейчас великан Хагрид, вот только вырваться от него будет намного сложнее.

- Прости, Хагрид, поболтаем в другой раз, - Гарри просто не рискнул испытывать судьбу и сбежал из дома великана до того, как тот решит воспользоваться юношей не как другом.

Однако оказавшись на улице, Гарри снова стал перед выбором куда идти.

- От МакГонагалл ушел, от Дамблдора ушел, от Малфоя ушел, от Люпина ушел и от Хагрида ушел, а куда дальше идти?

Оглядевшись, Гарри двинулся было к лесу, но тут же остановился, решив, что пока от него идет какой-то непонятный аромат, возбуждающий всех окружающих, в лес ему лучше не соваться. Там живет множество различных существ, в том числе кентавры, от которых будет весьма проблематично сбежать, а уж если попасться такому полуконю, прибывающему в возбужденном состоянии...

- Очень не хочется, чтобы мою задницу порвал какой-нибудь конь, но куда мне деваться, и что это за запах?

Задумавшись, Гарри вдруг припомнил, как его облило с ног до головы неудавшимся зельем, а что если?..

- Профессор Снейп! Ну, конечно, он точно знает что делать!

И Гарри Поттер бросился на поиски преподавателя-зельевара.

Профессор Снейп нашелся в классе зельеварения. Он сидел за учительским столом и что-то писал, когда Гарри влетел в кабинет, захлопывая за собой дверь.

- Мистер Поттер, Вы опоздали, - зло прошипел профессор, поднимая голову.

- Простите, профессор, но тут такое дело...

Медленно оглядев юношу в разодранном одеянии, Снейп презрительно фыркнул:

- Я вижу, мистер Поттер, что вы перепутали мой класс с раздевалкой.

- Нет, все совсем не так. Со мной что-то произошло, на меня все бросаются, пытаюсь... домогаясь... в общем, ко мне все пристают.

- Не удивительно, мистер Поттер, ведь Вы умудрились вместо пятновыводителя сварить приворотное зелье, да еще и искупались в нем.

- Так это все из-за того голубого зелья? И что мне делать?

- Прежде всего, мистер Поттер, замкните дверь и сядьте, я не собираюсь перекрикиваться с вами через весь класс.

Гарри уже открыл рот, чтобы огрызнуться, но тут же напомним себе, что ругань со

Снейпом может обойтись ему очень дорого, а потому молча выполнил требования профессора и занял указанный стул.

- Что мне делать?

- Прежде всего, снимите с себя эту тряпку, в которой с трудом можно опознать ученическую мантию. Ваш оборванный вид не вдохновляет ни на что кроме подаяния милостыни.

Когда Гарри выполнил и это требование, Снейп снова указал ему на стул.

- Сядьте. Палочка при вас?

Гарри испуганно ощупал карманы снятой мантии и отрицательно покачал головой:

- Я ее не успел взять. Пришла профессор МакГонагалл и... все закрутилось.

- Что ж, все к лучшему.

Профессор Снейп встал, обошел стул, на котором сидел Гарри, и встал за его спиной.

Когда ладони профессора легли на плечи юноши, тот вздрогнул и попытался встать, но команда – «Сидеть!», - поданная грозным голосом заставила его испуганно замереть.

- П-профессор?

- Сидеть, Поттер, пока я не разрешу шевелиться.

Холодные пальцы Снейпа пробежали вдоль позвоночника Гарри, а затем вернулись ему на плечи, чтобы начать их разминать.

- Мистер Поттер, вы один из худших моих учеников.

- Но...

- Молчать! Своей неусидчивостью и невнимательностью вы прославитесь в веках, если я не вобью хоть немного разума в вашу голову. И если это можно сделать только через задницу... что ж, я так и намерен поступить.

Слушая гневную речь профессора, Гарри, сам того не ожидая, расслаблялся под его чуткими пальцами. Когда рядом кто-то застонал, Гарри даже не сразу понял, что это его голос, настолько приятно было ему от легкого массажа, что делал профессор Снейп. Даже когда Снейп велел ему встать и нагнуться над столом, лично спуская с Гарри штаны, тот и не подумал сопротивляться, принимая это как нечто само собой разумеющееся. Гарри даже слегка расставил ноги и прогнулся в спине, готовясь испытать нечто невероятное, однако вместо ласковых и нежных прикосновений кожу ягодич ожег хлесткий огненно-горячий росчерк, заставивший Гарри вскрикнуть.

- Ай!

Короткий свист розги и новый ожог, а еще сильная рука прижимает к столу не давая вырваться - сказали Гарри о том, что его надеждам не суждено было исполниться.

- Это, мистер Поттер, за все то время, что вы отняли у меня своей бездарностью.

И снова свист, и хлесткий удар.

- Ай!

- Это за все те ингредиенты, что вы так бездарно испортили.

- Ай!

- Это за то, что невнимательно слушаете то, что вам говорят.

- Ай!

- А это за то, что не думаете головой, прежде чем что-то делать, полагаясь на свое везение. Ну и последний, так сказать, для закрепления материала.

- А-я-яй!

Последний удар был самым сильным, хотя ягоды несчастного Гарри и так пылали, словно их жалили сотни ос.

- Теперь, мистер Поттер, можете встать.

Когда Гарри, постанывая и охая, натянул на пострадавшую часть тела штаны, профессор Снейп поставил на стол перед ним два флакона:

- С содержимым желтого флакона примите душ, это уничтожит запах приворота, которым вы сводите с ума окружающих, а зеленым обработаете свою задницу, чтобы завтра Вы могли сидеть на уроках, хотя я с удовольствием оставил бы Вас мучиться подольше. А теперь ступайте.

Когда же Гарри взялся за ручку двери, чтобы покинуть класс, его настиг холодный голос Снейпа:

- Мистер Поттер, надеюсь, впредь у Вас хватит ума избегать подобных инцидентов.

- Конечно, профессор, - тихо прошептал Гарри, покидая класс.

Стоя под душем, и ощущая весьма болезненное покалывание кожи там, где по нему гуляла розга, юноша морщился, вспоминая произошедшее. На следующем уроке по зельеварению он будет очень внимательно слушать профессора, потому что быть выпоротым – это не самое приятное времяпрепровождение, особенно когда надеешься на что-то другое.

- И от бабушки ушел. И от дедушки ушел. И от зайца ушел. И от волка ушел. А вот от лисы не удалось уйти. По крайней мере, с целой шкурой. Вот так-то голубок. То есть колобок.

Гарри Поттер посмеялся над своей оговоркой, и пошел одеваться, намереваясь еще раз обработать пострадавшее место перед тем, как надевать штаны. Он просто не читал трудов Зигмунда Фрейда и не знал, что случайных оговорок не бывает!

КОНЕЦ.

от автора: Я сменила статус на "завершен", но это не значит, что сказок больше не будет. Обязательно будут. Клянусь.